

ISSN 2712-8385

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН — РЕГИОН СОТРУДНИЧЕСТВА

Материалы V международной научно-практической конференции

Калининград
20—22 октября 2021 года

Том 5

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2021

УДК 332.1:911.3

ББК 65.9:65.04

Б207

Редакционная коллегия

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., председатель
организационного комитета конференции

Л. А. Жиндарев, д-р геогр. наук, проф.

А. Г. Дружинин, д-р геогр. наук, проф.

Т. Пальмовский, д-р геогр. наук, проф.

Е. А. Антипова, д-р геогр. наук, проф.

Э. Спиряевас, д-р геогр. наук, доц.

Б207 Балтийский регион — регион сотрудничества : материалы V международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Михайлова. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. — Т. 5. — 227 с.

ISBN 978-5-9971-0663-8

Представлены материалы V международной научно-практической конференции «Балтийский регион — регион сотрудничества» (20—22 октября 2021 г., Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта).

Рассматриваются теоретические, методические и прикладные аспекты исследований регионов различного территориального уровня. Предметом изучения стали актуальные социально-экономические, политические, социальные и экологические проблемы и перспективы их решения в современных нестабильных условиях.

Предназначен ученым и специалистам различных научных направлений, занимающимся региональными исследованиями, аспирантам и студентам. Конкретные рекомендации могут быть использованы в практике управления региональным развитием.

УДК 332.1:911.3

ББК 65.9:65.04

ISBN 978-5-9971-0663-8

© БФУ им. И. Канта, 2021

IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY

BALTIC REGION — THE REGION OF COOPERATION

Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference

Kaliningrad
20—22 October 2021

Volume 5

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2021

УДК 332.1:911.3

ББК 65.9:65.04

Б207

Editorial council

Prof. Gennady M. Fedorov, the head of organizing committee of the conference

Prof. Leonid A. Zhindarev

Prof. Alexander G. Druzhinin

Prof. Tadeusz Palmowski

Prof. Ekaterina A. Antipova

Prof. Eduardas Spiriajevas

Б207 Baltic region — the region of cooperation. Regions in the era of global

change : Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference / vol. ed. A. A. Mikhaylova. — Kaliningrad : Immanuel Kant Baltic Federal University Press, 2021. — Vol. 5. — 227 p.

ISBN 978-5-9971-0663-8

The Proceedings of the V international scientific and practical conference «Baltic region — the region of cooperation» (October 20—22, 2021, Kaliningrad, I. Kant Baltic Federal University) are presented.

Theoretical, methodological and applied aspects of research in regions of different territorial levels are considered. Prominent economic, political, social, and environmental problems and the prospects for their solution in modern unstable conditions are in the focus of consideration.

The papers of the collection are intended for scholars and specialists in various research areas engaged in regional research, postgraduate, graduate, and undergraduate students. The policy and managerial recommendations presented can be used in managing regional development.

УДК 332.1:911.3

ББК 65.9:65.04

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i> (Г. М. Федоров).....	9
<i>Теоретические вопросы географии</i>	
<i>Колосов В. А.</i> Интернационализация общественной географии: разные стороны медали	11
<i>Дружинин А. Г.</i> Морское побережье России: пространственная структура, геополитическая и геоэкономическая специфика	16
<i>Горочная В. В.</i> Евразийские проекции морехозяйственной активности России на развитие трансграничного сотрудничества в регионах Балтики и Причерноморья	21
<i>Каледин Н. В., Фелисеева А. А.</i> Санкционная геополитика как фактор трансграничного сотрудничества	29
<i>Межевич Н. М., Сенюк Н. М.</i> Миграционная политика России: учет литовского опыта	35
<i>Сикач К. Ю.</i> Крым в структуре трудовых миграций Южного федерального округа России	40
<i>Волошенко К. Ю.</i> Взаимосвязь экономической безопасности и уровня развития регионов Западного побережья России	44
<i>Белов Н. С., Белова А. В., Шаплыгина Т. В., Данченков А. Р.</i> Применение новых технологий для формирования цифровых двойников уникальных и редких природных и культурных объектов	55
<i>Чеснокова И. В., Жиндарев Л. А., Лихачёва Э. А., Морозова А. В.</i> Страхование как инструмент геоэкологического управления	63
<i>Szymańska D., Lewandowska A.</i> Cities in the context of contemporary challenges — urban infrastructure and environmental challenges	69
<i>Географические проблемы развития Балтийского региона</i>	
<i>Часовский В. И.</i> Региональные различия и типы трансформации в обрабатывающей промышленности Северо-Западного федерального округа России.....	78
<i>Лачининский С. С.</i> Оценка геополитических рисков и перспектив отношений России и Запада в Балтийском регионе	87
<i>Левченко А. В., Киндер С.</i> Перспективы институционализации управления российскими агломерациями с учетом опыта стран Балтийского региона.....	95
<i>Лялина А. В., Соколова Ф. Х.</i> Локальные особенности миграционной привлекательности Балтийского региона и европейского Севера России	105
<i>Мартынов В. Л.</i> Пригороды Санкт-Петербурга: природа и люди	115
<i>Чученкова О. А., Манаков А. Г.</i> Изменение величины и структуры турпотока в Эстонии и Латвии в 2020 году	120
<i>Барина Г. М., Краснов Е. В., Романчук А. Ю., Рябкова О. И.</i> Особо охраняемые природные территории и роль международного сотрудничества в обеспечении экологической безопасности Балтийского региона	125

<i>Усенко А. А.</i> Оценка функционирования еврорегионов в Балтийском макрорегионе.....	132
<i>Пономаренко И. А.</i> Приграничное сотрудничество в сфере морских перевозок углеводородов в Балтийском регионе	141
<i>География Калининградской области</i>	
<i>Федоров Г. М.</i> Реструктуризация экономики Калининградской области как приоритетной геостратегической территории России.....	145
<i>Зверев Ю. М.</i> Геополитические угрозы приграничному сотрудничеству Калининградской области	152
<i>Гуменюк И. С.</i> Актуальное состояние приграничного сотрудничества Калининградской области	160
<i>Goncharova Yu. V., Kurowska-Pysz J.</i> Tendencies of cross-border cooperation development in the Russian-Polish and Russian-Lithuanian borderlans	165
<i>Кропинова Е. Г., Анохин А. Ю., Боровик Н. А.</i> Проблемы и перспективы развития сельского туризма в Калининградской области	181
<i>Михайлова А. А., Хвалей Д. В.</i> Цифровизация и социально-экономическое развитие урбанистического пространства на примере Калининграда	189
<i>Гуменюк Л. Г.</i> Место малых городов в системе расселения Калининградской области	202
<i>Пекер И. Ю.</i> Отражение Калининградской области в научных исследованиях: национальные и международные особенности.....	208
<i>Спирин Ю. А., Зотов С. И., Королева Ю. В., Таран В. С.</i> Водотоки полейдеров Калининградской области: геоэкологическое состояние и перспективы использования	217
<i>Дизендорф Л. О.</i> К вопросу о создании национального парка на Балтийской косе	222

CONTENT

<i>Introduction</i> (G. M. Fedorov)	9
<i>Theoretical Issues of Geography</i>	
<i>Kolosov V. A.</i> Internationalization of human geography: different sides of the medal.....	11
<i>Druzhinin A. G.</i> The sea borderlands of Russia: spatial structure, geopolitical and geo-economic specifics	16
<i>Gorochnaya V. V.</i> Eurasian projections of Russia's maritime economic activity on the development of cross-border cooperation in the Baltic and Black sea regions	21
<i>Kaledin N. V., Feliseeva A. A.</i> Sanctions geopolitics as a factor of cross-border cooperation.....	29
<i>Mezhevich N. M., Senik N. M.</i> Migration policy of Russia: taking into account the Lithuanian experience.....	35
<i>Sikach K. Yu.</i> Crimea in the structure of labor migration in the Southern federal district of Russia.....	40
<i>Voloshenko K. Yu.</i> Interdependence between economic security and development level of the regions of Russian western borderlands	44
<i>Belov N. S., Belova A. V., Shaplygina T. V., Danchenkov A. R.</i> Application of new technologies for the formation of digital twins of unique and rare natural and cultural objects	55
<i>Chesnokova I. V., Zhindarev L. A., Likhacheva E. A., Morozova A. V.</i> Insurance as an environmental management tool.....	63
<i>Szymańska D., Lewandowska A.</i> Cities in the context of contemporary challenges — urban infrastructure and environmental challenges	69
<i>Geographic problems of the Baltic region development</i>	
<i>Chasovskii V. I.</i> Regional differences and types of transformation in the processing industry of subjects North-Western federal district of Russia	78
<i>Lachininskii S. S.</i> The Assessment of geopolitical risks and prospects for relations between Russia and the West in the Baltic region	87
<i>Levchenkov A. V., Kinder S.</i> The perspectives on institutionalization of Russian agglomerations management considering the experience of the Baltic region countries	95
<i>Lialina A. V., Sokolova F. H.</i> Local features of the migration attractiveness of the Baltic region and the European North of Russia	105
<i>Martynov V. L.</i> Suburbs of St. Petersburg: nature and society.....	115
<i>Chuchenkova O. A., Manakov A. G.</i> Changes in the size and structure of the tourist flow in Estonia and Latvia in 2020	120
<i>Barinova G. M., Krasnov E. V., Romanchuk A. Yu., Ryabkova O. I.</i> Specially protected natural territories and the role of international cooperation in ensuring the environmental safety of the Baltic region.....	125

<i>Usenko A. A.</i> Assessment of the Euroregions functioning in the Baltic macro-region	132
<i>Ponomarenko I. A.</i> Cross-border cooperation in the field of sea transportation of hydrocarbons in the Baltic region	141
<i>Geography of the Kaliningrad region</i>	
<i>Fedorov G. M.</i> Restructuring the economy of the Kaliningrad region as a priority geostrategic territory of Russia	145
<i>Zverev Yu. M.</i> Geopolitical threats to cross-border cooperation of the Kaliningrad region	152
<i>Gumenyuk I. S.</i> <i>The</i> Current state of cross-border cooperation in the Kaliningrad region	160
<i>Goncharova Yu. V., Kurowska-Pysz J.</i> Tendencies of cross-border cooperation development in the Russian-Polish and Russian-Lithuanian borderlands	165
<i>Kropinova E. G., Anokhin A. Yu., Borovik N. A.</i> Problems and prospects for the development of rural tourism in the Kaliningrad region	181
<i>Mikhaylova A. A., Hvalej D. V.</i> Digitalization and socio-economic development of urban space on the example of Kaliningrad.....	189
<i>Gumenyuk L. G.</i> The place of small towns in the settlement system of the Kaliningrad region	202
<i>Peker I. Yu.</i> Reflection of the Kaliningrad region in scientific research: national and international specifics.....	208
<i>Spirin Yu. A., Zotov S. I., Koroleva Yu. V., Taran V. S.</i> Polder water courses of the Kaliningrad region: geocological state and prospects of use	217
<i>Disendorf L. O.</i> Creation of a national park on the Baltic Spit.....	222

В связи с пандемией коронавируса пятая международная научно-практическая конференция под общим названием «Балтийский регион — регион сотрудничества» проведена 20—22 октября 2021 г. онлайн. По состоянию на 3 октября 2021 г. в расчете на 1000 жителей число впервые заболевших COVID-19 составляло 3,0 % населения мира, 8,6 % — Европы без России, 6,4 % — стран Балтийского региона без России (Германия, Польша, Швеция, Дания, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония) и 5,2 % населения России. В трех расположенных в Балтийском регионе субъектах Российской Федерации (Санкт-Петербурге, Новгородской и Псковской областях) эта доля выше, чем в среднем в зарубежных странах Балтийского региона. А в двух — Ленинградской и Калининградской областях — ниже¹. Коронавирус отстывает медленно, и контакты между учеными приходится осуществлять с помощью платформ для видеоконференций. Но как только станет возможным, мы возобновим наши ежегодные очные встречи в Калининграде, на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Особенностью конференции 2021 г. является и то, что она осуществляется с участием не только, как обычно, партнеров БФУ им. И. Канта из научных центров стран Балтийского региона и ближайших российских регионов, но и из вузов, входящих в образованный в 2020 г. университетский Консорциум «Рубежи России». Его членами стал ряд федеральных университетов — Балтийский им. И. Канта (Калининград), Северный (Арктический) (Архангельск), Южный (Ростов-на-Дону), Дальневосточный (Владивосток), Крымский им. В. И. Вернадского (Симферополь), а также Севастопольский, Псковский и Астраханский государственные университеты. В рамках Консорциума осуществляются научные исследования по приграничной проблематике, проводятся научные конференции и семинары. Крупная конференция, посвященная 75-летию Калининградской области, — «Рубежи России: геополитика, регионалистика, историческая память», прошла в Светлогорске (Калининградская область) 23—24 августа 2021 г.

---

¹ Расчеты на основе данных: *Коронавирус*: статистика по странам. URL: <https://index.minfin.com.ua/reference/coronavirus/geography/> (дата обращения: 03.10.2021); *Счетчик населения Земли*. URL: <https://countrymeters.info/ru/World> (дата обращения: 03.10.2021); *Коронавирус COVID-19*. URL: <https://news.mail.ru/coronavirus/stat/region/39/?region=43&country=188> (дата обращения: 03.10.2021); *Счетчик населения Европы*. URL: <https://countrymeters.info/ru/Europe> (дата обращения: 03.10.2021); *Население регионов России 2021*. URL: http://www.statdata.ru/largest_regions_russia (дата обращения: 03.10.2021).

Большинство публикаций представлено по результатам проектов, выполненных при поддержке грантов российских научных фондов и Министерства образования и науки РФ:

Госзадание № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении»;

Грант РФФИ № 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»;

Грант РФФИ № 21-77-00082 «Цифровая трансформация трансграничного сотрудничества регионов России как фактор национальной безопасности»;

Грант РФФИ № 20-05-00399 «Теоретическое обоснование концепции и стратегии развития Калининградской области как приоритетной геостратегической территории Российской Федерации»;

Грант РФФИ № 20-05-00725 А «Пространственные модели и эффекты социокультурных процессов в Крыму в условиях интеграции региона в социально-экономическое пространство России»;

Грант РФФИ № 20-55-76003 ЭРА_т «Социальные инновации и повышение ценности местности в сельских регионах».

Публикации сборника тематически объединены в три раздела: «Теоретические вопросы географии», «Географические проблемы развития Балтийского региона», «География Калининградской области».

Опубликованные материалы вносят вклад в развитие теории общественной географии, обосновывают предложения по совершенствованию пространственной организации Балтийского региона и налаживанию сотрудничества ученых разных стран в решении общих проблем, дают рекомендации по учету различных факторов в развитии российских приморских, в том числе балтийских, регионов, в особенности Калининградской области.

*Г. М. Федоров,
профессор, председатель Организационного комитета конференции,
директор Центра геополитических исследований
Института геополитических
и региональных исследований Балтийского региона БФУ им. И. Канта,
член Ученого совета и Совета регионов
Русского географического общества,
председатель Калининградского отделения
Русского географического общества,
заслуженный деятель науки Российской Федерации*

УДК 910.1

В. А. Колосов¹

¹Институт географии РАН (Москва, Россия)

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ: РАЗНЫЕ СТОРОНЫ МЕДАЛИ

Рассмотрены критерии и роль интернационализации в развитии общественной географии. Охарактеризованы позитивные и негативные стороны использования английского языка как средства международной коммуникации и современных способов оценки научных достижений.

The author considers criteria and the role of internationalization in the development of human geography, the positive and negative aspects of using the English language as a means of international communication and contemporary methods of assessing scientific achievements.

Ключевые слова: общественная география, оценка достижений, английский язык, международные журналы.

Keywords: human geography, assessment of achievements, English, international journals.

В 2022 г. отмечается столетие Международного географического союза (МГС) — единственной глобальной научной ассоциации географов. Этот юбилей, которому посвящен внеочередной Международный географический конгресс в Париже (июль 2022 г.), — повод оценить влияние интернационализации на развитие географии, на смену парадигм, концепций, методов исследования.

Интернациональный характер современного научного знания — общепризнанная истина. Более того, интернационализация науки, в том числе географии, в последние десятилетия ускорилась. Однако как определить соответствие проекта, статьи или монографии мировому уровню? Как отражается интернационализация в содержании географических исследований в настоящее вре-

мя? Как сочетается самобытность российской научной школы, необходимость изучения специфических проблем нашей страны с распространением единых подходов и технологий в общественной географии?

Интернационализация географии, как и других наук, протекала неравномерно во времени и пространстве и зависела от размера, географического положения и уровня развития каждой страны, масштабов научных исследований, политической обстановки в мире и политического режима. Привычные ныне показатели интернационализации — количество совместных с зарубежными авторами работ в журналах, индексируемых в международных базах данных, цитируемость, двойные и множественные аффилиации, число и состав участников международных проектов или участников международных конференций, обмены преподавателями и студентами и т. д. Использование большинства из этих показателей стало возможным только благодаря современным телекоммуникациям.

Появление Интернета привело к исключительно быстрому распространению новых источников информации, способов ее сбора, хранения, представления, анализа и использования, новых методов и теорий. К концу 1994 г. в мире насчитывалось всего 2,7 тыс. сайтов, в 2001 г. — 29,2 млн, а в 2019-м — уже более 1,7 млрд¹. Обмен информацией по Интернету позволил создать международные общедоступные базы данных для изучения земной поверхности с помощью дистанционного зондирования. Удалось устранить зависимость многих международных сопоставлений от особенностей статистики разных стран и разделения единого пространства государственными и административными границами. Синтез возможностей геоинформационных систем, обмена сведениями по Интернету, дистанционного зондирования и обработки больших объемов информации обеспечил ее визуализацию и интерпретацию в режиме реального времени и в любом масштабе.

Интернет способствовал производству множества новых видов данных для общественных наук, прежде всего для общественной географии: информации о перемещениях людей и транспортных средств. Неоценимые перспективы исследований открылись благодаря интеграции разнородной информации в привязке к территории — статистической, социологической, дискурсивной, а также данных, получаемых от сенсоров, серверов, персональных устройств и поставляемых самими пользователями благодаря геолокации. Стали предметами географических исследований само «наполнение» Интернета, его функционирование, территориальная структура и инфраструктура, циркуляция информационных потоков на глобальном и более низких уровнях. Открылись возможности изучения сетевых структур (например, в мировом хозяйстве или в науке — коллабораций между учеными), выявления новых проявлений неравномерности и асинхронности развития разных стран и регионов, воспроизводства центр-

---

¹ Как росло количество веб-сайтов в мире // Коммерсант. 2019. 2 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4889537> (дата обращения: 03.10.2021).

периферийных структур. Обобщение больших объемов территориально крайне дробных данных позволило на новых материалах подтвердить, уточнить или опровергнуть ранее обоснованные теоретические построения. Так, выполнено уже немало исследований на основе анализа циклических перемещений сотен тысяч владельцев мобильных телефонов, что позволило выявить неизвестные ранее территориальные структуры. Резко возросли возможности тестирования симуляционных моделей.

Интернет намного облегчил доступ исследователей к научным публикациям. Вместе с тем произошел взрывной рост числа научных журналов. Большинство из них перешло в электронный или смешанный формат, и предполагалось, что Всемирная сеть обеспечит к ним свободный доступ. Поскольку научные журналы отличаются по уровню и престижу, возникла необходимость учета качества публикаций. Быстро сформировались системы оценки исследователей и научных коллективов главным образом по цитируемости и числу статей в журналах, индексируемых в международных базах данных.

Этим воспользовались крупные международные издательские холдинги, захватившие контроль над наиболее престижными международными журналами — *Elsevier*, *Taylor & Francis*, *Sage*, *Springer* и др., торгующие на своих сайтах научными статьями. За открытие свободного доступа к своим публикациям, резко увеличивающего цитируемость, авторы должны платить крупные суммы — от 2 до 4 тыс. долларов. Прибыли издательских холдингов выросли за считанные годы в несколько раз. Возникла парадоксальная ситуация: статьи с результатами научных исследований, финансируемых налогоплательщиками, бесплатно рецензируются учеными, приватизируются частными корпорациями, которые к тому же берут за публикации высокую плату, в конечном итоге также покрываемую теми же налогоплательщиками. Эти корпорации вздувают цены на подписку и контролируют системы наукометрических показателей, используемые во всем мире, — *Web of Science* и *Scopus*.

К тому же ведущие журналы по общественной географии можно отнести к международным лишь с большими оговорками, на что не раз обращали внимание европейские географы (напр., [1]). Наиболее престижные журналы издаются на английском языке крупными холдингами. Более 80 % членов редколлегий этих двух десятков журналов аффилированы с университетами и другими организациями в англоязычных странах, жители которых составляют 7 % населения мира, в основном США и Великобритании. Неудивительно, что более 70 % статей, опубликованных в этих журналах, принадлежит авторам из тех же стран: между этими показателями наблюдается прямая корреляция [2]. Еще выше доля англоязычных авторов среди авторов и научных редакторов учебников и справочников по общественной географии, задающих ее современные каноны.

Система оценки научной деятельности по числу публикаций в высокорейтинговых англоязычных журналах, издаваемых частными коммерческими

концернами, которые базируются в англоязычных странах, закрепляет глубокое неравенство между учеными ограниченного круга этих стран и остального мира — геополитику научного знания. В Китае, Германии, Франции или России публикации на английском языке расцениваются как признак соответствия мировому уровню, что отражается на академической карьере, вознаграждении авторов и в наибольшей степени учитывается при рассмотрении заявок на гранты. Сотрудники университетов и исследовательских учреждений делятся на тех, кто публикуется в «международных» журналах, и тех, кто печатается большей частью на родном языке: на таких более продвинутая молодежь смотрит иногда как на «провинциалов», не сумевших вписаться в глобальный мир науки.

Авторы — носители языка рано овладевают англосаксонскими канонами академического письма — тонкостями стиля, структуры, контекста и коннотаций — и получают значительное преимущество. Оно не только лингвистическое, но еще и экономическое, потому что такие навыки можно усвоить только в университетах США, Великобритании, Канады и немногих других стран, где обучение достаточно дорого. Жители неанглоязычных стран при подаче статьи в англоязычный журнал вынуждены пользоваться недешевыми услугами профессиональных переводчиков и редакторов. Кроме того, важным условием «качественной» публикационной активности оказывается социализация в англоязычной академической среде, а значит, усвоение определенных норм и ценностей. В этом одна из причин высокого престижа американских, английских и др. университетов [3].

Ориентация на англоязычные журналы и их аудиторию ведет к ограничению подходов, теоретических выводов и, что особенно прискорбно, тем и научных направлений в общественной географии как одной из «региональных» дисциплин. В самом деле, за рубежом число потенциальных читателей статьи, к примеру, о Москве, важной для российской общественной практики, по определению крайне ограничено, ибо географов-специалистов по России и тем более какому-либо ее городу очень мало. Такая статья только тогда имеет шанс увидеть свет в «международном» журнале, когда она будет вписана в определенные теоретические рамки, разработанные, как правило, в англосаксонской географии. Неанглоязычные авторы превращаются в поставщиков частных исследований (*case studies*), подтверждающих, дополняющих или опровергающих теории, созданные в странах «ядра». Неслучайно едва ли не все наиболее известные концепции общественной географии последних десятилетий происходят преимущественно из США или Великобритании. Более того, коль скоро «местные» авторы мало публикуются в «международных» журналах, то носителями знания и экспертами по их стране или региону выступают англоязычные авторы, на которых и ссылается каждое последующее поколение исследователей. Разумеется, разделяя волей или неволей их взгляд на мир, страну, регион.

Автор, конечно, не пытается оспорить давно и прочно утвердившуюся роль английского языка как средства международной коммуникации или высокое качество «международных» журналов. Как и у всякого общественного явления, у интернационализации науки есть позитивные и негативные черты. Пора отказаться от слепой, хотя и удобной для чиновников, оценки научных успехов на основе англосаксонских рейтингов и индексов. Существуют конкурентоспособные альтернативы частным корпоративным системам индексации и авторитетные журналы в свободном доступе (например, *Cybergeo*, имеющий самый высокий рейтинг среди журналов по общественной географии), не обязательно использующих английский язык. Ценность научной продукции не сводится к опубликованию результатов в англоязычных журналах, во всяком случае, в общественной географии. Более сложные коллективные экспертные оценки гораздо более значимы.

Список литературы

1. *Paasi A.* Globalisation, academic capitalism, and the uneven geographies of international journal publishing spaces // *Environment and Planning. A: Economy and Space*. 2005. Vol. 37, № 5. P. 769—789.
2. *Imhof N., Müller M.* How international are geography journals? Not international enough // *Environment and Planning. A: Economy and Space*. 2020. Vol. 52, № 7. P. 1246—1249.
3. *Müller M.* Worlding geography: From linguistic privilege to decolonial anywhere // *Progress in Human Geography*. 2021. Vol. 20, № 10. P. 1—27.

Об авторе

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, профессор, заместитель директора Института географии РАН, Россия.

E-mail: vladimirkolossov@gmail.com

The author

Prof. Vladimir A. Kolosov, Deputy Director of the Institute of Geography of the RAS, Russia.

E-mail: vladimirkolossov@gmail.com

А. Г. Дружинин^{1,2}

¹ Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия),

² Институт географии РАН (Москва, Россия)

**МОРСКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ РОССИИ:
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА,
ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА**

Рассмотрен один из ключевых как для россиеведения, так и для сфокусированной на Российскую Федерацию социально-экономической географии Мирового океана концепт — «Морское порубежье России». Особое внимание уделено структурированию Морского порубежья России (триединству его территориальной, акваториальной и собственно акватерриториальной составляющих), а также обоснованию его геополитической и геоэкономической значимости и специфики.

The article is devoted to the development of the concept «Sea border of Russia», considered as one of the key ones both for Russian studies and for the socio-economic geography of the World Ocean focused on the Russian Federation. Special attention is paid to the structuring of the Russian Sea Border (the trinity of its territorial, aquatic and aqua-territorial components), as well as the justification of its geopolitical and geo-economic specifics.

Ключевые слова: геополитика, геоэкономика, Мировой океан, Россия, Балтийский регион, Морское порубежье России, морехозяйственный комплекс, приморские регионы.

Keywords: geopolitics, geo-economics, the World Ocean, Russia, the Baltic region, the Sea border of Russia, the marine economic complex, the coastal regions.

Введение

Сложившийся в предшествующие десятилетия (в том числе и в связи с распадом СССР) миропорядок многоаспектно и стремительно трансформируется: утрачивая поступательный характер, видоизменяет свои векторы и форматы глобализация; множится число «центров силы»; активизируется межблоковая

и межстрановая конкуренция, сопровождаемая ростом проявлений протекционизма, социально-экономической фрагментации, локализации, ренационализации и деконструкции [1; 2]. Россия в этом контексте (сохраняя принципиальную зависимость от «доступа» на мировые рынки [3]) оказывается все в большей мере подвержена эффектам изоляционизма [4], фокусируется на собственных экономических возможностях и факторах развития [5], включая пространственные. Сохраняющаяся (последние два десятилетия [6]) «мореориентированность» Российской Федерации при этом еще четче обретает циркумевразийский (обращенный на опоясывающую страну морские акватории) характер, выдвигая на авансцену такую акваториальную мегаструктуру как «Морское порубежье России» [7].

Морское порубежье России как сложноструктурированный акваториальный феномен

Будучи составляющей обширнейшего порубежного контура нашей страны (и превалируя в нем в пространственном отношении [8]), Морское порубежье — сложноструктурированно и включает в себя три основные составляющие. Первая (*территориальная*) объединяет приморские территории (чьи «континентальные» границы существенно варьируют, но по максимуму удалены от полосы контакта «суша — море» не более чем на 200 км [9]), делимитируемые также как «приморские регионы» (в России их 23) и «приморские муниципальные образования» (к таковым может быть отнесено 181 приморское муниципальное образование «первого уровня»; занимая 27,5 % территории страны, данные структуры вместе с двумя «муниципалитетоподобными» субъектами РФ — Санкт-Петербургом и Севастополем концентрируют почти 21 млн человек). Сюда же правомерно отнести находящиеся в юрисдикции страны морские острова (их в России 1300), а также ситуативно порождаемые (прежде всего геополитическим контекстом) хозяйственно-инфраструктурные «квазиострова», наподобие Калининградского региона-эксклава и Крыма (чьи «островные» характеристики ныне существенно ограничены сооружением Крымского моста [10]).

Вторая (*акваториальная*) предопределена действующими нормами международного права (в первую очередь Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. [11]) и объединяет следующие элементы: «внутренние воды» Российской Федерации; ее «территориальное море» (до 12 морских миль от так называемых исходных линий); «прилежащую зону»; «исключительную экономическую зону» (до 200 морских миль от «исходных линий»), а также «континентальный шельф» (в существенной мере «наслаивающийся» на исключительную экономическую зону). Географический «размер» акваториальной составляющей предопределяется в итоге «исходными линиями» (что превращает юрисдикцию страны над побережьями и островами в геостратегический императив), договоренностями с непосредственными морскими соседями, а также возможностью

обосновать свои права на «дополнительные» (простирающиеся на удалении от 200 до 350 морских миль от «исходных линий») участки континентального шельфа. Экономические параметры акваториальной составляющей морского порубежья напрямую зависят от ресурсного потенциала морей (в первую очередь морского дна и его недр), а также от возможностей (технических, логистических, финансовых, рыночных) его использования Российской Федерацией, ее профильными корпорациями.

Третьим элементом Морского порубежья выступает собственно его *акваториальный «стык»*, представленный своими узловыми (опорные базы морской активности [7]) и линейно-ареальными компонентами (задействованные в рекреации пляжи с прилегающими акваториями, а также прибрежные территории, «центрированные» на рассредоточенных по побережью пунктах рыбодобычи и рыбопереработки).

Геополитическая и геоэкономическая специфика российского Морского порубежья

В Российской Федерации протяженность морских границ превышает 46 тыс. км, на морской шельф приходится свыше 4 млн км², а размеры исключительной экономической зоны составляют около 8,5 млн км² [12]. Если добавить к последнему показателю 4,7 млн км² территории, занимаемой приморскими муниципалитетами, то предельный «размер» всей акваториальной структуры Морского порубежья России составит 13,1 млн км² (что вполне сопоставимо с территорией страны к востоку от Урала — 12,4 млн км² [13]). Совокупное же пространство нашей страны (с учетом ее морской составляющей) суммарно достигает 25,6 млн км²; более 51 % этой обширности составляют приморские муниципалитеты, а также оконтуривающие страну морские акватории, на которые (в той или иной мере) распространяется суверенитет Российской Федерации. В силу действующего международного права последний при этом неравнозначен для отдельных «составляющих-слоев» аквальной части Морского порубежья; основным способом (условием) его реализации за пределами собственно российского «территориального моря» является эффективная морехозяйственная активность. Геополитические резоны мотивируют хозяйственное освоение прилегающих к стране морских акваторий; общий геоэкономический евразийский контекст — интернационализацию экономической деятельности, что, в свою очередь, генерирует трансграничные, транснациональные акваториальные структуры и процессы и множит внешнеполитические риски. Морское порубежье России — обширнейший ареал рискованной, полизависимой, асимметричной (в отраслевом и регионально-бассейновом измерении) хозяйственной активности и перманентно нарастающего геополитического соперничества (реализуемого как военно-силовыми методами, так и в возрастающей мере инструментами геоэкономики, а также экополитики).

Российская Балтика — узловой, «ядерный» компонент Морского порубежья страны

Балтийская составляющая Морского порубежья России — миниатюрна (на Балтику приходится лишь 0,3 % всех морских границ страны) и в то же время чрезвычайно значима как своим позиционированием и функционалом, так наивысшими проявлениями (в масштабе РФ) морской (приморской) военной, научно-технической, хозяйственной и селитебной концентрации. Имеющиеся здесь погрузочные терминалы не только обеспечивают около 30 % грузооборота всех морских портов страны, но и формируют предпосылки для развития сложившихся приморских производственных кластеров (автосборка, пищевая промышленность, химия, судостроение [14]). Именно на Балтике наиболее выраженные и завершенные формы обрела трансграничная регионализация [15], «обкатаны» практики «морехозяйственного импортозамещения» (в портово-логистической сфере, в судостроении), а также локализованы фактическая «морская столица» России (Санкт-Петербург) и единственный в стране приморский регион-эксклав (Калининградская область), с 2014 г. обретающий роль чрезвычайно значимого «острова» российского геостратегического присутствия в Европе.

Заключение

Столь необходимый не только логистический, общеэкономический, но и ментальный, мировоззренческий «поворот» современной России к морю, к Мировому океану напрямую связан в том числе и с разработкой, с «укоренением» в научном сознании (и политическом дискурсе) концепта «Морское порубежье России», выступающего в качестве одного из ключевых как в целом для россияведения, так и для сфокусированной на Российскую Федерацию социально-экономической географии Мирового океана.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции».

Список литературы

1. Естафьев Д., Ильницкий А. Предположения о грядущем мире // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 58—68.
2. Смыслов Д. Эволюция глобализации мировой экономики: современные тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 2. С. 5—12.
3. Дружинин А. Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов н/Д ; Таганрог, 2021.

4. *Караганов С., Суслов Д.* Россия в мире после коронавируса: новые идеи для внешней политики // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. С. 170—182.

5. *Тренин Д.* Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М., 2021.

6. *Дружинин А. Г.* Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов н/Д ; Таганрог, 2020.

7. *Дружинин А. Г.* «Опорные базы» морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 89—104.

8. *Дружинин А. Г.* О феномене «западное порубежье России» // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 35—44.

9. *Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели.* Ростов н/Д, 2016.

10. *Вольхин Д. А.* Морехозяйственная активность в Крымском регионе: факторы динамики и особенности локализации // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2020. № 9. С. 70—85.

11. *Конвенция ООН по морскому праву 1982 года.* URL: <https://docviewer.yandex.ru/> (дата обращения: 23.07.2021).

12. *Алхименко А. П.* Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005. С. 5—23.

13. *Усс А. В.* Развитие Сибири: что делать, пока не закрылось «окно возможностей» // ЭКО. 2015. № 2. С. 6—13.

14. *Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экзистические эффекты.* Ростов н/Д, 2017.

15. *Федоров Г. М. Корнеев В. С.* Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32—41.

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: alexdru9@gmail.com

The author

Prof. Alexander G. Druzhinin, Director of the North Caucasus research Institute of economic and social problems of Southern Federal University, Russia; Leading researcher, Institute of Geography of the RAS, Russia.

E-mail: alexdru9@gmail.com

В. В. Горочная^{1,2}

¹ Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

² Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова (Ростов-на-Дону, Россия)

ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРОЕКЦИИ МОРЕХОЗЯЙСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ РОССИИ НА РАЗВИТИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РЕГИОНАХ БАЛТИКИ И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Рассмотрена проблема взаимозависимости внешнеэкономической и морехозяйственной деятельности (фиксируемая на основе сравнительно-статистического анализа динамических рядов) в свете усложняющихся геоэкономических условий и «разворота» российской экономики на Восток. Акцентируются комплексные угрозы хозяйственному развитию регионов российской Балтики и Причерноморья, вызываемые вынужденным сокращением морского грузооборота.

The article deals with the problem of the interdependence of foreign economic and maritime economic activities (fixed via comparative statistical analysis of dynamic series) in the light of the increasingly complex geo-economic conditions and the 'turn' of the Russian economy to the East. The study emphasizes complex threats to the economic development of the Russian Baltic and Black Sea regions caused by the forced reduction of sea cargo turnover.

Ключевые слова: морехозяйство, приморские регионы, Балтийский регион, Причерноморье, международное экономическое взаимодействие.

Keywords: maritime economy, coastal regions, Baltic region, Black Sea region, international economic cooperation.

Морехозяйственная активность и внешнеэкономическая деятельность России (и в особенности ее приморских регионов) находятся в двустороннем взаимодействии. Существенные изменения условий внешнеэкономического взаимодействия, сокращение производственного, инвестиционно-

го, научно-технологического сотрудничества в системе «Россия — Запад» и «разворот» России в евразийское пространство требуют изучения множества аспектов и оценки взаимовлияния морской экономики и внешних связей. Непосредственно «ориентированные» в пространство Запада ареалы Балтики и Причерноморья в этом свете являются стратегически важными ареалами размещения опорных баз российской морской экономики [1].

Взаимное влияние геоэкономической турбулентности и динамики морехозяйства определяется комплексной системой факторов, среди которых имеют значение как непосредственно товарно-ресурсные потоки, обслуживаемые морским транспортом и портовыми комплексами [2], так и зависимость от глобальных рынков изменчивость ставок и тарифов [3], и нелинейное двустороннее взаимодействие рынков услуг различных видов транспорта, их сложные конкурентные и кооперативные взаимоотношения [4; 5]. Свой отпечаток накладывают и маркетинговые процессы брендинга продукции и услуг морских отраслей на международном рынке [6]. Возможностями организации импортозамещения в условиях санкций и нестабильности гарантийного обслуживания и консультационного взаимодействия во многих случаях определяются производственные и пропускные способности объектов морской экономики [4; 5; 7; 8].

В настоящем исследовании остановимся на взаимовлиянии внешнеторговой и морехозяйственной деятельности в регионах российской Балтики и Причерноморья, в которых локализованы 6 из 14 опорных баз российской морской экономики [1]. С использованием метода сравнительно-статистического анализа динамических рядов в абсолютном и относительном выражении (базисные и цепные коэффициенты роста) рассмотрим данные официальных ресурсов [9; 10] за 2016—2020 г. (а также за 2015—2019) для внешнеэкономической деятельности в разрезе регионов. Выбор соответствующего пятилетнего периода позволяет отследить текущие тренды, актуальные в свете нынешних тенденций геоэкономической турбулентности, продолжающей разворачиваться после 2014 г. и усугубившейся в условиях карантинных ограничений 2020 г.

Грузооборот морских портов России активно рос до 2019 г. включительно, лишь незначительно сократившись в условиях вынужденных ограничений в 2020 г. Однако динамика Балтийского и Азово-Черноморского бассейнов не всегда пропорциональна общему росту: для Азово-Черноморского бассейна высокие темпы роста сохранялись до 2018 г., после чего грузооборот начал сокращаться; темпы роста по Балтийскому бассейну были несколько ниже общероссийских, а сокращение 2020 г. пропорционально больше (рис.).

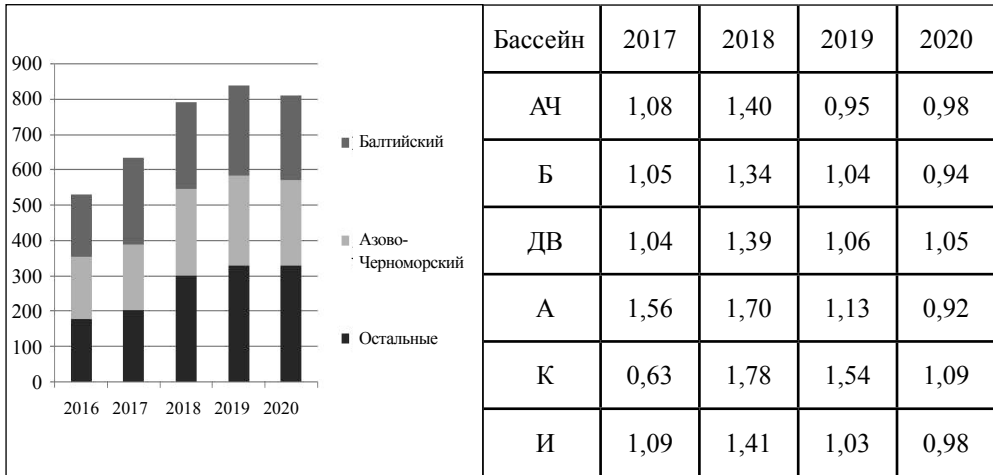

Рис. Динамика грузооборота морских портов России (млн т) и цепные коэффициенты роста по бассейнам

Примечание: АЧ — Азово-Черноморский, Б — Балтийский, ДВ — Дальневосточный, А — Арктический, К — Каспийский, И — итоговые значения по всей России.

Источник: составлено автором на основе: [9].

Изначально небольшими показателями обусловлены повышенные темпы роста грузооборота Каспийского и Арктического бассейнов, их потенциал раскрывается в настоящее время активнее. На данном фоне, равно как и на фоне сохранения роста грузооборота по Дальневосточному бассейну, очевидно относительное снижение удельного веса Балтийского и Азово-Черноморского бассейнов за последние годы.

После начала геоэкономической турбулентности грузооборот портов Балтики и Причерноморья продолжал расти, отражая не только инерцию регионального воспроизводства и торговли, но и общую для всех регионов в турбулентных условиях тенденцию к усилению производственного профиля (что для приморских субъектов означает увеличение объемов морских экспортно-импортных операций, особенно при экспортоориентированности отраслей, работающих в кооперации с морскими грузоперевозками, как это происходит в южных регионах аграрного профиля) [11]. Частичная утрата поставщиков и рынков сбыта преодолевалась в 2014—2016 гг. за счет смены географии как экспортных, так и импортных грузопотоков. Проследим показательную динамику роста импорта продовольствия, отражающую и картину сохранения внешних торговых связей, и геостратегический вектор принятой политики импортозамещения и смены географии закупок (табл. 1).

**Базисные (по отношению к 2016 г.) коэффициенты роста импорта
продовольственных товаров из СНГ и стран дальнего зарубежья**

Государства — участники СНГ					Страны дальнего зарубежья				
Страна	2017	2018	2019	2020	Страна	2017	2018	2019	2020
Азербайджан	1,39	1,62	1,77	1,75	Страны ЕС	1,20	1,29	1,30	—
					Аргентина	0,94	1,28	1,25	1,19
					Бразилия	1,13	0,62	0,67	0,64
					Египет	1,40	1,46	1,33	1,46
					Израиль	1,11	1,03	0,98	0,93
Беларусь	1,20	1,25	1,30	1,30	Иран	1,17	1,70	1,32	—
					Исландия	1,01	2,08	1,61	0,86
					Китай	1,09	1,17	1,06	0,86
					Марокко	0,97	0,87	0,79	0,59
					Пакистан	0,63	0,85	1,10	0,71
					Парагвай	0,90	1,25	0,96	0,79
Украина	1,25	1,01	0,56	0,72	Сербия	1,18	1,09	1,14	1,18
					Турция	1,69	1,81	2,12	2,55
					Дания	1,32	1,20	1,14	1,01
					Чили	1,16	1,57	1,33	1,12
					Эквадор	1,07	1,06	1,06	1,05
					ЮАР	1,32	1,43	1,33	1,61
<i>Всего</i>	1,22	1,30	1,37	1,40	<i>Всего</i>	1,14	1,17	1,16	1,15

Источник: составлено и рассчитано автором на основе: [10].

Обращают на себя внимание усиление морского сообщения с черноморскими странами — Турцией и Азербайджаном, а также отдельными странами дальнего зарубежья (Чили, ЮАР, Египтом), а в период до 2018 г. — с отдельными странами ЕС (также в первую очередь «морскими» — Данией и Исландией).

Однако уже после 2018 г. ресурс экспортоориентированного регионального хозяйства и логистической транзитности Балтики и Причерноморья перестал давать стабильный рост портового грузооборота, натолкнувшись на усиливающуюся геоэкономическую турбулентность (табл. 1). Данная тенденция соответствует общей «переориентации» вектора российской экономики на Восток. Картина динамики экспорта и импорта приморских регионов Балтики и Причерноморья и их морехозяйственная активность оказываются своеобразными «взаимными проекциями» (табл. 2).

Таблица 2

Базисные (по отношению к 2015 г.) коэффициенты роста экспорта и импорта регионов Балтики и Причерноморья

Субъект РФ	Государства — участники СНГ				Страны дальнего зарубежья			
	2016	2017	2018	2019	2016	2017	2018	2019
Экспорт								
Санкт-Петербург	0,96	1,25	1,43	1,52	1,01	1,41	1,73	1,80
Ленинградская область	0,86	1,12	1,26	1,79	0,47	0,54	0,69	0,64
Калининградская область	0,78	0,68	2,06	1,92	0,44	0,45	0,68	0,49
Ростовская область	1,18	1,46	1,75	1,71	1,15	1,42	1,92	1,72
Краснодарский край	0,96	1,19	1,38	1,50	0,89	1,11	1,34	1,16
Республика Крым	0,64	0,49	0,41	0,96	0,58	0,30	0,22	0,03
Севастополь	0,82	0,60	0,54	0,62	0,15	0,19	0,15	0,25
Россия	0,84	1,07	1,22	1,20	0,83	1,04	1,32	1,24
Импорт								
Санкт-Петербург	0,96	1,07	0,96	1,25	1,06	1,13	1,14	1,14
Ленинградская область	0,99	1,47	1,45	1,35	0,84	1,12	1,30	1,24
Калининградская область	1,20	1,23	2,83	3,16	0,72	0,90	1,01	0,97
Ростовская область	0,89	1,16	1,50	1,22	1,10	1,47	1,41	1,42
Краснодарский край	1,22	1,68	1,58	1,60	0,87	1,09	1,12	1,01
Республика Крым	0,47	0,56	0,74	0,71	0,87	0,71	0,38	0,50
Севастополь	0,40	0,51	0,30	0,23	1,01	0,36	0,24	0,14
Россия	0,93	1,17	1,25	1,29	1,01	1,25	1,31	1,34

Источник: составлено и рассчитано автором на основе: [10].

Данная картина показывает раньше и сильнее проявившуюся тенденцию к сокращению внешней активности прибалтийских регионов (за исключением усилившегося после 2018 г. взаимодействия Калининградской области со странами СНГ). Демонстрирует она и наметившийся с 2019 г. спад внешнеэкономической активности причерноморских регионов (и особенно Ростовской области) на фоне вынужденно низких вследствие санкционных ограничений показателей регионов Крымского полуострова.

С одной стороны, выявленное соответствие свидетельствует о первостепенном значении морского транспорта и портовой логистики в экономике рассматриваемых регионов: динамика внешнеэкономической обстановки напрямую, практически без лаговой инерции отражается на показателях грузооборота. С другой — очевидное снижение уровня морехозяйственной активности вследствие геоэкономических изменений, проецируемых общероссийской внешней ситуацией, несет в себе угрозы отрицательного мультипликационного эффекта в отраслях, обслуживающих морскую экономику и находящихся в непосредственном сопряжении с ней. Запуск «сворачивающейся спирали» отрицательного мультипликатора и может усилиться благодаря сокращению деловых контактов, возникающих в процессе взаимодействия на базе совместного пользования портово-логистическими центрами, и является источником трансграничного приморского кластерообразования (что наиболее весомо сказалось на деловой среде эксклавной и глубоко интегрированной в европейскую экономику Калининградской области).

Кроме того, сокращение морехозяйственного сотрудничества не соответствует долгосрочной стратегической политике России по укреплению, переоснащению, повышению технологического потенциала портовых комплексов и морского транспорта в Балтийском и Черноморском бассейнах, поскольку создается риск повышения сроков окупаемости государственных и частных инвестиций в развитие морской логистики. В настоящее время наблюдается недогруженность мощностей (в наибольшей степени фиксируемая в сфере контейнерных грузоперевозок именно в портах Балтийского и Азово-Черноморского бассейнов — порядка 40 %, на фоне перегруженности терминалов в отдельных портах Дальневосточного и других бассейнов [12]). Соответственно, смена геоэкономического вектора России требует комплексных решений для приморских регионов европейской части России как в плане поиска альтернатив, помогающих сократить возможный эффект отрицательного мультипликатора, разрушительного для региональной экономики в целом, так и в направлении максимального сохранения морехозяйства, выявления возможностей его переориентации и опережающего поддержания конкурентоспособности на уровне технологического оснащения, ценовой и тарифной политики на глобальном рынке.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»).

Список литературы

1. Дружинин А. Г. Опорные базы морского порубежья России экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 89—104.
2. Ивин Е. А., Горячева А. С., Курбацкий А. Н. Анализ состояния и перспективы развития грузопотоков через морские порты России // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 62—80.
3. Савчук В. Б., Терешко И. В., Гуторова М. В. Оценка последствий возврата к регулированию ставок в морских портах РФ // Транспорт Российской Федерации. 2016. № 4 (65). С. 32—37.
4. Дунаев О. Н., Нестерова Д. В. Морские порты в экспортной цепи поставок российских компаний // Транспорт Российской Федерации. 2017. № 2 (69). С. 17—21.
5. Щербанин Ю. А. Поставка нефти и нефтепродуктов на экспорт: потоки, направления, конкуренция видов транспорта // Транспорт и хранение нефтепродуктов. 2017. № 1. С. 22—27.
6. Щербанин Ю. А., Голыжникова Д. Ю. Экспортные грузопотоки через морские порты России: нефтегрузы — некоторые соображения // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 4. С. 18—36.
7. *Росрыболовство* требует и строит // Порт Ньюс. 2020. № 4. URL: <https://portnews.ru/magazine/a178/> (дата обращения: 07.06.2021).
8. Стоянов Д. Путь к независимости от импорта // Порт Ньюс. 2021. № 1. URL: <https://portnews.ru/magazine/a205/> (дата обращения: 04.06.2021)
9. Ассоциация морских торговых портов. URL: <https://www.morport.com/rus/content/statistika> (дата обращения: 06.06.2021).
10. *Росстат*. URL: gks.ru (дата обращения: 09.07.2021).
11. Gorochnaya V. V., Mikhailov A. S. Innovation security of coastal areas in Western borderlands of Russia // 2019 International Conference on Politics, Economics and Management (ICPEM 2019) / D. M. Elshenawi and D. B. Vukovic (Eds.). Zhengzhou, 2019. P. 201—208.
12. *Заполнить* контейнерные пустоты // Порт Ньюс. 2021. № 2. URL: <https://portnews.ru/magazine/a178/> (дата обращения: 09.07.2021).

Об авторе

Василиса Валерьевна Горочная, кандидат экономических наук, специалист по учебно-методической работе Академии психологии и педагогики Южно-

го федерального университета; зав. научным отделом, доцент кафедры продюсерства исполнительских искусств Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, Россия.

E-mail: tunduk@hotmail.com

The author

Dr Vasilisa V. Gorochnaya, specialist on educational-methodical work, Academy of Psychology and Educational Sciences, South Federal University; head of the Department for Science; associate professor at the faculty of Producing of Performing Arts, Rostov Conservatoire, Russia.

E-mail: tunduk@hotmail.com

Н. В. Каледин¹, А. А. Фелисеева¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

САНКЦИОННАЯ ГЕОПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Рассмотрены результаты воздействия санкционной геополитики стран коллективного Запада на трансграничное сотрудничество в Балтийском регионе, в том числе ее экономические, социальные и геополитические последствия, в частности формирование санкционно-геополитических регионов «де-факто» макро-, мезо- и микроуровней.

The results of the impact of the sanctions geopolitics of the countries of the collective West on cross-border cooperation in the Baltic region, including its economic, social and geopolitical consequences, in particular, the formation of sanction-geopolitical regions “de facto” at macro-, meso- and micro-levels are considered.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, санкционная геополитика, геополитическая регионализация, санкционно-геополитические регионы.

Keywords: cross-border cooperation, sanctions geopolitics, geopolitical regionalization, sanctions-geopolitical regions.

Исследование процессов геополитической регионализации общества и возникающих при этом геополитических регионов как региональных геополитических систем, «де-факто» и «де-юре» контролирующих определенную часть геопространства или его отдельные свойства (природные, политические, экономические, социальные и др.), позволяет выделить в качестве регионообразующих *геополитические отношения* различного типа, обеспечивающие региональную общность [1; 2]. При этом как в мире в целом, так и на постсоветском пространстве в особенности все большую роль играют региональные геополитические системы на основе *конфликтных геополитических отношений*. Эти отношения становятся мощным фактором активизации

международно-интеграционных процессов как на региональном, так и на глобальном уровнях, усложняя традиционную картину процессов регионализации и типов региональных систем. Наряду с конфронтационными и миротворческими регионами среди конфликтогенных регионов можно выделить все более активный тип «санкционно-геополитических регионов» [3]. Они — результат применения в системе международных отношений разнообразных санкций и контрсанкций, растущие масштабы которых позволяют говорить о *санкционной геополитике* как важном инструменте мягкой силы и геополитическом факторе регионализации. Ее результат — сложная система конфликтных *санкционно-геополитических отношений и регионов* различного геопространственного масштаба с биполярной или мультиполярной структурой, связывающих инициаторов и реципиентов санкций и их антисанкций (государства или иные общественные субъекты в той или иной сфере — экономической, политической, социальной, гуманитарной, спортивной и др.) [4].

Очевидно, что санкционно-геополитические отношения существенно изменяют ранее сложившиеся достаточно устойчивые трансграничные и приграничные региональные общности («регионы сотрудничества» разного типа) и трансформируют их первоначальные созидательные регионообразующие отношения интеграционного типа в деструктивные дезинтеграционные. Они разрушают сложившиеся экономические и социальные связи между странами (трансграничное сотрудничество) и их приграничными территориями (приграничное сотрудничество).

В частности, эти процессы активно трансформируют Балтийский макрорегион трансграничного сотрудничества, являвшийся одним из ярких примеров успешной трансграничной регионализации в Европе на различных уровнях с участием СССР/России, благодаря прежде всего геополитической и экономической заинтересованности ЕС и ее разнообразным интеграционным программам. В течение трех десятилетий сложилась плотная сеть социально-экономических и гуманитарных регионообразующих отношений между разнообразными субъектами — горизонтальных связей и контактов между организациями и правительственными программами, органами местного самоуправления и негосударственными организациями прибалтийских государств, в том числе России [5, с. 106—107]. Оформились устойчивые региональные механизмы развития трансграничного сотрудничества: *микрорегионы*, интегрировавшие соседствующие муниципалитеты (еврорегионы «Лына-Лава», «Орезунд» и др.); *мезорегионы*, объединяющие приграничные административные единицы («Соседство: Литва — Польша — Калининградская область РФ», «Эстония — Латвия — Россия», «Юго-Восточная Финляндия — Россия», «Южно-Балтийская дуга», «Карелия» и др.), и, наконец, как *макрорегион* — Балтийский [5, с. 112; 6, с. 70—71].

Анализ успешного опыта регионообразующего сотрудничества в этом макрорегионе позволил А. Б. Себенцову сделать вывод о возможности его исполь-

зования как инновационной модели и в других приграничных районах России [7]. Этот опыт регионального сотрудничества, его проблемы и перспективы изучались географами и представителями других наук. В ведущих университетах стран региона (особенно России, Польши, Германии) сформировались школы трансграничных исследований, среди которых наибольшую активность проявляет школа российского Балтийского федерального университета им. И. Канта. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации ее представителей, ежегодные международные научные конференции и двуязычный журнал «Балтийский регион» (Baltic Region) [см., напр.: 5; 6; 8; 9—10].

Однако начиная с 2014 г. этот успешный опыт регионализации подвергся испытанию санкционной геополитикой стран ЕС, коллективного Запада и Украины, а также ответными контрсанкциями, что оказало негативное воздействие фактически на все постсоветское пространство, прежде всего на Россию. Первоначально эта политика была связана с внутривосточным кризисом на Украине, сопровождавшимся геополитической катастрофой этой страны (потерей Крыма и юго-восточных регионов).

В 2020—2021 гг. она дополнилась санкциями против Беларуси в связи с обострением в ней не менее известных внутри- и внешнеполитических процессов, связанных с непризнанием оппозицией результатов президентских выборов. Ответные меры и контрсанкции России и Беларуси против стран ЕС и Украины внесли свой вклад в разрушение трансграничного сотрудничества и сложившихся успешных региональных общностей.

Каковы же негативные последствия санкционной геополитики для стран Балтийского макрорегиона сотрудничества?

Наиболее очевидными они оказались в экономической и социальной сферах.

Так, общероссийский объем *экспорта* за 2014—2019 гг. в страны Балтийского региона упал более чем в 3 раза при следующих существенных различиях по прибалтийским субъектам РФ, отражающим степень их интегрированности в Балтийский трансграничный регион: Калининградская область — более чем в 17 раз, Санкт-Петербург — в 4 раза, Ленинградская область — в 3,5 раза, Республика Карелия — в 1,5 раза, Псковская область — более чем в 2 раза (рассчитано авторами по материалам [11]).

Схожая ситуация за тот же период сложилась с *импортом*: при общероссийском сокращении более чем в 3,5 раза показатели субъектов составили: Калининградская область — почти в 10 раз, Санкт-Петербург — более чем в 5 раз, Псковская область — более чем в 11 раз, Республика Карелия — в 3 раза, Ленинградская область — в 4 раза (рассчитано авторами по материалам [11—13]).

Негативную тенденцию подтверждает также статистика выдачи *шенгенских виз* в консульствах приграничных субъектов Северо-Запада России. При общероссийском сокращении в 1,5 раза число полученных виз в консульствах Санкт-

Петербурга сократилось более чем в 1,5 раза, в Мурманске — почти в 3 раза, в Калининградской области — в 1,2 раза, в Карелии и в Пскове — в 2 раза (рассчитано авторами по материалам [14]).

Геополитическим результатом санкционной геополитики стала *геополитическая регионализация* Балтийского макрорегиона — разномасштабные *санкционно-геополитические регионы и субрегионы* «де-факто» с биполярной структурой на основе многосторонних и двусторонних отношений: а) трансграничные на макро- и мезоуровнях («Россия — ЕС», «Россия — Польша», «Россия — Литва», «Россия — Украина», «Беларусь — ЕС», «Беларусь — Польша», «Беларусь — Литва», «Беларусь — Украина» и др.) и б) приграничные на микроуровне — ранее сложившиеся на основе двустороннего сотрудничества (прежде всего «еврорегионы»). В итоге дезинтеграционных геополитических процессов макрорегион успешного трансграничного сотрудничества трансформировался в крупнейший в Европе санкционно-геополитический макрорегион с тенденцией расширения и углубления дезинтеграции. Его ядром становится *санкционно-геополитический треугольник* «Россия — Украина — Белоруссия», тесно связанный санкционными и иными конфликтными геополитическими отношениями с прибалтийско-черноморской периферией Евросоюза. В 2021 г. как новый антироссийский геополитический регион «де-факто», охватывающий в том числе Балтийский бассейн, заявила о себе «Крымская платформа» с участием более 30 стран для координации на постоянной основе антироссийских действий по Крыму, включая санкционные. Потенциально еще один санкционно-геополитический субрегион на Балтике может появиться, в случае расширения инициированных США санкций против участников проекта газопровода «Северный поток-2». В результате Балтийский регион постепенно становится новым, западным звеном «постсоветской дуги нестабильности» — одного из конфликтогенных геополитических макрорегионов мира.

Тем не менее крупнейший российский эксперт по трансграничному сотрудничеству Г. М. Федоров видит оптимистическую перспективу преодоления сложившейся санкционно-геополитической ситуации в тактике продолжения налаживания контактов, в исследовании направлений возможного взаимовыгодного трансграничного сотрудничества и в использовании наработанных в Балтийском регионе форм сотрудничества в приграничье стран ЕАЭС и ШОС [8, с. 84]. Последнее особенно актуально в рамках евразийской интеграции как одной из форм («восточного вектора») глобального соперничества между Россией и Западом [15].

Список литературы

1. Каледин Н. В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб., 1996.

2. Каледин Н. В., Каледин В. Н., Гресь Р. А. Геополитические регионы и геополитическая регионализация общества // Современные тенденции развития и приоритеты общественной географии : матер. междунар науч. конф. в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов / отв. ред. Н. И. Быков. Барнаул, 2018. Т. 2. С. 154—155.

3. Роль России и ЕС в конфликтах и кризисах на постсоветском пространстве: конкуренты или союзники? : монография / Н. В. Еремина, Н. В. Каледин, Е. М. Кузьмина ; под ред. Н. М. Михеевой, Н. В. Шевчук. М., 2021.

4. Каледин Н. В. Конфликтогенные регионы постсоветского пространства: опыт политико-географической типологии // Настоящее и будущее России в меняющемся мире: общественно-географический анализ и прогноз : матер. междунар. науч. конф. (Ижевск, 13—18 сентября 2021 г.) / под общ. ред. А. Г. Дружинина и В. П. Сидорова. Ижевск, 2021. С. 94—99.

5. Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С. Россия на Балтике: 1990—2007 годы : монография / под ред. А. П. Клемешева. Калининград, 2008.

6. Осмоловская Л. Г. Механизм формирования трансграничных регионов с участием субъектов Российской Федерации и стран — членов Европейского союза // Прибалтийские исследования в России : матер. междунар науч.-практ. конф. / под ред. А. П. Клемешева, Н. М. Межевича, Г. М. Федорова. Калининград, 2016. С. 68—72.

7. Sebentsov A. B. Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach // Geography, Environment, Sustainability. 2020. Vol. 13, № 1. P. 74—83. <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-136>.

8. Федоров Г. М. Возможные направления развития трансграничных связей субъектов Российской Федерации и стран Европейского союза на Балтике // Прибалтийские исследования в России : матер. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. П. Клемешева, Н. М. Межевича, Г. М. Федорова. Калининград, 2016. С. 82—84.

9. Sebentsov A. B., Zotova M. V. The Kaliningrad Region: Challenges of the exclave position and ways to offset them // The Baltic Region. 2018. Vol. 10, № 1. P. 89—106.

10. Прибалтийские исследования в России : матер. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. П. Клемешева, Н. М. Межевича, Г. М. Федорова. Калининград, 2016.

11. База данных экспорта и импорта России (ВЭД). URL: <https://ru-stat.com/database> (дата обращения: 14.03.2020).

12. Центральный банк Российской Федерации. URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 17.02.2020).

13. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.02.2020).

14. Schengen Visa Statistics Portal. URL: <https://statistics.schengenvisainfo.com/> (дата обращения: 17.03.2020).

15. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / под ред. В. М. Котлякова, А. Н. Швецова, О. Б. Глезер. М., 2020.

Об авторах

Николай Владимирович Каледин, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru

Анна Андреевна Фелисева, магистр географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: felis-eva@yandex.ru

The authors

Dr Nikolay V. Kaledin, Associate Professor, Department of Regional Policy and Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: n.kaledin@spbu.ru

Anna A. Feliseeva, Master student in geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: felis-eva@yandex.ru

Н. М. Межевич¹, Н. М. Сенник²

¹ Институт Европы РАН (Москва, Россия),

² Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: УЧЕТ ЛИТОВСКОГО ОПЫТА

Распад Советского Союза спровоцировал целый ряд схожих специфических социально-экономических проблем в государствах — бывших республиках СССР (мы исключили из анализа Среднюю Азию и Азербайджан). Одной из этих проблем стало качественное и количественное ухудшение демографической ситуации. Утечка умов, массовая эмиграция молодежи, неконтролируемая урбанизация самым отрицательным способом сказались на экономическом развитии, спровоцировав структурную и пространственную диспропорцию народного хозяйства. Пример Литвы, стоящей на грани демографической катастрофы, диктует направления совершенствования российской миграционной политики.

The collapse of the Soviet Union provoked a number of similar specific socio-economic problems in the former Soviet republics (we excluded Central Asia and Azerbaijan from the analysis). One of these problems was the qualitative and quantitative deterioration of the demographic situation. Brain drain, mass emigration of youth and uncontrolled urbanization have had a very negative impact on economic development provoking structural and spatial disproportion of the national economy. The example of Lithuania which is on the verge of a demographic catastrophe dictates the directions for improving the Russian migration policy.

Ключевые слова: миграция, демография, Литва, Россия, региональное развитие.

Keywords: migration, demography, Lithuania, Russia, regional development.

Миграция — это растущий глобальный феномен, и значительная часть государств в современном мире одновременно выступают в качестве стран происхождения, транзита и назначения мигрантов.

Переход на субглобальный уровень регулирования миграционных процессов может частично компенсировать проблемы, возникающие в результате ее

регионализации, и способствовать повышению эффективности глобального управления людскими потоками [1]. Современные российские исследователи предлагают считать регионализацию необходимым признаком глобализации [2], а также указывают на необходимость эффективного пространственного, а не только собственно экономического анализа миграционной политики [3].

Что касается внутренней трудовой миграции, то многие авторы признают ее положительное влияние на решение проблем региональной структурной безработицы, однако только в том случае, если перемещение трудового населения осуществляется в соответствии с концепцией комплексного развития того или иного региона и не влечет за собой внутрорегиональных и межрегиональных диспропорций [4]. Кроме того, именно трудовая миграция обладает большей мобильностью и способна скорее становиться драйвером экономического роста, восполняя нехватку рабочей силы в наиболее нуждающихся регионах и обеспечивая передачу новых знаний и технологий [5].

Социально-экономическое конструирование с целью отбора и изучения пространственных сочетаний сложных комплексов явлений должно являться неотъемлемой частью решения миграционных проблем региона [6]. Особое место в процессах регионального регулирования миграции занимает урбанизация — сложное социально-экономическое явление, одним из последствий которого становится исход сельского населения [7].

Быстро меняющиеся условия мирового хозяйствования, геополитические перемены последнего десятилетия, а также пандемия COVID-19 диктуют необходимость поиска новых подходов к решению возникающих миграционных проблем.

Литва как экономическое географическое пространство (территория, насыщенная экономическими объектами) исторически находится на пересечении геополитических интересов Восток — Запад [8]. Масштабные миграционные процессы, затронувшие население этой страны последние десятилетия, делают ее идеальным объектом анализа [9].

Современные исследователи отмечают, что длительное совместное пребывание различных регионов в составе СССР привело к формированию особой миграционной системы на постсоветском пространстве благодаря историческим, культурным, торговым и иным связям между странами происхождения и приема мигрантов [10; 11].

Миграционные процессы Российской Федерации и Литовской Республики с нашей точки зрения имеют много общего по следующим основаниям.

Во-первых, общие исторические корни. Великое Княжество Литовское — крупнейшее государство из существовавших на русских землях, чья история теснейшим образом переплетена с историей государства Российского и чье влияние на становление российской государственности трудно переоценить.

Во-вторых, и литовцы, и русские в своей основе — аграрные нации, чья идентичность, способы ведения экономического хозяйства и мировоззренческие установки всегда были связаны с земледелием и которые под напором во

многим искусственной индустриализации были вынуждены слишком резко изменить формировавшиеся веками условия своей жизни, фактически перескочив начальную стадию капитализма.

В-третьих, распад СССР вызвал схожие структурные сдвиги во всех сферах жизнедеятельности бывших советских территорий. Политика стран Запада, направленная на исключение конкуренции и использование республик бывшего СССР в качестве сырьевой базы и рынков сбыта, привела практически к уничтожению реального сектора производства, переориентации экономик под рынок сбыта европейских и американских товаров, выкачиванию ресурсов из стран.

Последние исследования показывают, что Литва и Россия имеют гораздо больше общего в плане миграционных проблем, нежели Литва и ЕС [12].

Таким образом, Литва и Россия оказываются идеальными объектами исследования с точки зрения компаративистики.

Следует отметить, что постсоветский период самым отрицательным способом сказался на демографии постсоветских государств как в количественном, так и в качественном выражении. Отсутствие рабочих мест, низкая диверсификация экономики, снижение социальной поддержки со стороны государства неуклонно толкали население к поиску лучшей доли за рубежом. Среди бывших республик СССР особенно в этом отношении пострадала Литва. По данным статистического управления Литвы в 1990—2020 гг. население страны уменьшилось на 899,5 тыс. человек (24 %), в том числе за счет естественной убыли — на 200 тыс., за счет эмиграции — на 699 тыс. Основными странами назначения литовских мигрантов становятся европейские наиболее экономически благополучные страны — Великобритания, Германия и Норвегия [13].

Такой масштабный исход жителей Литвы не мог не вызвать структурные изменения в обществе и не оказать негативное влияние на социальную, культурную и политическую сферы. Положительные эффекты, такие как снижение безработицы, частные денежные переводы в Литву, увеличивающие совокупный спрос и внутреннее потребление, незначительны и не могут пересилить проблемы, связанные с нехваткой населения [14].

Согласно прогнозу Евростата, население Литвы продолжит уменьшаться и к 2070 г. составит 1,8 млн человек [15].

Репатриация литовских граждан провоцирует комплекс проблем для национальной экономики, главной из которых становится безработица. Согласно статистическим данным, безработица в Литовской Республике с начала по конец 2020 г. выросла в два раза и составила 16 %, что является критически высоким уровнем для современной экономики и неминуемо влечет за собой рост социальной напряженности и возникновение структурных проблем в народном хозяйстве [16].

Кроме эмиграции ключевой моделью миграционного поведения литовцев также является урбанизация, в результате которой усугубляется и так уже имеющееся территориальная демографическая диспропорция: регионы с относительно раз-

витой экономикой и высокой плотностью населения (Вильнюсский, Каунасский, Клайпедский) получают постоянный ежегодный приток населения, а аграрные регионы (Шяуляйский, Паневежский, Таурагский), находящиеся на грани демографической катастрофы, теряют все больше и больше жителей, что, конечно же, самым отрицательным образом сказывается на экономике страны [17].

На примере Литвы мы видим, что пренебрежение основными принципами межрегионального распределения трудовых ресурсов, отсутствие комплексного подхода и стратегического планирования к развитию регионов, игнорирование основных принципов миграционного регулирования может поставить нацию перед реальностью вымирания, а экономику привести к серьезной отраслевой и территориальной диспропорции.

Экстраполяция миграционных и демографических проблем литовского государства на российскую почву позволяет сделать вывод о том, что основными вопросами миграционного регулирования в России в ближайшей исторической перспективе должны стать эффективная пространственная организация народного хозяйства; контролирование процессов урбанизации; улучшение социально-экономического положения молодежи; создание новых высокотехнологичных рабочих мест.

Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзаданию на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».

Список литературы

1. Цапенко И. П. Регионализация миграционных процессов // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10, № 4. С. 70—85.
2. Максимцев И. А., Межевич Н. М., Разумовский В. М. Мировая экономика перед вызовами «*annus horribilis*»: на пороге новой регионализации // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2017. № 1—2 (103). С. 9—24.
3. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Сенюк Н. М. Миграционная политика России: учет германского опыта с использованием метода SWOT-анализа // *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2020. № 2—3 (61—62). С. 125—133.
4. Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов // *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 4. С. 87—97.
5. Чудинова М. А., Бабич С. В. Влияние технологий постиндустриального общества на региональное развитие // *Экономика и предпринимательство*. 2019. № 6 (107). С. 377—380.
6. Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная политика*. 2012. Т. 3, № 2(8). С. 30—58.

7. Анохин А. А., Шелест К. Д., Тихонова М. А. Тенденции динамики численности населения и устойчивость социально-экономического развития городов Северо-Западного федерального округа // Балтийский регион. 2019. № 4. С. 36—57.
8. Найденов Н. Д. Регионалистика: Глоссарий, Тезаурус : монография. Сыктывкар, 2015.
9. Житин Д. В., Иванова А. А. Демографическое развитие стран Балтии. М., 2017.
10. Погорельская А. М. Трудовая миграция на евразийском пространстве в XX — начале XXI вв. // Современная Европа. 2020. № 2. С. 188—195.
11. Ивахнюк И. В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. М., 2017.
12. Malfait M. Russia's and EU's migration challenges in 2019: Comparative Analysis // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 1. С. 104—110.
13. Migration in numbers. URL: <https://123.emn.lt/> (дата обращения: 03.10.2021).
14. Damulienė A. Migration Problem In Lithuania And Its Impact On The Economy // Business Systems And Economics. 2013. Vol. 3, № 1. P. 106—118.
15. Population on 1st January by age, sex and type of projection. Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=proj_19np&lang=en (дата обращения: 03.10.2021).
16. Trading Economics. 立陶宛 — 失业率. URL: <https://zh.tradingeconomics.com/lithuania/unemployment-rate> (дата обращения: 03.10.2021).
17. Official Statistic Portal. Internal migration. URL: <https://osp.stat.gov.lt/statistiniu-rodikliu-analize?hash=13128e3a-2391-4920-957d-fd75887d3cc2#/> (дата обращения: 03.10.2021).

Об авторах

Николай Маратович Межевич, профессор, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН, Россия.

E-mail: mez13@mail.ru

Никита Михайлович Сеник, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: seniknik@ya.ru

The authors

Prof. Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: mez13@mail.ru

Nikita M. Senik, Master's student of international relations, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: seniknik@ya.ru

К. Ю. Сикач¹

¹Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

КРЫМ В СТРУКТУРЕ ТРУДОВЫХ МИГРАЦИЙ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ

Рассмотрены Республика Крым и город Севастополь в структуре трудовых миграций Южного федерального округа (ЮФО), проанализировано их влияние на развитие полуострова. Определены основные особенности динамики миграционных потоков в 2015—2019 гг., выявлены их территориальные особенности как внутри Крыма, так и в пределах ЮФО.

The article examines the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in the structure of labor migration in the Southern Federal District (SFD), their impact on the development of the peninsula. The main features of the dynamics of migration flows in the period from 2015 to 2019 are determined; their territorial features are revealed both inside the Crimea and within the Southern Federal District.

Ключевые слова: трудовые миграции, Южный федеральный округ (ЮФО), Республика Крым, город Севастополь.

Keywords: labor migration, Southern Federal District (SFD), the Republic of Crimea, the city of Sevastopol.

Трудовые миграции являются важным фактором влияния на экономическое развитие каждого региона России, в том числе Крыма. Также значимым следствием данного процесса является то, что отрицательный естественный прирост населения Крыма компенсируется за счет мигрантов. Миграционное движение населения в настоящее время во многом связано с изменением политического статуса территории. Миграция носит преимущественно трудовой характер. С одной стороны, разница в уровне заработной платы на полуострове и на материке обуславливает стремление населения Крыма к переезду в соседние регионы — Краснодарский край и Ростовскую область. С другой — растет привлекательность Крыма для мигрантов из других регионов страны и ближ-

него зарубежья. Основу внешнего миграционного оборота Крыма в настоящее время составляет внутрироссийская миграция. Однако миграционная ситуация на полуострове не является стабильной, и прирост населения за счет прибывающих из-за пределов Крыма людей имеет ряд пространственно-временных особенностей [1].

Одним из основных факторов увеличения активности внешних миграций в Крым следует считать неравномерность его социально-экономического развития, характеристики которой изменяются в целом с севера на юго-запад полуострова. Регионы высокого миграционного прироста — Симферополь и Симферопольский район, а для северных территорий полуострова — Первомайского, Джанкойского, Нижнегорского и Советского муниципальных районов — характерен отток населения.

Вхождение Крыма в состав Российской Федерации резко увеличило приток межгосударственных мигрантов прежде всего в Ялтинский и Алуштинский городские округа и г. Севастополь. Для последнего характерен самый высокий в Крыму коэффициент миграционной активности населения (57% при среднем крымском показателе в 26,8 %). За счет увеличения количества мигрантов в Севастополе постоянно растет число жителей. Отметим, что увеличение миграционной активности в 2014—2016 гг. сменилось в 2018—2019 гг. некоторым спадом. Как показал анализ, наиболее привлекательными для мигрантов являются районы, обеспечивающие либо улучшение условий жизни (побережье Черного моря), либо трудоустройство [1].

В Южном федеральном округе лидирующие позиции миграционного прироста занимают г. Севастополь и Краснодарский край, немного уступают им Республики Адыгея и Республика Крым, средние позиции имеет Ростовская область, а отрицательный миграционный прирост (убыль) населения наблюдается в Астраханской, Волгоградской областях и в Республике Калмыкия.

В динамике миграционных процессов в ЮФО прослеживается следующая тенденция: заметный рост миграционной привлекательности Республики Крым (с 2018 по 2019 г. соответственно 25,0 и 44,4 ‰) и Ростовской области (с –5,7 до 32,1 ‰). В то же время острой остается ситуация в Астраханской области, где коэффициент миграционного прироста (убыли) снизился с –17,4 ‰ в 2016 г. до –77,6 ‰ в 2019-м, что обусловлено выбытием коренного населения региона в другие субъекты РФ. Такая неоднородность в распределении мигрантов обусловлена различиями в социально-экономическом развитии регионов.

В 2019 г. явным лидером по количеству трудовых мигрантов был Краснодарский край, где их численность составляла 106 615 чел., средние показатели наблюдались в Ростовской области (51 370 чел.), Республике Крым (36 450 чел.), Волгоградской области (31 955 чел.), Астраханской области (21 715 чел.) и Республике Адыгея (5998 чел.), а аутсайдерами по количеству трудовых мигрантов выступили г. Севастополь (2329 чел. — вследствие своей относительно небольшой площади по сравнению с другими регионами Южного ФО) и Респу-

блика Калмыкия (1711 чел.), где наблюдается рост численности выбывающего населения в более экономически развитые регионы ЮФО на фоне усиления их экономического развития, что обусловлено очень низким уровнем дохода населения (по данному показателю республика занимает 80-е место в РФ).

В последнее пятилетие в ЮФО прослеживается следующая закономерность: в Республике Калмыкия, Волгоградской области, Республике Адыгея и городе федерального значения Севастополе наблюдаются относительно стабильная ситуация и сохранение динамики трудовых мигрантов на одном уровне. Однако в других регионах ЮФО фиксируется увеличение количества трудовых мигрантов: в Краснодарском крае с 2016 по 2019 г. их численность возросла на 21 815 чел., в Республике Крым — на 16 569 чел., в Краснодарском крае — на 21 815 чел., в Ростовской области — на 9005 чел., а в Астраханской области — на 4976 чел. (рис.).

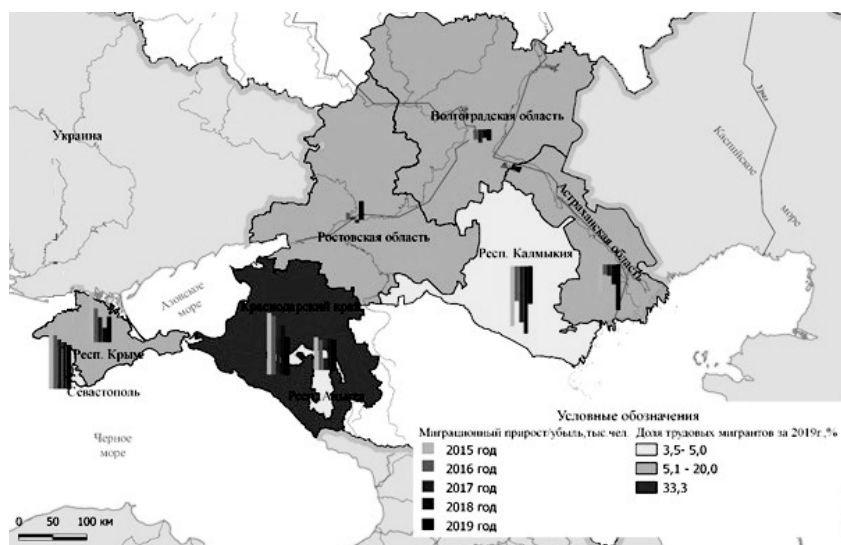

Рис. Динамика миграционных процессов в Южном федеральном округе, 2015—2019 гг.

Большая часть международных трудовых мигрантов прибывает в ЮФО из Украины, Армении и Казахстана, в Республике Крым и г. Севастополе значительно преобладают мигранты из Украины. В общероссийском разрезе Южный федеральный округ занимает 6-е место по концентрации иностранных работников в экономике.

В Крыму проявляется тенденция, характерная для федерального округа в целом: в структуре занятости мигрантов неквалифицированная рабочая сила превалирует над квалифицированными трудовыми ресурсами.

В ЮФО можно выделить главный центр притяжения мигрантов — Краснодарский край, что обусловлено его выгодным экономико-географическим положением и природными условиями. Для него характерна развитая транспортная и коммуникационная сеть. Объекты и площадки Краснодарского края притягательны для финансовых вложений со стороны зарубежных и российских инвесторов, вследствие чего происходит увеличение количества рабочих мест, которые заполняются как местным экономически активным населением, так и мигрантами из других федеральных округов РФ и стран.

В настоящее время трудовая миграция выступает важным фактором развития для большинства регионов ЮФО, где наблюдается взаимозависимость демографических и социально-экономических процессов в условиях депопуляции населения. Крым является вторым после Краснодарского края регионом-центром, принимающим мигрантов, однако положительный миграционный прирост, которым сегодня характеризуется ситуация на полуострове, имеет тенденцию к сокращению, что может негативно сказаться на социально-экономическом состоянии Крыма.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00725 А.

Список литературы

1. Ожегова Л. А., Сазонова Г. В., Сикач К. Ю., Зуева И. Б. Динамика и территориальные особенности социально-демографических процессов в российском Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2020. Т. 6, № 3. С. 135—151.
2. *Атлас* социокультурных процессов в Крыму [Карты] / под ред. И. Н. Воронина, И. М. Яковенко, А. Б. Швец, Д. А. Вольхина. Симферополь, 2020. URL: <https://atlas-crimea.ru> (дата обращения: 05.07.2021).

Об авторе

Ксения Юрьевна Сикач, кандидат географических наук, старший преподаватель факультета географии, геоэкологии и туризма, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Россия.

E-mail: sikach89@gmail.com

The author

Dr. Kseniya Yu. Sikach, senior lecturer, Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Russia.

E-mail: sikach89@gmail.com

К. Ю. Волошенко¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И УРОВНЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИИ

В работе представлены результаты измерения экономической безопасности регионов Западного порубежья России в 2000—2019 гг. и установлена ее связь с изменением уровня их развития. Выявлено, что положительные тренды в развитии приграничного региона необязательно сопровождаются ростом экономической безопасности. Обсуждаются причины полученных результатов через влияние фактора приграничности.

The paper presents the results of economic measuring for the regions of the Western borderlands of Russia in 2000—2019 and establishes its connection to the level of their development and its changes. The paper shows that positive trends in the development of a border region are not necessarily accompanied by an increase in its economic security. It also discusses the reasons for the results obtained through the lens of the borderline factor impact.

Ключевые слова: приграничный регион, экономическая безопасность, географическое положение, фактор приграничности.

Keywords: border region, economic security, geographic location, border factor.

Введение

Экономическая безопасность приграничных регионов в современных геополитических условиях [1] приобретает все большую актуальность. Усиливается влияние традиционных рисков и угроз, связанных с их географическим положением, но появляются и новые опасности. В этой связи встает вопрос, в какой мере уровень экономической безопасности обуславливается социально-экономическим положением регионов.

Цель данной работы состоит в установлении и оценке зависимости изменения экономической безопасности приграничных регионов от уровня их социально-экономического развития.

В качестве объекта исследования выбраны регионы Западного порубежья России. Их изучение продолжается в рамках работ, начатых в проекте при поддержке РНФ № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности» (руководитель — д-р геогр. наук, проф. Г. М. Федоров) [2—4].

Измерение экономической безопасности проводится с использованием авторской методики на интервале 2000—2019 гг. В качестве источников информации использованы данные Росстата и Калининградстата, а также Федеральной таможенной службы России. Анализируется динамика интегральных индексов экономической безопасности регионов и их развития по изменению валового регионального продукта. Решается задача обоснования различий для регионов в направлениях изменения уровня экономической безопасности и динамики их развития через влияние фактора приграничности.

Результаты исследования имеют как теоретическое значение в части развития концептуальных положений экономической безопасности приграничных регионов, так и практический интерес для разработки и реализации мер региональной политики и управления.

Материалы и методы

Применяемый в работе авторский подход к оценке и измерению экономической безопасности приграничного региона основан на следующих принципиальных положениях. Во-первых, выделяются группы факторов экономической безопасности приграничных регионов [5]. Во-вторых, на основе анализа влияния приграничности (географическое положение, соотношение барьерных и контактных функций границы, условия межрегионального и международного сотрудничества и др.) для регионов устанавливаются угрозы и опасности. В-третьих, посредством соответствия факторов и угроз экономической безопасности приграничных регионов разрабатываются общие, частные и специальные индикаторы ее оценки [6]. Обоснованность отбора индикаторов обеспечена для общих индикаторов за счет их соответствия показателям российского законодательства по безопасности, для частных — посредством установления соответствия продуцируемых фактором приграничья опасностей и угроз; для специальных — их целевым назначением по функциональным направлениям. По группам индикаторов рассчитываются интегральные субиндексы экономической безопасности: общий, частный и специальный интегральные, а на их основе — интегральный индекс безопасности. Субиндексы соответственно характеризуют общие черты экономической безопасности, характерные для всех регионов; особенности экономической безопасности, связанные с приграничным положением регионов; отдельные функциональные характеристики экономической безопасности по ее видам. В оценке уровня экономической безопасности приняты границы согласно методике С. Н. Митякова и Е. С. Митякова [7; 8]: а) катастрофический риск (ниже

0,25); б) критический риск (от 0,25 до 0,5); в) значительный риск (от 0,5 до 0,75); г) умеренный риск (от 0,75 до 1,0); д) стабильность (выше 1,0).

Оценка изменений экономической безопасности и уровня социально-экономического развития приграничных регионов

Уровень экономической безопасности регионов Западного порубежья России имеет в последние годы тенденцию роста, но большинство из них находится в границах умеренного риска (рис. 1) — от 0,75 до 1,0 (среднероссийский уровень — 1,06). По итогам 2019 г. впервые появились регионы, вошедшие в зону стабильности: Воронежская (1,03)¹, Курская (1,02), Белгородская (1,01), и Ростовская (1,0) области. Значительные перспективы по росту уровня безопасности имеют Краснодарский край (0,96), Брянская (0,95), Ленинградская (0,94), Смоленская (0,92) области и г. Санкт-Петербург (0,92). Наименьшие показатели на всем интервале характерны для Республики Карелия (0,88), Архангельской (0,85) и Псковской (0,82) областей, г. Севастополя (0,81), Калининградской области (0,77), Республики Крым (0,75), Ненецкого АО (0,49).

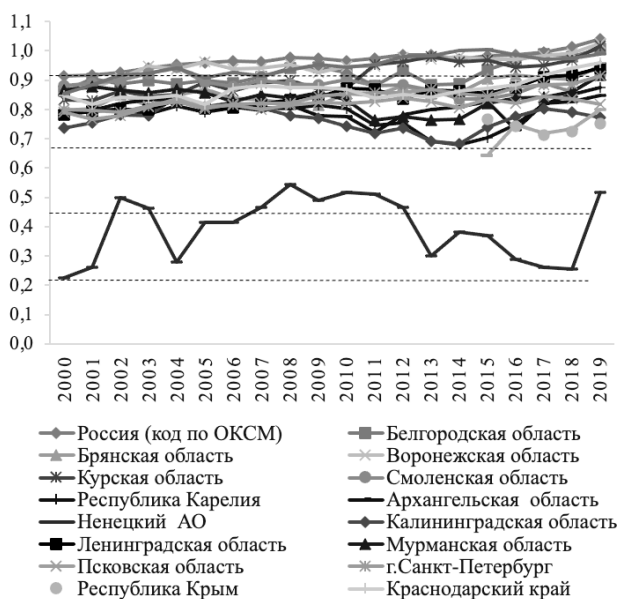

Рис. 1. Изменение уровня экономической безопасности по регионам Западного порубежья России, 2000—2019 гг.

Источник: собственные расчеты автора на основе данных ЕМИСС.

¹ Здесь и далее в скобках указаны значения интегрального индекса экономической безопасности по итогам 2019 г.

Исследование изменений интегральной оценки уровня экономической безопасности регионов Западного порубежья России, в том числе на основе их типологизации в работе [9], выявило следующее. Обнаруживается прямая зависимость уровня экономической безопасности региона от достижения высоких показателей его социально-экономического развития. Однако динамичное социально-экономическое развитие не всегда и не обязательно связано с высоким уровнем экономической безопасности региона. Верно и следующее: следствием недостаточно высоких показателей социально-экономического развития не всегда является низкий уровень экономической безопасности (табл.).

Зависимость изменения экономической безопасности от социально-экономического развития (регионы Западного порубежья России)

Регион	Интегральный индекс экономической безопасности	Индекс физического объем ВРП (2000 г. — 100%), %
Белгородская область		
	Прямая средняя связь, высокие показатели развития ($r = 0,709$)	
Брянская область		
	Прямая сильная связь, невысокие показатели развития ($r = 0,800$)	

Продолжение табл.

Регион	Интегральный индекс экономической безопасности	Индекс физического объем ВРП (2000 г. — 100%), %
Воронежская область		
	Прямая сильная связь, высокие показатели развития ($r = 0,847$)	
Курская область		
	Прямая сильная связь, невысокие показатели развития ($r = 0,920$)	
Смоленская область		
	Обратная средняя связь, невысокие показатели развития ($r = - 0,511$)	

Продолжение табл.

Регион	Интегральный индекс экономической безопасности	Индекс физического объем ВРП (2000 г. — 100%), %
Республика Карелия		
	Прямая слабая связь, средние показатели развития ($r = 0,077$)	
Архангельская область		
	Обратная слабая связь, невысокие показатели развития ($r = - 0,126$)	
Ненецкий АО		
	Прямая слабая связь, низкие показатели развития ($r = 0,243$)	

Продолжение табл.

Регион	Интегральный индекс экономической безопасности	Индекс физического объем ВРП (2000 г. — 100%), %
Калининградская область		
	Обратная слабая связь, средние показатели развития ($r = -0,270$)	
Ленинградская область		
	Прямая сильная связь, высокие показатели развития ($r = 0,882$)	
Мурманская область		
	Прямая слабая связь, невысокие показатели развития ($r = 0,302$)	

Продолжение табл.

Регион	Интегральный индекс экономической безопасности	Индекс физического объем ВРП (2000 г. — 100%), %
Псковская область		
	Прямая сильная связь, невысокие показатели развития ($r = 0,722$)	
г. Санкт-Петербург		
	Прямая сильная связь, высокие показатели развития ($r = 0,897$)	
Республика Крым		
	Обратная слабая связь, невысокие показатели развития ($r = - 0,377$)	

Регион	Интегральный индекс экономической безопасности	Индекс физического объема ВРП (2000 г. — 100%), %
Краснодарский край		
	Прямая средняя связь, высокие показатели развития ($r = 0,621$)	
Ростовская область		
	Прямая сильная связь, высокие показатели развития ($r = 0,880$)	
г. Севастополь		
	Прямая сильная связь, невысокие показатели развития ($r = 0,929$)	

Результаты и выводы

По характерной зависимости между изменением уровня безопасности и уровнем социально-экономического развития регионы Западного порубежья объединяются в две группы — с прямой и обратной связью. При этом более многочисленной является первая группа, в которой существенны различия как по силе связи, так и по уровню развития самих регионов.

В первой группе выделяются регионы с прямой сильной, средней и слабой силой связи безопасности и уровня их развития. Сильная связь характерна для Белгородской, Воронежской, Ленинградской, Ростовской областей и Санкт-Петербурга. Для них позиции по экономической безопасности улучшаются за счет высокого потенциала и уровня развития. Сильная связь при более низком уровне и темпах развития отмечена для Брянской, Курской и Псковской областей. Прямая средняя и слабая связи зафиксированы для Краснодарского края, Мурманской области, Республики Карелия и Ненецкого АО. Рост уровня их экономической безопасности обеспечивался за счет снижения внешнеэкономической зависимости экономик, происходящего более быстрыми темпами против изменения уровня их развития. По этой же причине влияние системных ограничений в обеспечении безопасности было существенно ниже. В этой подгруппе находится и г. Севастополь, но динамика его показателей объясняется значительной федеральной поддержкой, в результате которой в последние годы значительно улучшились позиции и положение этого субъекта РФ.

Во второй группе зависимость изменения между уровнем безопасности и уровнем социально-экономического развития регионов слабее и имеет отрицательную связь. Такая ситуация характерна для Смоленской, Архангельской и Калининградской областей, Республики Крым. При высоких показателях внешнеэкономической и технологической зависимости от импорта эта ситуация объясняется изменениями геополитической обстановки. Так, положительные показатели развития на фоне усиления или восстановления интенсивности внешнеэкономических связей вели к ухудшению их позиций по экономической безопасности.

Результаты исследования позволили установить, что для приграничных регионов преимущественное значение в обеспечении высокого уровня экономической безопасности имеет интенсивность использования их геополитического положения. Ситуация по регионам свидетельствует, что поддержка международного сотрудничества в интересах роста эффективности региональной экономики (через производительность труда, инновационно-технологические ресурсы, капиталоотдачу и др.) укрепляет и позиции их экономической безопасности. В обратной ситуации уровень экономической безопасности в большей степени определяется влиянием геополитической обстановки и меньше зависит от изменений в социально-экономическом положении региона.

Список литературы

1. Малкомсон С. Новый век автаркии // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novuyj-vek-avtarkii/> (дата обращения: 27.05.2021).
2. *Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России* : монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2019.
3. *Западное порубежье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности* : монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2020.
4. *Экономическая безопасность регионов Западного порубежья России* / Г. М. Федоров, А. П. Катровский, С. С. Лачининский [и др.]. Калининград, 2021.
5. *Волошенко К. Ю.* Классификация факторов экономической безопасности региона. Фактор приграничности в оценке экономической безопасности // Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России : монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2019. С. 90—93.
6. *Волошенко К. Ю.* Индикаторы экономической безопасности субъектов РФ: общие для всех регионов, частные для их типов и специальные, присущие конкретным субъектам // Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России : монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2019. С. 93—107.
7. *Митяков Е. С., Митяков С. Н.* Адаптивный подход к вычислению обобщенного индекса экономической безопасности // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 415—421.
8. *Сенчагов В. К., Митяков С. Н.* Использование индексного метода для оценки уровня экономической безопасности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 5. С. 41—50.
9. *Волошенко К. Ю., Волошенко Е. В.* Типология регионов Западного порубежья России по уровню экономической безопасности: риски и угрозы // Региональные исследования. 2019. № 4 (66). С. 20—33.

Об авторе

Ксения Юрьевна Волошенко, кандидат экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

The author

Dr Ksenia Yurievna Voloshenko, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

УДК: 502.3/.7, 908

Н. С. Белов¹, А. В. Белова¹, Т. В. Шаплыгина¹, А. Р. Данченков²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

² Атлантическое отделение Института океанологии РАН (Калининград, Россия)

ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ДВОЙНИКОВ УНИКАЛЬНЫХ И РЕДКИХ ПРИРОДНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Сегодня стало возможным не только проводить исследования природных или культурных объектов, но и формировать их цифровые двойники. К сожалению, на этом этапе до сих пор существуют сложности, связанные как с технологиями процессов, так и с непониманием со стороны лиц, принимающих решения, и специалистов возможностей применения этих двойников. На текущий момент есть только первые удачные примеры формирования цифровых двойников, но этой работе недостает системности. В большинстве случаев результаты представлены в форме 2D-каталога.

At the present stage, it has become possible not only to conduct research on natural or cultural objects, but also to form their digital twins. Unfortunately, at this stage, there are still difficulties associated with both the technologies of the processes and the lack of understanding of decision makers and specialists about the applicability of these twins. At the moment, there are only the first successful examples of the formation of digital twins, but there is no system. In most cases, it all comes down to some form of 2D catalog.

Ключевые слова: фотограмметрия, цифровые двойники, наземное лазерное сканирование.

Keywords: photogrammetry, digital twins, terrestrial laser scanning.

Введение

В настоящий момент термин цифровой двойник (ЦД) нашел свое применение в основном в реверс-инжиниринге и относится к созданию копии реально существующей детали или группы деталей. Кроме того, сложилась практика применения данного термина к цифровым моделям зданий (BIM) и промыш-

ленности [1; 4; 5; 7]. Однако почти не охвачен такой аспект, как сохранение в цифровой среде уникальных природных и историко-культурных объектов. Реализуются отдельные проекты, но они не формируют систему и оставляют ощущение, что ЦД такого рода объектов остается уделом отдельных энтузиастов или что возможность такой деятельности есть только в рамках проектов. Из-за этого целый ряд уникальных объектов уже утерян или находится в ненадлежащем состоянии.

Описание района исследования

Калининградская область является самым западным регионом Российской Федерации и одновременно одним из самых молодых. В ней находится большое количество как уникальных или редких объектов историко-культурного наследия, так и памятников природы и отдельных участков ландшафта или местности которые могли бы таковыми стать. На двух примерах мы рассмотрим текущее состояние объектов и то, как сформированные ЦД могли бы сохранить их.

В пос. Донское Калининградской области находился один из уникальных геологических объектов, не успевший, к сожалению, получить статус «геологический памятник природы». Участок имеет сложную морфологию за счет неоднородности геологического строения и активно разрушается под действием волн, гравитации и ветра (рис. 1).

Рис. 1. Расположение «останца»

На данном участке был представлен наиболее полный разрез отложений кайнозойской эры — классический, чистый, единственный на всем побережье Калининградской области, который не нуждался в проведении каких-либо инженерных работ. Но выходы так называемой голубой глины в нижней части склона привлекли к этому месту «черных» копателей, чья деятельность в сочетании с естественными процессами привела к полному уничтожению данного объекта.

Второй объект — башня Бисмарка в Черняховске (рис. 2). Первая башня такого типа появилась в Силезии за два года до основания Германской империи, в 1869 г. Из 240 башен до наших дней дошли 173. Данная башня, построенная из булыжников архитектором Эмилом Кадерайем, была торжественно открыта 7 сентября 1913 г. В настоящий момент имеет статус выявленного объекта культурного наследия и находится в аварийном состоянии. Верхняя часть башни обрушилась.

Рис. 2. Расположение Башни Бисмарка в Черняховском городском округе

Ход работы

Для создания ЦД использовалось следующее оборудование — наземный лазерный сканер Topcon GLS 1500, квадрокоптеры DJI Phantom 4 Pro и DJI Mavic Pro. Программное обеспечение для автоматического планирования полетов

не применялось. Полеты проводились в ручном режиме с целью соблюдения требований законодательства. Работы выполнялись в следующие периоды: для «останца» в поселке Донское — мониторинг в период с 2011 по 2021 г.; для Башни Бисмарка — два полевых выезда в 2019 и 2020 гг.

Результаты

К сожалению, первые работы по «останцу» начались лишь в 2011 г., когда уже произошли обрушения. На первых этапах использовалось только наземное лазерное сканирование, что, с одной стороны, позволило понять суть процессов, происходящих в данном месте, и получить высокоточные объемные характеристики. А с другой — для формирования качественного ЦД не хватало данных фотограмметрии. Дроны применялись начиная с 2018 г., когда процесс обрушения усилился и от объекта мало что осталось. На данный момент есть копия объекта в виде облака точек плотностью 7 точек на см² и общим количеством в 24 000 000 точек (рис. 3).

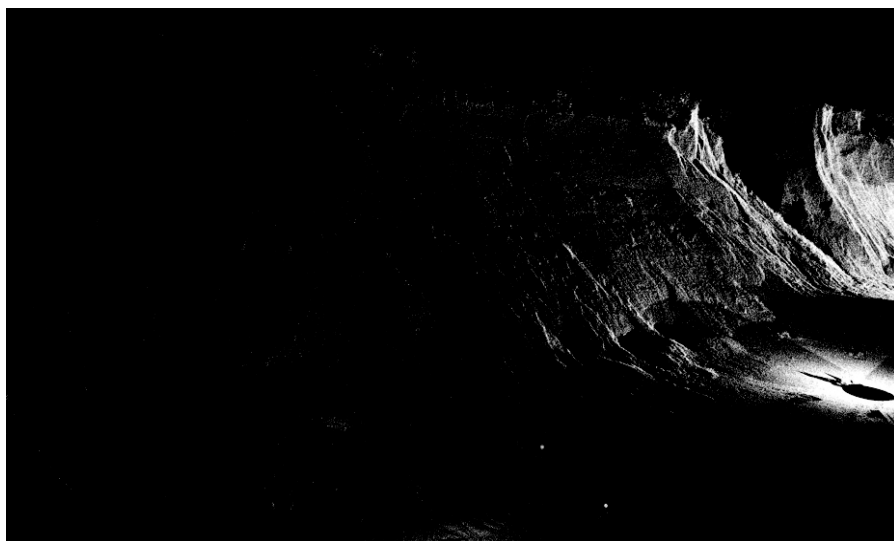

Рис. 3. Облако точек первого ЦД по «останцу» в пос. Донском

Эти данные позволяют понять, каким был объект, но показать его геологические особенности, к сожалению, крайне затруднительно. Фотограмметрическая копия объекта создана в 2018—2020 гг. и содержит в себе 18 000 000 полигонов, однако сам объект уже не является столь интересным с точки зрения создания ЦД (рис. 4).

Рис. 4. Фрагмент модели «останца»

По второму объекту ситуация несколько лучше. Полученная модель позволяет сохранить в цифровом виде текущее состояние башни. К сожалению, при обрушении вершины башни была также разрушена внутренняя лестница, поэтому создать полноценный ЦД нельзя. Сама модель содержит в себе 2 500 000 полигонов, позволяет производить обмеры и может быть использована в ВМ или для проведения реставрационных работ (рис. 5—6).

Рис. 5. Модель Башни Бисмарка

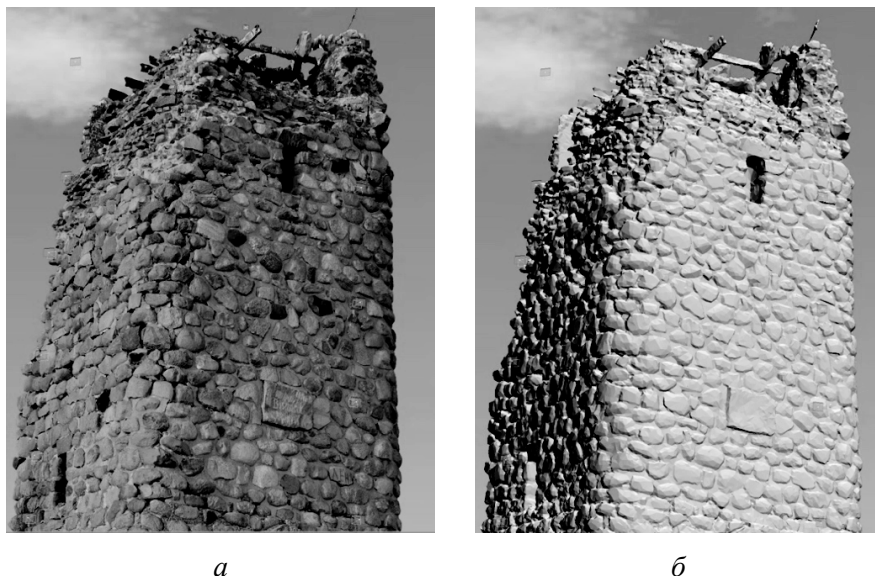

Рис. 6. Цифровой двойник Башни Бисмарка:
a — текстурированная модель; *б* — нетекстурированная модель

Обсуждение

Вычислительные мощности и программное обеспечение в разы ускоряют создание ЦД. Технические средства дешевеют и становятся все более доступными для широкого круга лиц [2]. Однако до сих пор не создано ни технологического стандарта, ни системы каталогизации подобного рода цифровых двойников [3]. Существующие сейчас подходы, в первую очередь BIM, не подходят для формирования полноценных ЦД именно природных и историко-культурных объектов. Сказывается так называемая инертность мышления, которая приводит к тому, что из объекта не делают его настоящий цифровой двойник, а создают вручную его копию [6]. Само удивительное, что первые реальные шаги для создания и популяризации ЦД были сделаны в игровой индустрии. Представленный совсем недавно игровой движок Unreal Engine 5 позволяет без особых усилий не только создавать ЦД объектов, но и моделировать местность, в которой они находятся, таким образом, чтобы у зрителя не было ощущения искусственности.

Список литературы

1. Bevilacqua M., Bottani E., Ciarapica F. E. et al. Digital twin reference model development to prevent operators' risk in process plants // Sustainability. 2020. Vol. 12, № 3. P. 1—17.

2. *Döllner J.* Geospatial artificial intelligence: Potentials of machine learning for 3D point clouds and geospatial digital twins // PFG-Journal of Photogrammetry, Remote Sensing and Geoinformation Science. 2020. Vol. 88, № 1. P. 15—24.

3. *Fischer-Stabel P., Mai F., Schindler S., Schneider M.* Digital Twins, Augmented Reality and Explorer Maps Rising Attractiveness of Rural Regions for Outdoor Tourism // Advances and New Trends in Environmental Informatics. Cham, 2021. P. 243—253.

4. *Gil J.* City Information Modelling: A Conceptual Framework for Research and Practice in Digital Urban Planning // Built Environment. 2020. Vol. 46, № 4. P. 501—527.

5. *Gunasegaram D. R., Murphy A. B., Matthews M. J., DebRoy T.* The case for digital twins in metal additive manufacturing // Journal of Physics: Materials. 2021. Vol. 4, № 4. 040401.

6. *Pigni F., Watson R. T., Piccoli G.* Digital twins: Representing the future. doi: 2020.10.13140/RG.2.2.27690.24006.

7. *Teng S. Y., Touš M., Leong W. D. et al.* Recent advances on industrial data-driven energy savings: Digital twins and infrastructures // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2021. Vol. 135C, № 110208. doi: 10.1016/j.rser.2020.110208.

Об авторах

Николай Сергеевич Белов, кандидат географических наук, доцент кафедры океана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: belovns@gmail.com

Татьяна Владимировна Шаплыгина, кандидат географических наук, доцент кафедры океана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: TSHaplygina@kantiana.ru

Анна Валерьевна Белова, кандидат географических наук, заместитель руководителя Службы организации научно-исследовательской деятельности, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ABelova@kantiana.ru

Александр Романович Данченко, кандидат географических наук, младший научный сотрудник лаборатории геоэкологии Атлантического отделения Института океанологии РАН, Россия.

E-mail: aldanchenkov@mail.ru

The authors

Dr Nikolay S. Belov, Associate Professor, Department of Ocean Geography, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: belovns@gmail.com

Dr Tatiana V. Shaplygina, Associate Professor, Department of Ocean Geography, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: TSHaplygina@kantiana.ru

Dr Anna V. Belova, Deputy Head Division for Research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ABelova@kantiana.ru

Dr Alexander R. Danchenkov, Junior Researcher, Laboratory of Geoecology, Atlantic branch, Institute of Oceanology, RAS, Russia.

E-mail: aldanchenkov@mail.ru

**И. В. Чеснокова¹, Л. А. Жиндарев²,
Э. А. Лихачёва³, А. В. Морозова¹**

¹ Институт водных проблем РАН (Москва, Россия)

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

³ Институт географии РАН (Москва, Россия)

СТРАХОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Рассмотрены эстетические и экологические ресурсы, которые определяют рекреационную и экономическую ценность береговой зоны. Природоохранные мероприятия на калининградском побережье Балтийского моря должны быть направлены на сохранение и улучшение не только качества среды жизни, но и рекреационной привлекательности региона. Эти мероприятия авторы определяют как геоэкологическое управление.

This article draws attention to the aesthetic and ecological resources that determine the recreational, and therefore economic, value of the coastal zone. Environmental measures of the Baltic Sea Kaliningrad coast should be aimed at preserving and improving not only the living environment quality, but also the recreational attractiveness of the region. The authors define these measures as geoecological management.

Ключевые слова: окружающая человека среда, эстетические и экологические ресурсы, геоэкологическая ценность, управление, экологическое страхование.

Keywords: human environment, aesthetic and ecological resources, geoecological value, management, improvement, environmental insurance.

Благоустройство, строительство, реконструкция или иная деятельность на освоенных землях изменяют исходное состояние окружающей среды, прежде всего — геоморфологические условия: направленность и интенсивность развития денудационно-аккумулятивных процессов, инженерно-экологические свойства морфолитосистемы, токсические, микробиологические, бактериологические, радиационные характеристики рыхлых отложений. Возникает вероятность вторичных неблагоприятных воздействий измененной морфолито-

системы на медико-экологическую ситуацию — здоровье человека, качество природных сред и техническое состояние антропогенных объектов.

Избыточная аккумуляция, в том числе ингредиентов, не свойственных ранее для данной территории, определяется как «загрязнение». К этому процессу можно отнести многочисленные явления: заносимость судоходных фарватеров, аванпортов или автодорог песками; скопления токсикантов и отходов как на дневной поверхности, так и в разрезе рыхлых отложений [1].

Побережье Балтийского моря исторически интенсивно эксплуатируется. Здесь под воздействием техногенеза произошли существенные изменения структуры гидрологической и эрозионной сети, связанные с созданием каналов, мелиорации, транспортных магистралей, урбанизации территории. Наряду с природными опасностями здесь отмечаются негативные техногенные процессы: подтопление, заболачивание, оседание земной поверхности под сооружениями, интенсивное рекреационное использование пляжей и вибрационное воздействие транспорта, общее загрязнение территории, сбои в работе водонесущих систем и гидротехнических сооружений.

Понятие *«окружающая человека среда»* — антропоцентрическое, используется для того, чтобы показать, что речь идет о природных условиях мест, избранных людьми для постоянного проживания. Как правило, рассматриваются качество среды (устойчивость к воздействию, загрязнению), экологичность и эстетичность. В свое время мы определили эти факторы формулой: ресурсы, здоровье, доступность, безопасность, привлекательность [2]. При этом возникает проблема сохранения на длительное время наиболее благоприятного сочетания перечисленных свойств территории — среды жизни человека. В этих целях разрабатывается комплекс мероприятий, направленных на обеспечение возможности сохранения ресурсовоспроизводящих и средовоспроизводящих функций природных комплексов [3]. Хотелось бы обратить внимание на *эстетические и экологические ресурсы*, которые определяют рекреационную, а, следовательно, и экономическую, ценность береговой зоны.

Геоэкологическая ценность — мера качества (структуры, организованности) окружающей среды и ее отдельных элементов. Она зависит как от вероятности деградации окружающей среды, развития опасных геоэкологических процессов (природных и техногенных), так и от степени благоприятности для здоровья людей, а также соответствия среды экологическим требованиям. Геоэкологическая ценность определяет и совокупность мероприятий, направленных на сохранение благоприятных условий жизни в регионе [4].

Последствия природно-антропогенных взаимоотношений неоднозначны. Механическая и химическая составляющие воздействия проявляются в особенностях морфолитодинамического, геоэкохимического и эстетического состояния берегов. Так, геолого-геоморфологические условия, гидрометеорологические факторы и непродуманное техногенное вмешательство определяют дифференцированность темпов абразии берегов и дна. В то же время абразия, нанося ущерб земель-

ным ресурсам, придает берегам живописный вид. Сбросы в воду неочищенных и плохо (до 20 %) очищенных городских стоков обостряют санитарно-эпидемиологическую ситуацию. На взморье нередок органолептический дискомфорт. Однако нечистоты привлекают водоплавающих птиц и рыбу. Известны случаи уринизации морских мелководий в зонах отдыха от «взаимодействия» купальщиков с прибрежными циркуляциями воды в условиях, близких к штилевым [1].

Природоохранные мероприятия на калининградском побережье Балтийского моря должны быть направлены на сохранение и улучшение не только качества среды жизни, но и рекреационной привлекательности региона. К ним относятся оценка риска развития опасных процессов, уменьшение геоэкологической опасности, инженерно-геоэкологическая защита, геоэкологическая регламентация эксплуатации, мониторинг и моделирование развития территории (эволюционного и возможного антропогенного), разработка системы мероприятий по рекультивации, благоустройство и перепрофилирование направленности хозяйственной деятельности. Этот комплекс мероприятий мы определяем как геоэкологическое управление (рис.), которое включает мероприятия, направленные на охрану природного комплекса: *регулирование — благоустройство — санитарно-гигиеническая служба — экологическое страхование.*

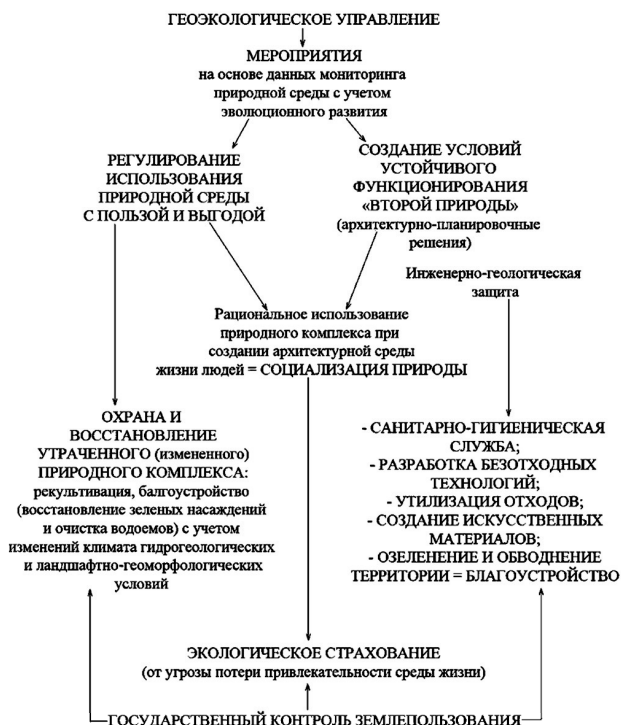

Рис. Схема геоэкологического управления

Что касается экологического страхования, то следует отметить, что его нужно рассматривать как особый элемент экономического механизма государственного регулирования. Оно базируется на договоренности сторон, при которой проблема охраны окружающей среды решается путем достижения баланса между экономическими целями хозяйствующего субъекта и общества, заинтересованного в обеспечении благоприятной окружающей среды.

Интенсивное освоение прибрежных территорий с возведением различных объектов предполагает создание надежных защитных сооружений, препятствующих вредному воздействию вод и сохраняющих прибрежные территории [5]. Страхование от вредного воздействия вод должно способствовать финансированию мероприятий по защите территории. Страховые механизмы дают большой эффект в снижении ущерба от вредного воздействия вод. Система страхования может стать регулятором при управлении критическими ситуациями на прибрежных территориях.

В настоящее время появились возможности применения механизма экологического страхования при реализации различных программ по обустройству особо охраняемых природных территорий. Одним из таких объектов является национальный парк «Куршская коса» [6]. Актуальные проблемы в развитии туризма в национальном парке состоят в основном в интенсивной хаотичной застройке данной территории. Нарушен архитектурный облик рыбацких поселков Куршской косы, застроена водоохранная зона. Это ведет к потере культурно-исторического ландшафта и утрате рекреационного потенциала территории. В таких условиях целесообразно применить процедуру обязательного экологического страхования. Объектом страхования могут выступать природные объекты, которые подвергаются негативному воздействию в процессе строительства туристско-рекреационных объектов и сооружений инфраструктуры. Первые такие попытки по отдельным элементам природного комплекса были сделаны Г. А. Фоменко [7].

Выводы

1. В результате широкого развития как природных, так и антропогенно-техногенных процессов берега калининградского побережья Балтийского моря интенсивно разрушаются.

2. Наибольшую геоэкологическую ценность представляет морское побережье как рекреационная зона и своеобразное «окно в Европу», имеющее государственное значение. Основным геоэкологическим риском здесь являются абразионные процессы. Наиболее уязвимы к геоэкологическим процессам песчаные косы (уникальные природные образования). Геоэкологический риск создают эоловые и эрозионные процессы.

3. Для сохранения благоприятных условий жизни необходима разработка мероприятий по инженерно-геологической защите и созданию структуры гео-

экологического управления территориальными ресурсами как на региональном, так и на городском уровнях.

4. Важнейшим компонентом геоэкологического управления должна стать санитарно-гигиеническая служба, направленная на разработку и проведение мероприятий по обеспечению населения всеми удобствами и поддержанию природного комплекса рекреационных зон в надлежащем порядке и, следовательно, служащая основой охраны его привлекательности.

5. Система обязательного экологического страхования природных объектов, которые подвергаются негативному воздействию в процессе строительства и эксплуатации рекреационной инфраструктуры, может стать регулятором при управлении критическими ситуациями, возникающими на прибрежных территориях.

Список литературы

1. *Богданов Н. А.* Техногенез и трансформации состояния берегов дна Балтики // Астраханский вестник экологического образования. 2016. № 4 (38). С. 4—18.

2. *Антропогенная геоморфология* / отв. ред. Э. А. Лихачёва, В. П. Палиенко, И.И. Спасская. М. ; Киев, 2013.

3. *Лихачёва Э.А.* Рельеф — его сущности и красота. М., 2015.

4. *Лихачёва Э.А., Тимофеев Д.А.* Экологическая геоморфология : словарь-справочник. М., 2004.

5. *Новиков В. Ю.* Страхование от вредного воздействия вод // Теория и практика экологического страхования: модернизация экономики : труды XI Всерос. конф. М., 2011. С. 70—71.

6. *Старикова Л. И.* Возможности применения механизма экологического страхования при реализации программы по обустройству особо охраняемых территорий // Теория и практика экологического страхования: модернизация экономики : труды XI Всерос. конф. М., 2011. С. 86—89.

7. *Фоменко Г. А., Фоменко М. А.* Эколого-экономическая оценка природных ресурсов Калининградской области // Горный журнал. 2010. № 3. С. 21—25.

Об авторах

Ирина Васильевна Чеснокова, доктор геолого-минералогических наук, заместитель директора по связям с академическими организациями, Институт водных проблем РАН, Россия.

E-mail: ichesn@rambler.ru

Леонид Алексеевич Жиндарев, доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: geomorpho2006@yandex.ru

Эмма Александровна Лихачёва, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: lihacheva@igras.ru

Александра Владимировна Морозова, инженер, Институт водных проблем РАН, Россия.

E-mail: Aleksandra.v.morozova@yandex.ru

The authors

Prof. Irina V. Chesnokova, Deputy Director for Academic Relations, Water Problem Institute, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: ichesn@rambler.ru

Prof. Leonid A. Zhindarev, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: geomorpho2006@yandex.ru

Prof. Emma A. Likhacheva, Chief Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: lihacheva@igras.ru

Aleksandra V. Morozova, engineer, Water Problem Institute, Russian Academy of Sciences, Russia

E-mail: Aleksandra.v.morozova@yandex.ru

D. Szymańska¹, A. Lewandowska¹

¹ Nicolaus Copernicus University in Toruń (Toruń, Poland)

CITIES IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CHALLENGES — URBAN INFRASTRUCTURE AND ENVIRONMENTAL CHALLENGES

The article is devoted to the most significant challenges facing European cities today. The digital transformation of the economy and society, the development of the transport network and increased mobility of residents, the need to overcome the negative impact of urbanization on the environment and socio-economic processes are highlighted as key objectives of urban management. The authors indicate the importance of an integrated approach to ensuring the socio-economic sustainability of cities through a systematic attitude to planning and development, covering social, economic, environmental and territorial issues.

Рассмотрены наиболее значимые вызовы, которые стоят перед европейскими городами на современном этапе. В качестве важных задач городского управления выделяются цифровая трансформация экономики и общества, развитие транспортной сети и повышение мобильности жителей, преодоление негативного влияния урбанизации на окружающую среду и социально-экономические процессы. Отмечается важность комплексного подхода к обеспечению социально-экономической устойчивости городов через системное отношение к планированию и развитию, охватывающее социальные, экономические, экологические и территориальные вопросы.

Keywords: urbanization, urban population, urban infrastructure, ecology, digitalization, transport network.

Ключевые слова: урбанизация, городское население, городская инфраструктура, экология, цифровизация, транспортная сеть.

City is a settlement of living for over 57 % inhabitants of our globe, with total population of 7,706 billion persons (2019). According to UN forecasting by 2050, with the planet population of 9,7 billion, this rate will have increased up to 68 %. The Earth has become a planet of cities, and the urbanization process is one of the

most striking symptoms of modern civilization. Cities are constantly surprising and demonstrating their power [1—3]. Differences in urbanization process speed in various countries and the world regions make ‘urban landscape of the globe’ transform continually. When we compare urban population distribution between developed and developing countries (including underdeveloped ones), we see that in 1950 the developed countries were inhabited by 60 % of the world urban population, in 1970 that was 50 %, while in 2019 only 29 % of total world urban population. Cities occupy 2,2 % of the Earth surface and use up over 75 % of natural resources of our planet.

After UN data, by 2025 the developed countries will have reported concentration of 20 % of the world urban population, while the remained 80 % will have been inhabiting developing and underdeveloped countries. We are witnessing revolutionary changes of general system and structure of metropolitan skeleton of the world settlement process [2; 3].

Almost all the world countries report an increasing number of cities and urban population participation, hence more and more attention focused on challenges which modern cities face. Definitely there are various social-demographic challenges (including populations aging), infrastructural (housing, transport, communication). These issues are completed by natural environment protection challenges, its pollution, ecological crisis, climate changes, disproportions, and polarization of settlement.

Before starting a discussion on challenges facing contemporary cities, we should define in this context a word ‘challenge’, because we often replace it by its euphemism ‘problem’. But it is just a problem which generates various challenges for cities to solve, e. g. to provide sustainable mobility solutions (it can include numerous problems, like: traffic jams, health and technical matters to solve, etc.). A challenge according to the Dictionary of Polish Language refers to: a difficult task, new situation, etc. requiring effort, devotion, etc., being a test of somebody’s knowledge, resistivity, etc. [4]. ‘A problem’ on the other hand is a difficult situation to solve by finding a way out; trouble, serious matter requiring reflection and solution [5].

The article’s objective is to signal the most crucial challenges, which European modern cities face, although they will not include all of them. They refer to some infrastructural issues and environmental dangers (selected subjectively as the most important), not touching in details the other problems, like: consequences of social-demographic changes, polarization of urban settlement development and regional contrasts. A part of these issues was discussed in articles: ‘Ecologisation of Polish cities in the light of selected parameters of sustainable development’ [6], ‘Miasta w kontekście współczesnych wyzwań społeczno-demograficznych’ [7] and in the books: ‘Urbanizacja na świecie’ [1], ‘Geografia osadnictwa’ [2; 8], ‘Inteligentne miasta — idea, koncepcje i wdrożenia’ [9], ‘Ekoinnowacje w miastach’ [10], ‘Biogospodarka w miastach’ [11] and in the text — ‘Cyfryzacja w miastach’ [12].

Adequate urban infrastructure, its constant improvement and optimization (in building, transport and communication, telecommunication infrastructure,

digitalization implementation in various economy sectors, etc.) is the challenge for modern cities and their economy. Improvement in digital economy and society index (measured by DESI) is a significant challenge not only for city dwellers, but also for local government officials and entrepreneurs [12], with special attention focused on information and communication technologies (ICT) and particular urban technologies (it can be a potential while solving a number of urban tasks and challenges). Implementation of ICT in all possible activities (urban planning, efficient energy use, renewable energy, transport, security, social interactions, health service, trade, industry, management, solving the problem of territorial inequalities) these are the matters urban centers face [9]. It should be stressed here that digitization has become global and irreversible phenomenon, spreading all around the world, with no way backwards, and it has touched every sphere of social-economic life. More and more cities (firms, institutions) benefit from that revolution which generates their development, prosperity and successes. Many specialists emphasize that the process of Digitization and digitalization introduces internationalization into all sectors of economic life, but simultaneously some danger appears, because ‘powerful players’ existing in the world market can drive out of economic circulation home entrepreneurs, which are too weak in medial and advertisement rivalry comparing to the big capital and digitization of that global party, that they can collapse. The others claim, on the other hand, that we can observe the opposite process, when ‘old giants’, international concerns give way to small firms, which become real rivals to them [12]. It is obvious that if cities and firms operating in them do not implement internationalization of their activities using digital transformation, they can lose much in market participation. Moreover, digital transformation evidently changes the market depending on global offers of particular branches. Therefore, European countries and cities will face new competitors in reference to origin and technology [13].

Digitization and digitalization is both — a challenge, but also a factor transforming life. It is a chance — it creates possibilities of new work places, but it also generates threats, as it can deepen differences between regions and countries.

European digital market influences our everyday life and economy, bringing benefits and real values for the citizens, like e. g.: abolishing *roaming* charges or better personal data protection [14; 15]. To implement digitization we must (apart from development of social awareness and digital education, increasing financial means on research and infrastructure) create optimal legal regulations and clear rules of digital economy functioning (with particular attention turned to fuel-energy sectors to protect them, as well as all the others — from uncontrolled pace of change, there must be clear criteria in licensing, advanced infrastructure level, proper capital base, etc.) [12].

Transport is another crucial issue as the key element of creating sustainable territorial development and urban space integration. Many European cities use convenient air or railway connections with main cities and other regions of the

world, so practically business trips and everyday commuting to work are possible. Unfortunately, worse situation is still observed in Central and Eastern Europe where air network is still insufficient.

Railway transport development is also perceived as a challenge, because these are mainly EU home train lines, with very poor cross border rail transportation. Providing low-emission transport is a task to solve not only for cities, but all the countries in the world. Moreover, introducing high-speed rail, replacing air transport is much cheaper and pro-ecological. Insufficient transport network, in particular among cities of Central and Eastern Europe comparing to Western and Northern Europe decide of lower position of firms localized within these areas and their inferior role in global economy. Transport encourages international firms, therefore cities authorities must understand its essence and its enormous role in cities and their firms positioning in the world economy.

Transport and communication are of a fundamental meaning in this case — market interconnections and access to technological and financial resources are extremely important, because a city is not only ‘a space of place’, but also ‘a space of flow’ [16]. Thanks to their firms, cities gain an advantage, are more competitive, stronger, have direct ties with global financial and technological centers, etc.

In most cases, a city size is a determinant of its position in global network, but in smaller urban centers (as European examples show), global/international firms centers can also be located [16].

Development of sustainable and low-emission (preferably 0-emission) transport in cities is another crucial task (discussed further).

Cities are forced to manage rationally numerous environmental problems (air quality, water, energy, wastes and natural resources). Climate changes are the factor motivating cities to be more effective in using the resources. As it is in case of the other economic entities, cities will have to take responsibility of CO₂ emission reduction, increase water resources and green areas.

Basing on reports of European Environment Agency (EEA) for 2018, we are informed that cities in Bulgaria, Poland, Italy, Slovakia and Turkey are the most affected with PM₁₀ pollution. As for PM_{2,5} dusts, the situation is similar, with discreditable leading position of cities in Poland, Bulgaria and Italy. Europe reports annually over 455 thousand deaths caused by PM_{2,5} air pollution [17], including about 40 thousand in Poland.

Efficient energy use, reducing greenhouse gases emission and excessive private transport are regarded as a task to solve. Development of ‘0’ emission transport, promotion of pedestrian or bike traffic contribute not only to air pollution diminishing, but also population obesity decrease, general health improvement, which also brings economic benefits, implementing sustainable mobility as crucial element of integrated attitude to the problem is also a challenge. Sustainable mobility includes a few dimensions and components: sustained efficient energy use and cheap public transport systems, environment — friendly for all types of transport (biking,

walking; easy access to all landscape areas, on foot, by bike, city public transport; urban internal transport, suburban transport and comfortable transport connection with regional centers.

Cities face the problem of mobility habits of both — dwellers and visitors, which is not an easy task. Public transport mobility should be more attractive than individual private cars traffic, less attractive socially and economically.

Vienna is a perfect example in this case. The capital dwellers see it less profitable to use their private cars (unless they are forced to), which in general traffic structure amounts only 27 %. 73 % daily commuting is serviced by public transport, on foot, by bike or motorbike (in Innsbruck 67 %, in Linz 49 %). In Vienna, vehicle motorization index is 513 per 1000 inhabitants (in Graz 476, in Innsbruck 438, in Linz 513, in Eisenstadt 661 — [18], so it is comparable to Poznań, but the difference is that we cannot see all these cars in Vienna streets as most of the dwellers use alternative transport to commute. Trams, underground, buses are used by total of 39 % inhabitants, bikes 7 %, motorbikes 1 %, and as many as 26 % is reported for pedestrian traffic (data for 2014 after the report — [19]. Viennese love going on foot, and the survey shows that this index grows from year to year, and foot traffic is popularized by the city authorities and numerous societies and agencies [9].

City recovery is another serious task — e. g. diminishing traffic jams, important not only for inhabitants' health (pollution while braking and slow driving is enormous), for CO₂ and noise reduction, etc.

Next problem concerns providing all population of our planet, including urban population, access to freshwater resources, on the one hand, and its saving and rational freshwater economy on the other hand, waste management, disposal, and rational water-wastewater economy. Specialists forecast future conflicts caused by struggling for freshwater access [20]. Climate changes, widespread 'concrete' architecture (what results in loss of water storage capacity in soil), lack of small-scale water retention and urban green areas loss (which stores water in soils) cause that we are able to store less and less water, despite frequent heavy rains. To illustrate these challenges and problems let us quote a fragment of a commentary from tvn24 program '*...Millions of people escaping from the sun heat, devastating hurricanes and deadly floods, fratricidal wars for water and food, cities flooded by an ocean — this is not a screenplay of a science fiction movie, but a real threat what life on the Earth can look like in several decades' time.*' It can be our future, if we do not do anything' [21]. Conflicts, which real reason is the rivalry of water resources access are often interpreted as ethnic conflicts or religious wars.

Urban life quality and its ecological-environmental values are determined by presence of green, hence another challenge arises for most of the world cities — establishing vegetation in them, decreasing or complete abandoning concrete inside urban spaces is recommended. Many cities report successes in this field, empty spaces are afforested, green appears on roofs, walls, every free space, while the others are still observing these processes and mature to pro-ecological decisions.

Apart from the issues mentioned above, global challenge for cities and their functional regions is seen in their sustainable and integrated development, shaping more ecological behavior and consumption, which should concern all urban activities. CO₂ emission reduction, improvement in air quality, traffic jams reduction, and health improvement are direct benefits resulting from more ecological behavior.

Holistic and integrated attitude to environment and efficient energy use, mass implementation global climatic goals will have decrease the risk of serious floods and droughts, uncontrolled migration of climatic and other unfavorable results of extreme weather conditions refugees. We must remember the principle, however, that 'human beings are at the centre of concerns for sustainable development and that they are entitled to a healthy and productive life in harmony with nature (Principle 1 of Rio Declaration on Environment and Development, 14th June 1992).

Other challenges which go beyond the scope of this article include urban planning, spatial city development and their structure (e. g. public spaces should be multifunctional and multigenerational, older-adult-children friendly, they should be meeting places, but also serve particular functions), urban management and economic — global and local problems. Economic growth should be balanced with sustainable use of natural resources, to prevent global competitiveness not become a factor of social exclusion for some of the city dwellers. Therefore cities are obliged to care for local economy development (should accelerate regional development, implement inclusive economy). Cities must be able to combine economically viable local firms with global economy and global centers, adjust their abilities to implement innovation, to develop resistant, stable economies, based on knowledge [16]. Cities must stimulate work places creating and support local economy, using human and natural resources.

It should also be remembered that cities are the most developed groups of settlement units and they are decisive factors in forming settlement structure. From economic-geographical point of view, cities — together with road network create a skeleton, which is the base for shaping the territory of some definite features. They are a kind of a leading country components, organizing its life in all surfaces — social, economic, political and cultural [1]. Therefore numerous European Commission strategic documents include the problem of shaping a model of sustained polycentric urban settlement structure as the crucial challenge for territorial development of all Europe. Cities play the key role as service, business and culture centers for the surrounding areas. Their development is also crucial for local rural areas [16].

Tremendous challenge not only for cities but also all the countries of the world is perceived in the struggle with the deepening, in global scale, process of population and economic capital concentration in large cities, which is depicted in enormous and potentially dangerous disproportion in wealth of cities and villages between developing and underdeveloped countries. Globalization makes large cities separate from their countries, because they concentrate an immense potential, economic, political, cultural capital in a relatively small number of large cities, equipping them with extreme influences on our planet. Evidently, these primate cities appear as the

dominating centers of all the world economy and influence the structure and hierarchy of settlement network, what frequently leads to settlement macrocephalism — both in demographic and economic sense [1; 2].

Taking into account 50 primate cities with the highest GDP in the world in 2014 we can observe that they created over 25 % of the world GDP (the authors' calculations basing on: www.statistica.com). Although the number of cities and their participation in the world GDP production grows, barely 100 cities generate as much as 30 % of global economy and almost all innovativeness. According to the report of McKinsey & Company, American global management consulting firm, over 22 % of global population (about 1,5 billion people — 2017) live in 600 world cities, which have gigantic participation in global wealth. Basing on calculations from 2017, over half of the world GDP came from 380 cities of developed countries, including as much as 20 % of GDP which was generated by only 190 North American cities. After McKinsey — estimations for 2025 — these 600 cities will be inhabited by 2 billion people (25 % of the world population) which will produce almost 60 % of the world GDP.

Spectrum of challenges discussed above demonstrates a great number of various problems which large cities face and we have to look at them methodically and holistically, not limiting our activities only to solve single problems, but integrated with global challenges. In other words, we must 'play all the chords' and not with one finger [2]. Cities have to face not only the challenges of today, but also the ones of tomorrow with sustainable and integrated attitude towards planning and development, encompassing social, economic, environmental and territorial questions as components of social-economic improvement.

References

1. *Szymańska D.* Urbanizacja na świecie [Urbanization in the world]. Wydawnictwo Naukowe PWN [Polish Scientific Publishers PWN], Warsaw, 2007 (second edition 2008). 390 p. (in Polish).
2. *Szymańska D.* Geografia osadnictwa [Settlement geography]. Wydawnictwo Naukowe PWN [Polish Scientific Publishers PWN], Warsaw, 2013. 418 p. URL: <http://repozytorium.umk.pl/handle/item/1025> (in Polish).
3. *Szymańska D., Wylon M.* Macropolization in the People's Republic of China, 1950—2015 // *Miscellanea Geographica*. 2020. № 24 (3). P. 161—175. <https://doi.org/10.2478/mgrsd-2020-0018>.
4. *Wyzwanie*. Słownik języka polskiego. Wydawnictwo Naukowe PWN SA. URL: <https://sjp.pwn.pl/slowniki/wyzwanie> (in Polish).
5. *Problem*. Słownik języka polskiego. Wydawnictwo Naukowe PWN SA. URL: <https://sjp.pwn.pl/poradnia/szukaj/problem> (in Polish).
6. *Lewandowska A., Szymańska D.* Ecologisation of Polish cities in the light of selected parameters of sustainable development // *Sustainable Cities and Society*. 2021. Vol. 64. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102538>.

7. *Szymańska D.* Miasta w kontekście współczesnych wyzwań społeczno-demograficznych (red.) *Mierzejewska L., Wadowicka M.*, Miasta i regiony w obliczu pandemii Covid-19 i innych wyzwań współczesnego świata”, Wydawnictwo Naukowe Bogucki, Poznań 2021 (In press). (in Polish).

8. *Szymańska D.* Geografia osadnictwa [Settlement geography]. Wydawnictwo Naukowe PWN [Polish Scientific Publishers PWN]. 2009. Warsaw, 390 p. URL: <http://repozytorium.umk.pl/handle/item/1025> (in Polish).

9. *Szymańska D., Korolko, M.* Inteligentne miasta — idea, koncepcje i wdrożenia [Smart cities — idea, concepts and implementations] // Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika [Nicolaus Copernicus University Press], Toruń 2015. 163 p. URL: <http://repozytorium.umk.pl/handle/item/5550> (in Polish).

10. *Szymańska D., Korolko M., Grzelak-Kostulska E., Lewandowska A.* Ekoinnowacje w miastach [Eco-innovation in cities]. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika [Nicolaus Copernicus University Press], Toruń 2016. 195 p. URL: <http://repozytorium.umk.pl/handle/item/5552> (in Polish).

11. *Szymańska D., Chodkowska-Miszczuk J., Korolko M., Lewandowska A.* Biogospodarka w miastach [Bioeconomy in cities]. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika [Nicolaus Copernicus University Press], Toruń 2017. 155 p. URL: <http://repozytorium.umk.pl/handle/item/5553> (in Polish).

12. *Szymańska D., Lewandowska A., Korolko M.* Cyfryzacja w miastach [Digitalization in cities]. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika [Nicolaus Copernicus University Press], Toruń, 2019. 187 p. URL: <http://repozytorium.umk.pl/handle/item/6318> (in Polish).

13. *Opportunities and Threats of Digital Transformation.* International venture consultants. URL: <https://www.ivc.es/blog/en/opportunities-and-threats-of-digital-transformation>.

14. *Cyfryzacja Europy — szanse i zagrożenia.* Komisja Europejska. URL: https://ec.europa.eu/poland/news/181018_gabriel_pl (in Polish).

15. *Ósma edycja Europejskiego Kongresu Małych i Średnich Przedsiębiorstw.* Europe Direct Gdansk. URL: <http://www.europedirect-gdansk.morena.org.pl/cyfryzacja-europy-szansy-i-zagrozenia/> (in Polish).

16. *Polityka regionalna.* Komisja Europejska. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/_final.pdf (in Polish).

17. *Air quality in Europe — 2018.* European Environment Agency. URL: <https://www.eea.europa.eu/publications/air-quality-in-europe-2018>.

18. *Städter gehen viel zu Fuß.* ORF Austria. URL: <http://oe.orf.at/news/stories/2656291> (in Polish).

19. *Zu Fuß in Wien.* Stadt Wien site. URL: <http://www.wien.gv.at/verkehr/zufussgehen/pdf/zufuss-report.pdf>.

20. *Czekają nas wojny o dostęp do wody. A co z Polską?* Onet wiadomosci. URL: <https://wiadomosci.onet.pl/nauka/katastrofa-klimatyczna-czekaja-nas-wojny-o-dostep-do-wody/j9x1vrz> (in Polish).

21. *Magazyn TVN24.* URL: <http://www.tvn24.pl/magazyn-tvn24> (in Polish).

The authors

Prof. Daniela Szymańska, Faculty of Earth Sciences and Spatial Management, Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland.

E-mail: dani@umk.pl

Dr Aleksandra Lewandowska, Assistant professor, Faculty of Earth Sciences and Spatial Management, Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland.

E-mail: amal@umk.pl

Об авторах

Даниэла Шиманьска, профессор факультета наук о Земле и пространственного управления, Университет им. Н. Коперника, Торунь, Польша.

E-mail: dani@umk.pl

Александра Левандовска, доцент факультета наук о Земле и пространственного управления, Университет им. Н. Коперника, Торунь, Польша.

E-mail: amal@umk.pl

УДК 911.3:33

В. И. Часовский¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ТИПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ В ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ

Цель данного исследования — типологизация проблем развития региональной обрабатывающей промышленности. В результате использования сравнительно-географического и статистического методов были выявлены основные территориально-отраслевые изменения в обрабатывающей промышленности субъектов Северо-Западного федерального округа. Представлен анализ современного состояния обрабатывающих производств, выявлены лидеры и аутсайдеры регионального производства. Данное исследование поможет определить эффективность развития обрабатывающих производств, послужит ориентиром для региональных центров при анализе тенденций развития региональной промышленности.

The purpose of this study is to typologize the problems of the development of the regional manufacturing industry. As a result of the use of comparative geographical and statistical research methods, the main territorial and sectoral changes in the manufacturing industry of the subjects of the Northwestern Federal District were identified. An analysis of the current state of manufacturing industries is presented, leaders and outsiders of regional production are identified. This study will help determine the effectiveness of the development of manufacturing industries, will serve as a guide for regional centers in analyzing trends in the development of regional industry.

Ключевые слова: обрабатывающая промышленность, отрасль, регион, специализация, поляризация, муниципалитет, тенденция.

Keywords: manufacturing industry, industry, region, specialization, polarization, administrative region, trend.

Введение

Обрабатывающая промышленность СЗФО характеризуется высоким уровнем структурного, технологического и ресурсного разнообразия. В обрабатывающих отраслях трансформационные процессы приводят к определенным изменениям их структуры, качественных характеристик и рыночного позиционирования. Однако фундаментальной особенностью региональной структуры российской экономики является высокий уровень ее устойчивости по отношению к временным изменениям.

Вопросы современной методологии и разработки научного инструментария, используемого в региональных исследованиях, связанных со структурным подходом к изучению проблемных регионов в условиях многоукладности региональных систем, анализом тенденций и стратегий развития регионов, оценкой промышленного потенциала, были отражены в научных трудах К. Э. Гафаровой, Е. И. Осадченко [1], Л. М. Григорьева [2], Т. В. Кушнарченко [3], А. О. Ларионова [4], М. А. Николаева и М. Ю. Махотаевой [5] и др. Проблемам модернизации промышленности регионов, изучения конъюктурообразующих факторов развития, структурным и пространственным трансформациям, стратегиям, тенденциям, прогнозированию развития промышленного производства субъектов РФ, входящих в состав Северо-Западного федерального округа, посвящены исследования Е. В. Лукина и А. Е. Мельникова [6], В. К. Кашина [7], С. А. Кожевникова [8], Н. Г. Колесникова и О. В. Толстогузова [9], С. В. Кузнецова, Н. М. Межевича, С. С. Лачининского [10] и др.

В исследуемый нами период 2014—2019 гг. отмечался положительный тренд развития региональной промышленности, которая, несмотря на продолжившуюся деиндустриализацию, оставалась важнейшим сектором региональной экономики [8]. Поэтому мы провели сравнительный анализ динамики доли промышленного производства в ВРП 11 субъектов СЗФО, изменения индексов промышленного производства в целом и в разрезе отраслей обрабатывающей промышленности, изменений в ее территориально-производственной структуре.

В ходе исследования были проанализированы данные по промышленной статистике 217 муниципальных образований субъектов СЗФО, а также данные по работе отраслей обрабатывающей промышленности в разрезе административных районов (из баз СПАРК-Интерфакс) и 159 населенных пунктов (*fabricators.ru*), что позволило нам выявить не только изменения в отраслевой структуре субъектов СЗФО РФ и их муниципалитетов, но и тренды их трансформирования [11—14].

Краткий обзор промышленного развития Северо-Западного федерального округа

Северо-Западный федеральный округ занимает ведущее положение в экономике России, но социально-экономическое развитие его субъектов заметно различается. Санкт-Петербург и Ленинградская область, на которые приходит-

ся основной производственный потенциал, значительно опережают в развитии другие субъекты (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Объем отгруженных товаров собственного производства,
выполненных работ и услуг собственными силами
по виду экономической деятельности
«Обрабатывающие производства» в соответствии с ОКВЭД2,
млрд руб.**

Субъект РФ	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Северо-Западный федеральный округ	4264,4	4879,3	4734,4	5178,2	6034,7	6267,1
Республика Карелия	55,4	76,4	86,8	93,3	121,6	126,8
Республика Коми	161,9	175,3	164,3	170,5	194,3	199,1
Архангельская область	155,5	173,4	168,0	310,7	247,6	194,7
Ненецкий автономный округ	5,8	12,5	22,4	21,4	14,9	1,6
Вологодская область	409,0	498,2	515,0	572,2	692,7	704,6
Калининградская область	419,4	422,3	424,1	464,1	576,6	599,5
Ленинградская область	645,1	851,5	899,6	909,0	1095,7	1115,0
Мурманская область	114,3	147,9	139,9	160,1	185,4	321,2
Новгородская область	150,6	189,4	188,7	182,0	201,2	202,6
Псковская область	63,5	81,7	85,9	94,8	103,6	124,2
Санкт-Петербург	2089,7	2263,0	2062,0	2221,3	2615,9	2679,3

Источник: [14].

Таблица 2

**Доля субъектов Северо-Западного федерального округа по ВРП
и объему продукции обрабатывающей промышленности в 2019 г., %**

Регион	ВРП	Объем продукции обрабатывающей промышленности
Северо-Западный федеральный округ	100,0	100,0
Республика Карелия	3,0	2,0
Республика Коми	7,0	3,0
Архангельская область	9,0	3,0
Ненецкий автономный округ	...	...
Вологодская область	7,0	11,0
Калининградская область	5,0	10,0
Ленинградская область	3,0	18,0
Мурманская область	5,0	5,0
Новгородская область	3,0	3,0
Псковская область	2,0	2,0
Санкт-Петербург	46,0	43,0

Источник: [14].

Промышленность занимает лидирующее место в экономике СЗФО: ее доля в общероссийском объеме промышленного производства составляет более 12 %, и свыше 23 % от общей численности работающих региона занято в этой отрасли экономики.

На промышленность приходится около $\frac{1}{3}$ ВРП СЗФО. Наибольший вклад в формирование ВРП округа в 2019 г. внесли Санкт-Петербург (46 %), Вологодская и Архангельская (включая Ненецкий автономный округ) области и Республика Коми. Эти субъекты РФ обеспечивают почти 70 % ВРП округа. Самый низкий ВРП на протяжении последних лет сохранялся в Псковской области.

Металлургический комплекс производит около 17 % от объема промышленного производства СЗФО. Машиностроение и металлообработка дают более 18,7 %

от объема промышленного производства региона. Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность также выступает отраслью специализации СЗФО, и на нее приходится около 13 % выпуска промышленной продукции округа. Особое место в экономике Северо-Запада занимает химическая промышленность, развитие которой тесно связано с имеющейся сырьевой базой. Пищевая промышленность производит около 17,9 % объема промышленного производства региона. В производстве товаров народного потребления почти $\frac{2}{3}$ приходится на непродовольственные товары. Всего по регионам Северо-Западного округа сгруппировано 4251 предприятие всех отраслей промышленности. Крупные предприятия региона выполняют градообразующие функции (табл. 3).

Таблица 3

Крупнейшие промышленные города Северо-Западного федерального округа (без Санкт-Петербурга)

Город	Регион	Население, 2018 г. тыс. чел.	Промышленное производство, 2018 г., млрд руб.	Градообразующие компании
Череповец	Вологодская область	319	559,4	Северсталь
Усинск	Республика Коми	39	229,5	ЛУКОЙЛ Роснефть
Кировск	Мурманская область	26	104,0	ФосАгро Акрон
Северодвинск	Архангельская область	183	93,3	Объединенная судостроительная корпорация
Ухта	Республика Коми	98	89,3	ЛУКОЙЛ Газпром
Кириши	Ленинградская область	51	84,9	Сургутнефтегаз
Тихвин	Ленинградская область	58	78,5	Объединенная вагонная компания
Костомукша	Республика Карелия	29	69,3	Северсталь
Коряжма	Архангельская область	37	62,7	Группа Илим
Мончегорск	Мурманская область	42	44,0	Норникель

Источник: [14].

В СЗФО расположен крупный военно-промышленный комплекс, располагающий высокотехнологичными производствами (судостроение, ракетно-космическая промышленность), которые подверглись конверсии. Перспективы развития отрасли связаны с развитием наукоемких отраслей машиностроения, судостроения, с конверсией предприятий ОПК.

Типология субъектов Северо-Западного федерального округа по проблемам и трансформациям в обрабатывающей промышленности

В соответствии с целью данной статьи был проведен анализ структурных изменений в обрабатывающей промышленности каждого субъекта СЗФО. На основе данного анализа был выделен перечень проблем, которые так или иначе встречаются в регионах: низкая инвестиционная привлекательность (Псковская и Новгородская области, Карелия, Коми), низкое качество управления (Ленинградская и Псковская области, Карелия), банкротство предприятий (охватывает все субъекты СЗФО), износ основных фондов (Вологодская и Мурманская области, Коми), неоднородность промышленного развития (Псковская, Новгородская, Калининградская и Мурманская области).

В настоящее время данные по индексам производства в соответствии с классификатором видов экономической деятельности ОКВЭД2 доступны начиная с 2014 г. Для того чтобы проследить динамику изменений в обрабатывающих производствах, был проанализирован период с 2017 по 2019 г. для каждого региона СЗФО. На основе этих данных были выделены следующие регионы (табл. 4).

Таблица 4

Группировка субъектов СЗФО по динамике индекса производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства»

Стабильные регионы	Регионы с положительной динамикой	Регионы с отрицательной динамикой
Санкт-Петербург Калининградская область Вологодская область Республика Карелия Новгородская область	Ленинградская область	Псковская область Мурманская область Архангельская область Республика Коми

В группировке субъектов СЗФО по доле обрабатывающих производств в структуре валового регионального продукта явно демонстрируют лидерство Вологодская, Новгородская и Ленинградская области (табл. 5).

Группировка субъектов СЗФО по отраслевой структуре валового регионального продукта (виды экономической деятельности),%

Доля вида экономической деятельности в ВРП, 2018 г., %	Обрабатывающие производства
Регионы-«аутсайдеры» 10—20	Республика Коми, Архангельская, Мурманская, Псковская области, Санкт-Петербург
«Стабильные» регионы 20—30	Республика Карелия, Калининградская области
Регионы-«лидеры» 30—50	Вологодская, Ленинградская, Новгородская области

Для выявления типов регионов по проблемам и трансформациям в обрабатывающей промышленности в соответствии с имеющимися в статье данными были использованы следующие типологические критерии: А — объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в соответствии с ОКВЭД2, млн руб. в 2019 г.; Б — среднегодовое изменение объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в соответствии с ОКВЭД2 в 2014—2019 гг., %; В — доля субъекта в ВРП СЗФО в 2019 г., %; Г — доля субъекта в обрабатывающей промышленности СЗФО в 2019 г., %; Д — среднегодовое изменение доли субъекта в объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в соответствии с ОКВЭД2 в СЗФО в 2014—2019 гг.,%. Методом К-средних была определена типология регионов с выявлением трех типов.

Первый тип включает в себя Республику Карелия и Республику Коми, Архангельскую, Мурманскую, Новгородскую и Псковскую области и характеризуется относительно небольшими показателями объема произведенных товаров и услуг в сфере обрабатывающей промышленности, а также наибольшим процентом прироста объема этих товаров и услуг за период с 2014 по 2019 г. По доле субъектов первого типа в ВРП СЗФО показатель схож с регионами второго типа. Субъекты первого типа представляют собой 18 % обрабатывающей промышленности СЗФО в 2019 г. и лидируют. В среднем доля субъектов в обрабатывающей промышленности росла на 5 % в год.

Второй тип образуют Вологодская, Калининградская и Ленинградская области. Объем производства товаров и услуг и доля субъектов в обрабатываю-

шей промышленности у второго типа значительно выше, чем у первого. Доля субъектов в обрабатывающей промышленности СЗФО составляет 39 %. Среднегодовое изменение объема производства — 10,6 %.

Третий тип образует Санкт-Петербург с лидирующими показателями объема производства товаров и услуг в обрабатывающей промышленности, дающий 43 % производства СЗФО. Объем производства растет в среднем на 5,5 % в год с 2014 по 2019 г., однако изменение позиции по доле производства снижается в среднем на 2,7 % в год.

Выводы

В результате проведенного исследования нами был выявлен ряд закономерностей в развитии территориально-отраслевой структуры обрабатывающей промышленности субъектов Северо-Западного федерального округа. Следует отметить, что одновременно с трансформацией отраслевой структуры экономики округа начались изменения и в ее территориальной составляющей. Между тем, учитывая тот факт, что территориальная структура обрабатывающей промышленности обладает определенной инерционностью, а рассматриваемый в данной работе период исследования слишком мал для осуществления коренных трансформаций, мы ограничились только наиболее заметными проявлениями региональных изменений.

Конечно, говорить о том, что все наметившиеся локальные изменения территориальных элементов промышленного производства в ближайшие годы приведут к значительным трансформациям всей обрабатывающей промышленности региона, преждевременно, так как их направление и ход развития будут зависеть от конкретной геополитической и социально-экономической ситуации в России и в ее Северо-Западном федеральном округе.

Список литературы

1. Гафарова К. Э., Осадчий Е. И. Экономические проблемы развития федеральных округов России: структурный подход // *Инновационная наука*. 2017. № 01—1. С. 24—28.
2. Григорьев Л. М., Голяшев А. В., Лобанова А. А., Павлюшина В. А. Региональные различия динамики промышленного производства в России: текущие тенденции // *Пространственная экономика*. 2017. № 4. С. 148—169.
3. Кушнарченко Т. В. Развитие несырьевых отраслей экономики в условиях многоукладности региональных систем // *Финансовые исследования*. 2015. № 4 (49). С. 200—208.
4. Ларионов А. О. Оценка промышленного потенциала региона // *Проблемы развития территории*. 2015. № 2 (76). С. 45—61.
5. Николаев М. А., Махотаева М. Ю. Анализ стратегий развития промышленного комплекса региона // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Экономические науки*. 2016. № 4 (246). С. 29—41.

6. Лукин Е. В., Мельников А. Е. Модернизация промышленного сектора экономики старопромышленных регионов СЗФО // Проблемы развития территории. 2017. № 5 (91). С. 32—43.

7. Кашин В. К., Макар С. В., Минко И. С., Шамина Л. К. Конъюнктурообразующие факторы развития Северо-Западного федерального округа // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 6. С. 87—94.

8. Кожевников С. А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 91—109.

9. Колесников Н. Г., Толстогузов О. В. Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 2. С. 30—47.

11. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Лачининский С. С. Пространственные возможности и ограничения модернизации российской экономики: пример Северо-Западного макрорегиона // Экономика региона. 2015. № 3. С. 25—38.

12. Пак Х. С., Ушакова Е. В., Большаков Р. В. Состояние экономического потенциала регионов Северо-Западного федерального округа // Транспортное дело России. 2016. № 3. С. 9—12.

13. Справочник промышленных предприятий по городам РФ // Промышленный портал. URL: <https://fabricators.ru/> (дата обращения: 25.01.2021).

14. Промышленная статистика по субъектам Российской Федерации // Росстат. URL: <http://www.spark-interfax.ru/ru/statistics> (дата обращения: 15.04.2021).

Об авторе

Владимир Иванович Часовский, доктор географических наук, профессор кафедры туристического бизнеса, географии и пространственного планирования, Институт экономики, управления и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: chassovsky@rambler.ru

The author

Prof. Vladimir I. Chasovskiy, the Department of Tourism Business, Geography and Spatial Planning, Institute of Economics, Management and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: chassovsky@rambler.ru

С. С. Лачининский^{1, 2}

¹ Институт проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург)

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград)

ОЦЕНКА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ И ПЕРСПЕКТИВ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАПАДА В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Анализируются геополитические риски и перспективы отношений России и Запада в Балтийском регионе. Существующие и будущие отношения следует рассматривать в рамках нескольких важнейших треков: «Россия — НАТО», «Россия — ЕС», «ЕС — ЕвразЭС», а также двусторонних отношений с ключевыми глобальными и региональными акторами. Наиболее сложными и турбулентными являются отношения по треку «Россия — Североатлантический альянс (НАТО)». В качестве аналитической базы исследования использована стратегия национальной безопасности РФ, эволюция которой в 2000—2020 гг. рассмотрена на основе важнейших документов.

The article analyzes the geopolitical risks and prospects of relations between Russia and the West in the Baltic region. Existing and future relations should be viewed within the framework of several major tracks: «Russia — NATO», «Russia — EU», «EU — Eurasian Economic Community», as well as bilateral relations with key global and regional actors. The most complex and turbulent are relations along the Russia-North Atlantic Alliance (NATO) track. As an analytical basis for the study, the evolution of the national security strategy of the Russian Federation in 2000—2020 was considered, based on the most important documents.

Ключевые слова: геополитические риски, Балтийский регион, национальная безопасность, отношения, НАТО.

Keywords: geopolitical risks, Baltic region, national security, relations, NATO.

Существующие и будущие отношения России и Запада в Европе следует рассматривать в рамках нескольких важнейших треков: «Россия — Североатлантический альянс (НАТО)», «Россия — Европейский союз», «Европейский союз — Евразийский экономический союз», а также двусторонних отношений

с ключевыми глобальными и региональными акторами — США, Великобританией, Германией, Польшей.

Отношения по треку «Россия — Североатлантический альянс (НАТО)» прошли несколько этапов в XX—XXI вв. — межблоковое противостояние в период «холодной войны» (1949—1991), период сотрудничества и политического романтизма (1994—2012) и период охлаждения и конфронтации (2014—2021).

На современном этапе проблематика рассматривалась рядом авторов (в том числе в рамках социальных и географических наук [1—6]), среди которых особая роль принадлежит Ю. М. Звереву, Н. М. Межевичу, Г. М. Федорову, Ю. В. Косову, К. К. Худолею и др. В [1] отмечается, что «Балтийское море имеет важнейшее геополитическое значение как для России, так и для целого ряда европейских государств, являющихся членами НАТО или сохраняющих свой нейтральный статус. С одной стороны, именно в этом регионе напрямую соприкасаются силы Североатлантического альянса и стран — членов ОДКБ. С другой — неоспоримо значение Балтики для глобальной экономики, развития торговли, для прямого выхода в Мировой океан». Действительно, на протяжении всей 300-летней истории России именно здесь, а также в Черноморском бассейне проходили наиболее важные дуги напряженности между нашей страной и коллективным Западом. Сегодня добавляется геоэкономический и геостратегический аспекты, связанные с реализацией важных энергетических проектов.

Особо следует подчеркнуть, что регион Балтийского моря играет важную или даже определяющую роль в геостратегическом противостоянии России (и союзной Беларуси) и Запада, что заставляет по-новому оценивать стратегию США и НАТО в регионе.

С момента подписания Североатлантического договора и до конца 1980-х гг. отношения с НАТО развивались в контексте межблокового противостояния «Восток — Запад». С окончанием «холодной войны» начинается процесс перехода от конфронтации к постепенному налаживанию сотрудничества с альянсом. Вместе с тем следует указать, что данные отношения развивались под влиянием политического романтизма по отношению к НАТО и США в российском истеблишменте.

Россия присоединилась к программе НАТО «Партнерство ради мира» 22 июня 1994 г., а 27 мая 1997 г. в Париже был подписан «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности» [7], заложивший базу отношений между Россией и НАТО.

В соответствии с Основополагающим актом был создан Совместный постоянный совет «Россия — НАТО» (СПС) — первый механизм взаимодействия с альянсом в формате «19 + 1», а в 1998 г. в Брюсселе открыто Постоянное представительство России при НАТО, в составе которого учреждена должность главного военного представителя России при НАТО для координации взаимо-

действия с военными структурами альянса. В Москве открыты Информационное бюро НАТО (февраль 2001 г.) и Военная миссия связи НАТО (май 2002 г.).

Отношения альянса с Россией были в фокусе саммитов НАТО в Уэльсе (Великобритания, 4—5 сентября 2014 г.) и Варшаве (Польша, 8—9 июля 2016 г.). Их итоговые декларации содержат антироссийские выпады — «незаконная и нелегитимная аннексия Крыма», «намеренная дестабилизация Восточной Украины», «провокационная военная деятельность вблизи границ НАТО» и т. д. «Агрессивные действия России» называются источником региональной нестабильности и «фундаментальным вызовом» альянсу, наносящим урон евроатлантической безопасности.

В настоящий момент отношения между Россией и НАТО переживают самый серьезный кризис со времен окончания «холодной войны». Взятый в Уэльсе и Варшаве курс был вновь подтвержден в ходе саммита альянса в Брюсселе (Бельгия, 25 мая 2017 г.). Продолжается последовательное наращивание военного присутствия и форсированное развитие военной инфраструктуры блока в государствах Восточной и Юго-Восточной Европы и Прибалтики. Значительно возросли количество и интенсивность учений альянса и его стран-членов, для проведения которых в приграничные с Россией регионы перебрасываются дополнительные контингенты военнослужащих и тяжелая военная техника стран — членов НАТО. Созданы передовые командно-штабные подразделения. Реализуются программы Пентагона по передовому складированию военной техники в странах Центральной и Восточной Европы и Прибалтики. Усилены группировки кораблей, патрулирующих акватории Балтийского и Средиземного морей (с заходами в Черное море). Натовские ВВС продолжают патрулирование воздушного пространства Прибалтики и Причерноморья. Развернуты комплексы противоракетной обороны в Румынии и в Польше.

Анализ (табл. 1) стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Стратегия) в 2000—2020 гг. показывает, что в 2009—2021 гг. были подготовлены три ее варианта. В Стратегии от 2009 г. были отмечены риски в отношениях Запада и России, но красной нитью проходит линия на развитие партнерских отношений с НАТО на основе равноправия и в интересах укрепления всеобщей безопасности.

В 2015 г., после событий на Украине в феврале 2014 г. (так называемая революция достоинства, или государственный переворот) и событий «Крымской весны», отношения России и НАТО перешли в фазу острого кризиса, что нашло отражение в нашей Стратегии 2015 г. В частности, в ней отмечается, что в Евро-Атлантическом, Евразийском и Азиатско-Тихоокеанском регионах не соблюдаются принципы равной и неделимой безопасности, а в соседних с Россией регионах развиваются процессы милитаризации и гонки вооружений. Обращается особое внимание на то, что позиция Запада, направленная на противодействие интеграционным процессам и создание очагов напряженности в Евразийском регионе, оказывает негативное влияние на реализацию российских национальных интересов.

Эволюция стратегии национальной безопасности РФ в 2000—2020 гг.

Документ	Отношения и проблемы России и Запада, в том числе в Балтийском регионе
<p>Указ президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Несостоятельность существующей глобальной и региональной архитектуры, ориентированной, особенно в Евро-Атлантическом регионе, только на Организацию Североатлантического договора, а также несовершенство правовых инструментов и механизмов все больше создают угрозу обеспечению международной безопасности 2. В условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы — может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников 3. Россия готова к развитию отношений с Организацией Североатлантического договора на основе равноправия и в интересах укрепления всеобщей безопасности в Евро-Атлантическом регионе, глубина и содержание которых будут определяться готовностью альянса к учету законных интересов России при осуществлении военно-политического планирования, уважении норм международного права, а также к их дальнейшей трансформации и поиску новых задач и функций гуманистической направленности
<p>Указ президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. В Евро-Атлантическом, Евразийском и Азиатско-Тихоокеанском регионах не соблюдаются принципы равной и неделимой безопасности. В соседних с Россией регионах развиваются процессы милитаризации и гонки вооружений 2. Нарастание силового потенциала Организации Североатлантического договора и наделение ее глобальными функциями, активизация военной деятельности стран блока, дальнейшее расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам создают угрозу национальной безопасности 3. Возможности поддержания глобальной и региональной стабильности существенно снижаются при размещении в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке компонентов системы противоракетной обороны США в условиях практической реализации концепции «глобального удара», развертывания стратегических ядерных систем высокоточного оружия 4. Позиция Запада, направленная на противодействие интеграционным процессам и создание очагов напряженности в Евразийском регионе, оказывает негативное влияние на реализацию российских национальных интересов

Окончание табл. 1

Документ	Отношения и проблемы России и Запада, в том числе в Балтийском регионе
	5. Поддержка США и Европейским союзом антиконституционного государственного переворота на Украине привела к глубокому расколу в украинском обществе и возникновению вооруженного конфликта
Указ президента РФ от 02.07.2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»	1. Нарастивание военной инфраструктуры Организации Североатлантического договора вблизи российских границ 2. Планируемое размещение американских ракет средней и меньшей дальности в Европе и в АТР формирует угрозу стратегической стабильности и международной безопасности 3. Продолжается эскалация конфликтов на постсоветском пространстве

В Стратегии 2021 г. отношения и проблемы России и Запада оцениваются предельно реалистично и конкретно, хотя и весьма кратко. На наш взгляд, в ней не отмечены проблемы давления на ближайших союзников (Республика Беларусь), расширение провокационных действий третьих стран (Украина, страны Прибалтики) по отношению к России, безопасность энергетических проектов России в регионе и некоторые другие проблемы. В таблице 2 рассматриваются базовые риски и актуальные проблемы для России.

Таблица 2

Риски и проблемы для России в Стратегии национальной безопасности РФ в 2010—2020 гг.

Документ	Риски и проблемы для России
Указ президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»	1. Проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах 2. Процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности 3. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями

Документ	Риски и проблемы для России
	<p>4. В Евро-Атлантическом, Евразийском и Азиатско-Тихоокеанском регионах не соблюдаются принципы равной и неделимой безопасности. В соседних с Россией регионах развиваются процессы милитаризации и гонки вооружений</p> <p>5. Активизация миграционных потоков из стран Африки и Ближнего Востока в Европу показала несостоятельность региональной системы безопасности в Евро-Атлантическом регионе, построенной на основе НАТО и Европейского союза.</p>
<p>Указ президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»</p>	<p>1. Современный мир переживает период трансформации</p> <p>2. Увеличение количества центров мирового развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводит изменению структуры мирового порядка, формированию новой архитектуры, правил и принципов мироустройства</p> <p>3. Усиливающаяся нестабильность в мире</p> <p>4. Рост геополитической нестабильности и конфликтности, усиление межгосударственных противоречий сопровождаются повышением угрозы использования военной силы</p> <p>5. Действия некоторых стран направлены на инспирирование в СНГ дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с ее традиционными союзниками</p> <p>6. Ряд государств называет Россию угрозой и даже военным противником</p> <p>7. Увеличивается опасность перерастания вооруженных конфликтов в локальные и региональные войны, в том числе с участием ядерных держав</p> <p>8. Стремление изолировать Россию и использование в международной политике двойных стандартов препятствуют повышению эффективности многостороннего сотрудничества на таких важных направлениях, как обеспечение равной и неделимой безопасности для всех государств, в том числе Европы</p>

Отношения России и НАТО в Балтийском регионе характеризуются известным парадоксом: с одной стороны, регион стал одним из наиболее уязвимых и сложных пространств взаимодействия, с другой — причины системных ухудшений отношений России и НАТО лежат за его пределами.

На саммите НАТО в Варшаве в 2016 г. [8] было заявлено: «Россия действует в агрессивной и разрушительной манере, как это было продемонстрировано почти еженедельно, так как Москва стремится к достижению своих гегемонистских целей, таких как незаконное вторжение 2014 г. в Украину, аннексия Крыма, оккупация частей этой страны в Донбассе, что противоречит элементарным нормам международного права».

После Варшавского саммита НАТО ситуацию можно охарактеризовать в терминах «стабильного сдерживания» [9].

В конце 2016 г. Российский совет по международным делам (РСМД) предложил пять сценариев дальнейшего развития ситуации в регионе Балтийского моря [9]: стабильное сдерживание; неустойчивое сдерживание; региональный конфликт; снижение дилеммы безопасности; полная перестройка отношений. В статье [10] подробно рассматриваются данные сценарии и возникающие при этом геополитические риски.

Существуют пять сценариев отношений России и Запада в Балтийском регионе [9; 10]: «стабильное сдерживание»; «неустойчивое сдерживание»; «региональный конфликт»; «снижение дилеммы безопасности» и «полная перестройка отношений».

Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзаказу на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».

Список литературы

1. Грибанова Г. И., Косов Ю. В. Политика НАТО на Балтике — цели и приоритеты // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 1. С. 56—72.
2. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Вызовы региональной безопасности: балтийский вектор // Международная жизнь. 2021. № 1. С. 28—43.
3. Межевич Н. М., Зверев Ю. М. Экономические дилеммы безопасности в восточной части Балтийского моря // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 1. С. 73—88.
4. Балтийский регион — регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль западного побережья России : матер. междунар. науч. конф. / под ред. Г. М. Федорова, Л. А. Жиндарева, А. Г. Дружинина, Т. Пальмовского. Калининград, 2018.
5. Худoley К. К. Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 7—25.
6. Ковалёв А. А., Балашов А. И. Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, № 6 (363). С. 1151—1165.

7. Об отношениях Россия — НАТО // МИД РФ. 28.12.20. URL: www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/3011555 (дата обращения: 07.07.2021).

8. *Lindley-French J.* NATO: The Enduring Alliance 2016. Foundation for Polish-German Cooperation. Warsaw, 2016. URL: www.krzysztofmiszczak.pl/files/262649006/lib/FWPN_publication_on_NATO.pdf (дата обращения: 06.07.2021).

9. *Россия* и НАТО в регионе Балтийского моря. Аналитика. URL: www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-nato-v-regione-baltiyskogo-morya/ (дата обращения: 06.08.2021).

10. *Лачининский С. С.* Геополитическая ситуация в балтийском и арктическом бассейнах и ее влияние на экономическую безопасность регионов Западного порубежья России // Псковский регионологический журнал. 2018. № 4 (36). С. 20—32.

Об авторе

Станислав Сергеевич Лачининский, кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: lachininsky@gmail.com

The author

Dr Stanislav S. Lachininskii, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Regional Economics Problems of the RAS, Russia;, Leading Researcher, Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: lachininsky@gmail.com

А. В. Левченков¹, С. Киндер²

¹Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Калининград, Россия)

²Университет им. Эберхарда-Карла (Тюбинген, Германия)

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМИ АГЛОМЕРАЦИЯМИ С УЧЕТОМ ОПЫТА СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Практика управления крупными городскими агломерациями в статусе метрополитенских ареалов в современных российских условиях практически отсутствует. Документы территориального планирования применительно к агломерациям, как правило, не отражают реалии и отношения де-факто существующих внутри данных образований. Однако за рубежом имеется опыт такого управления. В частности, в ряде стран Балтийского региона происходит активная реорганизация системы управления, изменяются парадигмы и принципы разработки документов территориального планирования, совершенствуется законодательная база. Исследование направлено на актуализацию внимания к вопросам институционального инструментария управления агломерациями на примере кейсов и анализа практик в Германии, Дании и Швеции. Рассмотрены проблемы несовершенства российского законодательства в отношении агломерационных образований. Анализ зарубежного опыта позволил предложить пути совершенствования моделей управления российскими агломерациями.

In modern conditions in Russia, there is practically no experience and practice of managing large urban agglomerations in the status of Metropolitan areas. Territorial planning documents concerning large agglomerations, as a rule, does not take into account the existing realities and relations within these entities, which de facto exist for a long time. The experience in managing such forms of settlement has been accumulated abroad. In particular, several Baltic region countries are actively reorganizing their management systems, changing the developing paradigms and principles of territorial planning documents for large urban agglomerations, and improving the legislative framework. The purpose of the article is to draw attention to the development of institutional tools for agglomeration management in Russia. A detailed analysis of management Metropolitan areas in Germany, Denmark and Sweden as planning territorial structures was conducted. The research has revealed the imperfections of

the Russian legislation concerning the management of agglomerations and their territorial planning. The problems of Russian agglomerations in the absence of clearly defined legal norms of their spatial development are considered. The ways to improve management models for the Russian agglomerations were shown through the identified foreign experience.

Ключевые слова: метрополитенские ареалы, агломерации, территориальное планирование, стратегии управления, Балтийский регион.

Keywords: metropolitan areas, agglomerations, territorial planning, management strategies, the Baltic region.

Актуальность исследования

Исследовательский интерес к вопросам развития городских агломераций, активное развитие которых началось во второй половине XX в., связан с качественными проявлениями урбанизации, а именно с влиянием крупных городов на близлежащую территорию. Выделяется ряд факторов в развитии и необходимости управления агломерациями: расширение границ за счет роста «ядра» агломерации; необходимость законодательной базы функционирования; достаточное количество социально-общественных объектов; концентрация в «ядре» больших масс населения, маятниковая миграция [1; 2]. Именно в этом ключе начиная с 1970—1980 гг. за рубежом стали проводиться реформы в отношении метрополитенских ареалов, призванные учитывать экономические, административные и правовые факторы. Важной составляющей реформ стал вопрос эффективности управления крупными городскими агломерациями. В российских же условиях механизмы управления метрополиями представлены недостаточно, носят фрагментарный характер. По оценкам экспертов [3], помимо московской и петербургской агломераций, только в тридцати двух субъектах России на региональном и муниципальном уровнях присутствуют те или иные документы, регламентирующие развитие.

Цель исследования — анализ актуального состояния институциональных механизмов управления российскими агломерациями и сравнение с лучшими практиками стран Балтийского региона. С учетом данного опыта предложены конкретные меры по расширению управленческих практик в развитии городских агломераций России.

Результаты

Первые попытки выработки федеральной политики в отношении агломераций появились в 2012—2013 гг., когда Министерством регионального развития России была создана Межведомственная рабочая группа по социально-экономическому развитию городских агломераций и разработан план мероприятий («до-

рожная карта») «Развитие агломераций в Российской Федерации», включавший в себя как нормативные преобразования и методическое обеспечение, так и практические действия. В первую очередь планировалось введение понятий «агломерация» и «городская агломерация» в правовое поле, что предполагало разработку официальной методики делимитации границ агломераций (причем специально оговаривались иерархичность и разнообразие форм агломераций). План предполагал «обкатку» известных из зарубежного опыта моделей управления развитием городских агломераций (с акцентом на градостроительную деятельность) [4]. В национальном проекте «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (с 2017 г. изначально в 36 регионах, а с 2019 г. — в 83 субъектах, в 104 агломерациях) были зафиксированы границы агломераций.

В Планах реализации Стратегии пространственного развития России¹ предусмотрена разработка проектов федеральных законов о городских агломерациях и о внесении изменений в законодательные акты РФ, затрагивающие вопросы межмуниципального сотрудничества; подготовка концепции развития творческих (креативных) индустрий на уровне российских агломераций и механизмов осуществления их государственной поддержки. Предлагается, чтобы для 20 крупных и крупнейших городских агломераций в 2021 г. были разработаны долгосрочные планы социально-экономического развития. Такого рода действия потребуют от региональных и муниципальных управленцев нестандартных и новых для себя решений, анализа накопленного исследовательского опыта изучения и управления городскими агломерациями.

Российские регионы по состоянию законодательной базы и практики можно разделить на несколько групп. К первым относятся регионы, имеющие законы об агломерациях (Томская, Ростовская, Челябинская, Белгородская области). В них в той или иной степени проработки представлена понимаемая на уровне регионов специфика развития агломераций, даются определения этого понятия, приводится управленческая и правовая конкретика.

Во второй группе вопросы развития агломераций представлены в региональных документах стратегического и территориального планирования. Так, в Нижегородской области развитию агломерации уделено много внимания в Стратегии социально-экономического развития региона на период до 2035 г., где, в частности, констатируется, «что агломерация находится в стадии формирования, ее границы не соответствуют общепринятым критериям определения агломерации»². В то же время в Калининградской области в Стратегии социально-экономического развития, принятой в 2012 г., лишь констатируется тот

¹ Утвержден план реализации Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. URL: <http://government.ru/docs/38742/> (дата обращения: 01.03.2021).

² Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года : постановление Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 г. № 889. URL: <https://base.garant.ru/45747006/> (дата обращения: 05.02.2021).

факт, что «Калининград и его агломерация формируют «ядро» планировочной структуры Калининградской области»³, без указания и детализации действий по управлению развитием агломерации. В Схему территориального планирования Калининградская агломерация с определенными границами (о которых до сих пор дискутируют ученые), делением на две зоны (ближнюю и внешнюю) попала лишь в 2015 г. после исследований, проведенных ОАО РосНИПИ «Урбанистики»⁴.

Ростовская и Челябинская области демонстрируют еще один подход — создание схем территориального планирования агломераций, где территория агломерации трактуется как единое территориальное образование⁵. При подготовке Схемы территориального планирования Челябинской агломерации был проведен комплексный анализ по ряду критериев, который позволил определить оптимальные границы агломерации и ее проектную численность. Выполненные расчеты легли в основу принятых муниципальных и региональных стратегий⁶.

К четвертой группе можно отнести регионы, где разрабатываются концепции развития агломераций — как наиболее научно обоснованный подход. Так, согласно разработанной в 2018—2020 гг. концепции Нижневартовской агломерации ставится задача формирования «модели пространственной организации и закрепления оптимального организационно-правового механизма управления агломерацией»⁷. Принятию концепции предшествовала достаточно глубокая разработка вопросов пространственного развития агломерации: указаны граница агломерации, количество населенных пунктов и муниципальных образований, направления развития экономики каждого из муниципалитетов, основные транспортные коридоры, зонирование территории агломерации по степени и интенсивности градостроительного освоения.

---

³ *Стратегия* социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу : постановление от 2 августа 2012 года № 583 (ред. 05.06.2019 № 412). URL: <https://minprom.gov39.ru/deyatelnost/strategicheskoe-planirovanie/strategicheskoe-razvitie/> (дата обращения: 12.03.2021).

⁴ *Схема* территориального планирования Калининградской области. Материалы по обоснованию. URL: <https://gov39.ru/vlast/agency/aggradostroenie/territorialnoe-planirovanie-schema.php> (дата обращения: 05.02.2021).

⁵ *Основные положения* о территориальном планировании, содержащиеся в «Схеме территориального планирования Юго-Западного района Ростовской области (Ростовской агломерации)». URL: donland.ru/activity/852/ (дата обращения: 05.03.2021).

⁶ *О Схеме* территориального планирования части территории Челябинской области применительно к главному планировочному узлу г. Челябинска : постановление Правительства Челябинской области от 20.04.2016 г. № 172-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/439053585> (дата обращения: 05.03.2021).

⁷ *Концепция* Нижневартовской агломерации. URL: <https://nizhnevartovsk.itpgrad.ru/agglomeration> (дата обращения: 05.03.2021).

Однако наиболее частой формой управления развитием агломераций в российских условиях являются межмуниципальные соглашения о сотрудничестве, которые утверждаются создаваемыми при региональных администрациях советами, имеющими координационный или совещательный характер. В Белгородской области это *Совет по развитию агломераций*, отвечающий за формирование «региональной политики, направленной на развитие агломераций на территории области»⁸. В Алтайском крае это некоммерческая *Ассоциация «Барнаульская агломерация»* [5].

Таким образом, при отсутствии законодательно определенного на федеральном уровне понятия «городская агломерация» и нормативно разработанных управленческих механизмов региональные органы власти видят свою основную функцию в первую очередь в процедурах согласования документов стратегического и территориального планирования на межмуниципальном уровне. Более «продвинутое» управленческое решение не находят без федерального уровня поддержки какого-либо серьезного развития. Вместе с тем быстрый рост агломерированных территорий и возникающие проблемы в их использовании диктуют поиск более определенных нормативных решений их институционализации.

В то же время ведущие европейские страны в рамках программ пространственного планирования накопили более чем 50-летний опыт институционализации агломераций как управляемых урбанизированных систем [6]. В целом в Европе сложились две модели управления агломерациями, и каждая страна, исходя из своих исторических, политических условий, выбирает подходящий для нее вариант. Первая модель предполагает высокий уровень проработанных договорных отношений между входящими в состав агломераций муниципалитетами, но исключает создание дополнительных институтов управления. Другая — так называемая двухуровневая — ведет к формированию особого уровня и органа управления, которому муниципалитеты передают часть своих полномочий [7].

Анализируя накопившийся за рубежом опыт, российские ученые видят достоинства и недостатки как первой, так и второй модели. Среди преимуществ первой модели, по мнению А. Н. Девятова [8], — гибкая система управления, равноправие муниципальных образований. Среди недостатков — низкая скорость реализации управленческих решений, проблемы межличностных отношений управленцев, сложности финансирования межмуниципальных проектов, смещение приоритетов в сторону городов-ядер. Вторая модель выигрывает единым подходом к развитию агломерации, скоростью реализации управленческих решений.

---

⁸ О Советах при губернаторе области по развитию агломераций на территории области : постановление Губернатора Белгородской области от 11.04.2011 № 36. URL: <http://docs.cntd.ru/document/444859946> (дата обращения: 12.03.2021).

В **Германии** теория и практика пространственной организации различает понятия «метрополитенский регион» (*Metropolregion*) и «агломерация». Термин «европейские метрополитенские регионы» (EMR) был введен в 1995 г.: это пространственные и функциональные центры, исходящие функции которых в международном масштабе выходят за пределы национальных границ [9]. Их функция — поддерживать эффективность и конкурентоспособность Германии и Европы и содействовать ускорению процесса европейской интеграции [10]. В отличие от агломерации, которая в классическом виде состоит из центра и периферийной зоны, метрополитенские ареалы больше по площади и по функционалу. Крупные города вне метрополитенских ареалов представляют собой отдельную группу, где зона их влияния выделяется в ареал регионального города (*Regiopoleregion*) при наличии определенных признаков, таких как развитая инфраструктура и хорошая доступность через связующий пункт между метрополиями, значительная экономическая роль, наличие «глобального игрока» и «скрытого чемпиона» (*Hidden Champions*), инновационный потенциал и наличие высшего учебного заведения.

Метрополитенские регионы [11] не являются самостоятельными управленческими единицами и не имеют каких-либо отдельных органов управления в надстройке, рассматриваются больше как политическая категория, как один из факторов при разработке документов планирования, призванных определить их место и роль на национальном и континентальном уровнях⁹. Надо отметить, что воплощение планов создания метрополий в Германии, учитывая сильно развитое федеративное устройство и самосознание отдельных земель, до настоящего момента было довольно различным при том, что некоторые метрополитенские регионы выходят за границы федеральных земель. Практически идеальным вариантом сотрудничества считается принятый в июле 2019 г. План пространственного развития столичного региона Берлин-Бранденбург (*Landesentwicklungsplan Hauptstadtregion Berlin-Brandenburg — LEP HR*)¹⁰, хотя он отчасти и нарушает принятую практику и традицию.

Контроль в германских условиях осуществляется благодаря развитому инструментарию и хорошо функционирующей системе планирования, а также постоянной государственной поддержке [12].

Примечательным примером планирования развития агломераций в **Дании** является регион Большого Копенгагена. Начиная с первого плана 1947 г. (*Egensplankontoret 1947*), который носил рекомендательный характер и не имел

---

⁹ Разработка документов пространственного планирования в Германии — прерогатива федеральных земель, федеральное правительство может только предлагать или разрабатывать рамочные условия, как бы реагировать на внешние вызовы.

¹⁰ *Gemeinsame Landesplanung Berlin-Brandenburg*: URL: <https://gl.berlin-brandenburg.de/landesplanung/landesentwicklungsplan-berlin-brandenburg-398167.php> (дата обращения: 05.03.2021).

обязательной юридической силы, все последующие планы по развитию инфраструктуры в регионе своей главной задачей считали сдерживание роста агломерации и сохранение зеленых территорий, направив развитие столичной области Копенгагена вдоль пяти пригородных железных дорог¹¹, обеспечивающих доступ между пригородными жилыми районами и рабочими местами в центре города, в то время как территории между ними должны были оставаться незастроенными, образуя так называемые зеленые клинья (*green wedges*) [13].

Управление и планирование столичного региона прошло несколько стадий. Юридически агломерация Большого Копенгагена (*Storkøbenhavn*) не оформлена. В соответствии с разработанным Министерством окружающей среды руководством (*Fingerplan 2007*) сама область агломерации поделена на четыре географических части: основной городской район (*core urban region*), периферийный городской район («пальцы», *peripheral urban region*), зеленые клинья, остальная территория (*other Greater Copenhagen*). Для муниципального планирования во всех четырех частях применяются специальные правила, однако красной линией проходит принцип городского развития и регенерации, локация городских функций в пределах существующей городской зоны с учетом возможностей для развития общественного транспорта, зон вокруг транспортных хабов и станций [14; 15].

Пример *Дании* показывает, что рамки планирования агломерации здесь более строгие с четким распределением компетенций по уровням планирования, с упором на коммуны, которые несут главную ответственность за общее пространственное планирование. Планирование на национальном уровне отражает государственные интересы с правом наложить вето на местные планы.

Система пространственного планирования *Швеции* имеет два уровня управления: провинции и коммуны. Последним предоставлен значительный контроль над планированием землепользования. Закон о планировании и строительстве гласит: «Планирование земле- и водопользования является муниципальным делом»¹². Как и во многих случаях, Стокгольмская агломерация (*Stockholms tätort*) не выделена в отдельную управленческую единицу и административно включает в себя две коммуны полностью и части девяти коммун в лене Стокгольм. С 2005 г. статистическое управление Швеции (SCB) выделяет метрополитенский ареал «Большой Стокгольм» (*Storstockholm*) в составе лена Стокгольм, имеющий особый статус в системе пространственного планирования [16]. Действующий «План регионального развития Стокгольмского региона 2010» (*Regional Development Plan for the Stockholm Region (Regional utvecklingsplan för Stockholmsregionen — RUFSS 2010)*) рассчитан

¹¹ Планировочный рисунок образующейся таким образом агломерации напоминал ладонь с растопыренными пальцами, поэтому применялось название *Finger* («пальцы»).

¹² *Plan-och Bygglagen* (Swedish Planning and Building Act) Svensk Författningssamling SFS 2010:900 / Swedish Government. Stockholm, Sweden, 2010.

на период до 2030 г.¹³ и имеет сильное региональное ядро и исходящие от него связующие в виде звезды оси. Для решения проблемы моноцентричности предполагается структурное развитие за пределами регионального ядра в семи региональных основных областях, в том числе и в областях вдоль осей. Руководящим принципом здесь являются высокие транспортная и энергоэффективность, подчеркиваются классические ценности европейского города (плотность застройки, разнообразие, общественные пространства и зеленые зоны в городе) [17]. Кроме этого планируется создание модели полицентрического пространственного развития с определением региональных центров роста различного уровня и значения (*regional core, outhor core*). RUFSS 2010 понимается как самим регионом, так и муниципалитетами и другими заинтересованными сторонами как план контроля и стратегический инструмент развития региона¹⁴.

Выводы и рекомендации

Как мы видим из примеров стран Балтийского региона, агломерация рассматривается не как отдельное образование, а как отдельная планировочная единица с закрепленными на государственном уровне правилами межмуниципального сотрудничества и совместного планирования. В выделении агломерации в отдельное территориальное образование нет необходимости. Напротив, следует в первую очередь четко понимать объективность существования и постоянного развития агломерационных процессов. Задачи и проблемы планирования растущих агломераций за рубежом и в России в целом схожи. Приведенный в статье опыт может быть применим в условиях поиска институциональных инструментов для российских агломераций. Это реформирование системы и принципов планирования, поиск оптимальных вариантов, исходя из общей ситуации, четкое зонирование, ясные цели с упором на транспортную сеть, управление развитием через муниципальное сотрудничество под надзором государства, совместная разработка документов планирования. Необходимо решить, какой уровень и какие органы ответственны за планирование [18], имеют ли они для этого возможности и средства.

Таким образом, до принятия в России Закона об агломерациях, который нормативно определит их статус, следует усилить взаимодействие муниципалитетов в рамках агломерации в межкоммунальной работе, воспользоваться зарубежной практикой создания так называемого сельско-городского партнерства как наиболее подходящего инструмента. Возможность корректировки норма-

---

¹³ RUFSS 2010 // Region Stockholm. URL: <http://www.rufs.se/publikationer/20102/hela-rufs-2010/> (дата обращения: 05.03.2021).

¹⁴ *Stockholms Läns Landsting, Regionplane- och trafikkontoret : Regional utvecklingsplan för Stockholmsregionen = RUFSS 2010 (Samrådsförslag)*. Stockholm, 2008.

тивных актов в отношении местного самоуправления существует, и последние законодательные инициативы в данном направлении подтверждают это: например, ФЗ-136 от 27 мая 2014 г. о передаче полномочий.

Исследование выполнено под эгидой программы «ERA. Net RUS plus» при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-55-76003.

Список литературы

1. Попов Р. А., Пузанов А. С. Управление городскими агломерациями как ресурс экономического развития // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2016. № 3. С. 3—6.
2. Волчкова И. В. Теоретические и практические подходы к исследованию процессов формирования городских агломераций // Региональная экономика: теория и практика. 2013. Т. 11, № 29. С. 42—48.
3. Пузанов А. С., Попов Р. А. Отражение вопросов развития городских агломераций в документах стратегического планирования и программных документах регионального и межмуниципального уровня // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. Федеральный научно-практический журнал. 2019. № 1, ч. 1. С. 21—26.
4. Попов Р. А. Новые тенденции в управлении развитием городских агломераций в России. Аналитическая записка. М., 2015. URL: http://www.urbanomics.ru/sites/default/files/a_new_city_aglom_iue.pdf (дата обращения: 06.08.2021).
5. Химочка В. С. Барнаульская агломерация как форма межмуниципального взаимодействия территорий // Экономика. Профессия. Бизнес. 2018. № 1. С. 87—89.
6. *Spatial Planning Systems and Practices in Europe* / eds. M. Reimer, P. Getimis, H. Blotevogel. N. Y., 2014.
7. *Matthiessen C. W. Examples of plans and planning systems changes* // Danish Journal of Geography. 2009. Sp. iss. 1. P. 125—132.
8. *Девятков А. Н. Модели и особенности управления городской агломерацией* // Пространственная организация общества: теория, методология, практика : матер. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Т. В. Субботиной, Л. Б. Чупиной ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. С. 321—326.
9. *Blotevogel H. H. Die Metropolregionen in der Raumordnungspolitik Deutschlands — ein neues strategisches Raumbild?* // Geographica Helvetica. 2001. Jg. 56, H. 3. S. 157—168.
10. *Holzki T. Die Europäisierung des Verwaltungsorganisationsrechts: Eine rechtsvergleichende Untersuchung nationaler Regelungen in Deutschland, Frankreich und Großbritannien.* Berlin, 2019. Bd. 22.
11. *Hennig B. The growth and decline of urban agglomerations in Germany* // EPA: Economy and Space. 2018. № 51(6). P. 1209—1212. doi. org/10.1177/0308518x18798835.
12. *Dirk V. (Hrsg.). Strategische Regionalplanung* / Akademie für Raumforschung und Landesplanung. Hannover, 2012. Bd. 237.

13. *Caspersen H. O., Konijnendijk C. C., Olafsson S. A.* Green space planning and land use: An assessment of urban regional and green structure planning in Greater Copenhagen // Danish Journal of Geography. 2006. № 106 (2). P. 7—20.

14. *Ferter Ch.* Urbanisation, urban growth and planning in the Copenhagen Metropolitan Region with reference studies from Europe and the USA // Forest & Landscape, University of Copenhagen. Forest and landscape research. 2012. № 54. URL: https://forskning.ku.dk/find-en-forsker/?pure=files%2F42003001%2FForest_Landscape_Research_54_Urbanisation.pdf (дата обращения: 09.08.2021).

15. *Matthiessen C. W.* Trends in the urbanization process. The Copenhagen case // Danish Journal of Geography. 1980. № 80. P. 98—101.

16. *de Oliveira F. L.* Green Wedge Urbanism. History, Theory and Contemporary Practice. Bloomsbury Academic, 2017.

17. *Metropolitan Regions: Knowledge Infrastructures of the Global Economy* / eds. J. Klaesson, B. Johansson, Ch. Karlsson. Berlin, 2013. doi.org/10.1007/978-3-642-32141-2.

18. *Hirshl R.* City, State: Comparative Constitutionalism and the Megacity. Oxford, 2020.

Об авторах

Андрей Викторович Левченко, кандидат географических наук, доцент кафедры туристического бизнеса, географии и пространственного планирования, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; старший научный сотрудник, Институт геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: levchenkov5@gmail.com

Себастиан Киндер, доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой экономической географии, Университет им. Эберхарда-Карла, Германия.

E-mail: sebastian.kinder@uni-tuebingen.de

The authors

Dr Andrey V. Levchenkov, associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Senior Researcher, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia

E-mail: levchenkov5@gmail.com

Prof. Sebastian Kinder, head of Department of Economic Geography, Eberhard Karls University, Germany

E-mail: sebastian.kinder@uni-tuebingen.de

А. В. Лялина¹, Ф. Х. Соколова²

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

²Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА И ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Представлены результаты исследования основных тенденций и вызовов развития миграционных процессов в приморской зоне российских субъектов, входящих в состав Балтийского региона или Европейского Севера. Выявлены принципиально разные, противоположные по характеру тренды, обусловленные различными природно-климатическими условиями и степенью ресурсной зависимости экономики. В то же время общие для регионов особенности экономико-географического положения, а именно выход к морю, проявляются в некоторых общих чертах миграционной обстановки.

The article presents the results of a study of the main trends and challenges in the development of migration processes in the coastal zone of Russian entities that are part of the Baltic region or the European North. Fundamentally different and opposite trends have been identified, due to different natural and climatic conditions and the degree of resource dependence of the economy. At the same time, the features of the economic and geographical position common to the regions, namely, access to the sea, are manifested in some general features of the migration situation.

Ключевые слова: миграционная обстановка, миграционная привлекательность, приморская зона, муниципальные образования, Балтийский регион, Европейский Север.

Keywords: migration situation, migration attractiveness, coastal zone, municipalities, Baltic Region, European North of Russia.

Введение

Миграционные процессы в приморской зоне представляют особый интерес для исследователей, поскольку в ней возникает множество новых не до конца изученных детерминант, порождаемых особенностями приморского положения и использования фактора «моря» в экономике.

Для приморской зоны фактор «моря» может играть роль как притягивающего, так и отталкивающего фактора. С одной стороны, экологические изменения в прибрежных территориях могут стимулировать климатическую эмиграцию [1], с другой — занятость в «морских» отраслях экономики — один из ключевых мотивов миграции в приморскую зону [2]. Исследователи отмечают высокую миграционную привлекательность регионов с хорошо развитой отраслью морской рекреации и туризма [3], военно-морским хозяйством [4], рыболовством [5], судоходством, мелким рыболовством наравне с прибрежным менеджментом и общей талассоаттрактивностью [6].

Российские регионы Европейского Севера и Балтийского региона являются геостратегически значимыми. Приморское положение обязывает регионы активно включаться в морехозяйственную деятельность и конкурировать с сопредельными странами. В то же время, будучи приграничными, они играют важнейшую роль в укреплении международных отношений, главным образом с европейскими странами. Экономико-географическое положение Калининградской области уникально, его ключевая особенность — эксклавность. Санкт-Петербург совместно с Ленинградской областью имеют центральное (столичное) положение. Субъекты Европейского Севера России, часть которых находится за Полярным кругом, характеризуются во многом периферийностью и неблагоприятными природно-климатическими условиями.

Рассматривая социально-экономические типологии изучаемых приморских регионов, составленные отдельно профессорами Г. М. Федоровым [7] и А. Г. Дружининым [8], важно отметить их разнообразие. Если Санкт-Петербург и Ленинградская область относятся к регионам-ядрам и выполняют функции центра геоэкономического доминирования, а Калининградская область имеет все признаки международного «коридора развития», то остальные северные регионы — это территории экспортоориентированных сырьевых производств. Среди них Архангельская область (без Ненецкого автономного округа (АО)) представляет собой продвинутой, хорошо освоенный регион, Мурманская область имеет характеристики трансграничного коридора.

Сегодня успешное социально-экономическое развитие и реализация национальных интересов в геостратегически значимых регионах невозможны без формирования трудового потенциала. Ключевую роль здесь играет миграция. И если субъекты Балтийского региона в целом являются миграционно привлекательными [9], то Европейский Север — это зона миграционного оттока [10]. В то же время важно понимать, что на локальном уровне миграционная обстановка не столь единообразна. И как среди регионов с положительным сальдо миграции присутствуют зоны оттока, так и среди теряющих население регионов Севера наличествуют локальные центры притяжения. Цель исследования заключается в выявлении таких локальных центров, что позволит в дальнейшем провести оценку «морских» факторов притяжения и отталкивания мигрантов здесь и обосновать «приморские» особенности миграционной политики.

Миграционная обстановка в приморской зоне России до недавнего времени не представляла отдельный интерес для исследователей и рассматривалась в контексте изучения общих проблем и перспектив социально-экономического развития данной территории [11; 12]. Особенности миграции населения в приморских субъектах РФ, как правило, раскрываются в работах, посвященных миграции населения в целом в регионах России [13]. При этом крайне редкими остаются исследования миграционных потоков на локальном уровне.

Методы и материалы

В рамках исследования рассматривается «узкий» (А) состав Балтийского региона [14], включающий три северо-западных региона России — Санкт-Петербург, Ленинградскую и Калининградскую области. Европейский Север России традиционно включает Архангельскую, и Мурманскую области, Ненецкий автономный округ (АО), Республику Карелия, а также два субъекта, не имеющих выхода к морю, — Вологодскую область и Республику Коми.

На территории указанных регионов А. Г. Дружининым и А. В. Лялиной [15] выделены 44 приморских муниципалитета, 37 из которых собственно приморские, и один город в статусе отдельного субъекта Федерации.

Для анализа миграционной обстановки авторами используются данные Росстата¹. Выявление специфики морехозяйственной активности на локальном уровне проводилось на основании доступных на официальных сайтах муниципальных образований документов о стратегическом планировании.

Результаты

Положение приморских муниципальных образований рассматриваемых регионов с точки зрения миграционной обстановки в большинстве своем в значительной степени выигрывает у континентальных (табл. 1). Анализ среднегодовых значений интенсивности сальдо миграции за последние пять лет показал, что приморская зона Калининградской и Ленинградской областей — это стабильная территория миграционного притяжения в регионе, в то время как континентальные муниципалитеты активно теряют население. Для приморской зоны Европейского Севера России в целом характерна миграционная убыль населения, и только в Архангельской области она ощутимо менее интенсивная, чем среди континентальных муниципальных образований. В приморской зоне Мурманской области, где отмечается менее благоприятная миграционная обстановка, чем в континентальной части региона, показатели, вероятно, еще ниже. В большинстве закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), не попавших в аналитику, в отдельные годы фиксируется устойчивый ощутимый миграционный отток, обусловленный отъездом лиц, утратив-

¹ База данных показателей муниципальных образований России. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 03.11.2021).

ших связь с объектами ЗАТО (прежде всего военнослужащих). Миграционный прирост населения в ЗАТО «Город Североморск» сегодня не компенсирует суммарную убыль по приморской зоне.

Таблица 1

Показатели миграционного движения населения в приморских муниципалитетах российских субъектов Балтийского региона и Европейского Севера России (в среднем за 2015—2019 гг.)

Субъект	Среднегодовое значение суммарного сальдо миграции, чел. на 1000 населения		Среднегодовое значение суммарной валовой миграции, чел. на 1000 населения	
	ПМ	КМ	ПМ	КМ
<i>Балтийский регион</i>				
Калининградская область	14,8	– 5,0	83,9	71,5
Ленинградская область	23,6	– 1,0	106,6	81,4
Санкт-Петербург	6,7	—	84,5	—
<i>Европейский Север</i>				
Архангельская область	– 3,1	– 9,3	62,4	94,2
Ненецкий автономный округ	– 3,0	—	108,6	—
Мурманская область (без учета ЗАТО)	– 9,0	– 4,2	72,5	96,4
Республика Карелия	– 13,6	– 0,9	93,7	74,4

Примечание: ПМ — приморские муниципальные образования; КМ — континентальные муниципальные образования.

Кроме того, приморская зона российских субъектов Балтийского региона, как показывают данные, значительно активнее задействована в миграционных процессах. Значения валовой миграции здесь превышают аналогичные по континентальным муниципалитетам региона на 20—30 %. Вовлеченность приморской зоны субъектов Европейского Севера (кроме Карелии) в миграционные процессы, напротив, ниже, чем континентальных муниципальных образований — также в среднем на 20—30 %.

Анализ миграционной обстановки в приморской зоне субъектов Балтийского региона и Европейского Севера России свидетельствует о существовании основных зон миграционного притяжения мигрантов в Калининградской области и Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Их существование обусловлено

центростремительными силами, образуемыми крупными приморскими агломерациями — Санкт-Петербургской и Калининградской. Приморская зона этих регионов обладает высокой миграционной привлекательностью как на локальном, так и на межрегиональном и международном уровнях.

При этом локальные центры рецепции мигрантов (табл. 2) характеризуются различными ключевыми «мореобусловленными» факторами притяжения. Среди них рекреационные и туристические центры (Светлогорский и Зеленоградский, Янтарный городские округа (ГО)), военно-морские базы (Балтийский ГО), территории «приморской» промышленности, в том числе судостроения и судоремонта (Кировский муниципальный район (МР)), транспортные узлы. В то же время, безусловно, приморское положение не всегда является ключевым фактором миграционной привлекательности. Так, наиболее быстро растущие в результате миграции муниципалитеты в Ленинградской области — Всеволожский МР и Ломоносовский МР — не имеют явной «морской» направленности экономики. А областной центр Калининградской области и Санкт-Петербург совмещают разные экономические функции, в том числе осуществляют активную морехозяйственную деятельность.

Приморские территории регионов Европейского Севера России образуют обширную зону оттока населения. Наиболее массовый исход населения (без учета ЗАТО) отмечается в приморских муниципалитетах Архангельской области (Мезенский МР и Онежский МР) и Республики Карелия (Лоухский МР, Кемский МР и Беломорский МР). Только пять приморских муниципалитетов демонстрируют ощутимый миграционный прирост. Два из них выполняют функции осуществления национальной военно-морской безопасности (ГО «Новая Земля» Архангельской области и ЗАТО «Город Североморск» Мурманской области), еще один — крупный центр нефтедобычи, административный центр Ненецкого АО г. Нарьян-Мар. Миграционный прирост в горнобывающем Ловозерском МР Мурманской области (специализация — производство лопаритового концентрата) сложился благодаря особым правовым льготам для иностранцев — они могут получить разрешение на временное проживание без учета квоты, если имеют свидетельство о предоставлении временного убежища на территории РФ и получили статус участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. В 2017 и 2019 гг. такими льготами воспользовались преимущественно граждане Украины (около 80 % всех прибывших). Миграционный прирост в Терском МР Мурманской области в 2020 г., ранее демонстрировавшем убыль населения, связан со снижением внутрорегионального оттока вследствие ограничений на перемещение населения в первый год борьбы с пандемией COVID-19, а также с увеличением притока мигрантов, что обусловлено в том числе развитием рыбопромысловой отрасли и использованием туристического потенциала, складывающегося из возможностей спортивной рыбалки на лососевые.

Европейский Север России. Арктический бассейн (Европейская часть)																				
Санкт-Петербург	4,9	8,5	12,1	5,2	2,7	0,8	Санкт-Петербург	4,9	8,5	12,1	5,2	2,7	0,8	+	+	+	+	+	+	
ГО «Новая Земля»	62,1	-31,2	23,2	61,9	49,3	60,2	Архангельская область	-6,8	-5,6	-6,9	-6,2	-2,6	-2,1	-	-	-	-	-	-	
ГО «Город Нарьян-Мар»	14,0	-7,0	-2,7	-4,8	6,6	10,3	Ненецкий АО	2,3	-7,3	-5,3	-8,9	1,8	2,9	-	+	-	-	-	-	
ГО «ЗАГО Город Североморск»	11,0	3,0	18,7	26,5	12,9	15,9								+	-	-	-	+	-	
Ловозерский МР	-4,3	-0,5	10,7	-1,5	11,2	-5,4	Мурманская область	-5,7	-5,7	-4,6	-5,9	-6,5	-6,9	-	-	-	-	-	-	-
Терский МР	-19,8	-13,6	-3,0	-0,4	-1,4	16,5								-	-	-	+	-	-	-

Примечание: Всеволожский МР — муниципалитеты, не имеющие выхода к морю, но отнесенные к приморским по признаку тяготения к приморской агломерации; ЭПП — экономико-географическое положение; МА — морехозяйственная активность; 0 — входит в состав агломерации или конурбации; 1 — на территории муниципалитета расположен морской порт и логистика; 2 — добыча нефти и газа на шельфе; 3 — добыча морских биоресурсов; 4 — «приморские» рекреация и туризм; 5 — судостроение и судоремонт; 6 — на территории муниципалитета расположен корабельный состав Военно-морского флота РФ; 7 — «приморская» промышленность; 8 — комфортное расселение в приморских зонах.

Заключение

Приморская зона играет важную роль в формировании миграционной привлекательности российских субъектов Балтийского региона и Европейского Севера России. В Калининградской области и Санкт-Петербургском регионе ее значение преобладающее — она формирует подавляющую часть миграционного прироста регионов. Важной особенностью «морехозяйственной» обусловленности миграционных процессов здесь является ее диверсифицированность, а значит, наличие возможностей для «маневра». С другой стороны, высокая нагрузка на регионы должна отражаться в разработке и учете показателей миграционной емкости территории при стратегическом планировании, а сами потоки проходить «селекцию» с целью балансирования спроса и предложения на рынке труда.

В северных регионах, где сегодня сохраняется механическая убыль населения, локальные приморские центры выступают единственными аттракторами мигрантов. Это муниципалитеты, реализующие национальные интересы в Арктике (военно-морская безопасность, добыча ресурсов). Высокая роль государственного регулирования миграционных процессов здесь должна использоваться в целях наращивания трудового потенциала и диверсификации самих потоков в соответствии с развитием потенциала «приморского» положения. Для теряющих население северных приморских территорий важно внедрять программы по возвращению и закреплению населения с учетом возможностей использования фактора «моря».

Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзаданию на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».

Список литературы

1. *Yusuf A. M.* Climate-induced migration in coastal areas of Nigeria and its economic effects on coastal ecosystem livelihoods // *Lafia Journal of Economics and Management Sciences*. 2019. № 4 (1). P. 128—142.
2. *Zelinsky W.* The Hypothesis of the Mobility Transition // *Geographical Review*. 1971. № 61. P. 219—249.
3. *Montanari A., Staniscia B.* From global to local: Human mobility in the Rome coastal area in the context of the global economic crisis // *Volltextausgaben*. 2011. № 3—4. P. 127—200. <https://doi.org/10.4000/belgeo.6300>.
4. *Iden G., Richter C.* Factors Associated with Population Mobility in the Atlantic Coastal Plains Region // *Land Economics*. 1971. № 47 (2). P. 189—193.

5. *Fulanda B., Munga C., Ohtomi J. et al.* The structure and evolution of the coastal migrant fishery of Kenya // *Ocean & Coastal Management*. 2009. Vol. 52 (9). P. 459—466. <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2009.07.001>.

6. *Merkens J.-L., Reimann L., Hinkel J., Vafeidis A. T.* Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways // *Global and Planetary Change*. 2016. Vol. 145. P. 57—66. doi: 10.1016/j.gloplacha.2016.08.009.

7. *Федоров Г. М., Корнеев В. С.* Социально-экономическая типологизация приморских регионов России // *Балтийский регион*. 2015. № 4 (26). С. 121—134.

8. *Дружинин А. Г.* Западное порубежье России: делимитация, структурирование, типологизация // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*. 2019. № 1. С. 5—16.

9. *Druzhinin A., Mikhaylov A., Lialina A.* Coastal regions of Russia: Migration attractiveness and innovation performance // *Quaestiones Geographicae*. 2021. № 40 (2). P. 5—18. doi: 10.2478/quageo-2021-0019.

10. *Фаузер В. В., Смирнов А. В.* Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // *Арктика: экология и экономика*. 2020. № 4 (40). С. 4018. doi: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18.

11. *Дружинин А. Г.* Региональная локализация морехозяйственной активности в современной России: особенности, структуры, эффекты // *Региональные исследования*. 2019. № 4. С. 34—45.

12. *Дружинин А. Г.* Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов н/Д, 2020.

13. *Лялина А. В.* Некоторые особенности внешних миграционных процессов в приморских регионах Западного порубежья России // *Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*. 2019. № 4. С. 57—74.

14. *Клемешев А. П., Корнеев В. С., Пальмовский Т. и др.* Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // *Балтийский регион*. 2017. № 9 (4). С. 7—28.

15. *Дружинин А. Г., Лялина А. В.* Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2020. Т. 6 (16), вып. 2. С. 20—35.

Об авторах

Анна Валентиновна Лялина, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра моделирования социально-экономического развития региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

Email: anuta-mazova@mail.ru

Флера Харисовна Соколова, доктора исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: f.sokolova@narfu.ru

The authors

Dr. Anna V. Lialina, researcher, Center for Modeling socio-economic development of the region, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

Prof. Flera H. Sokolova, Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Russia

E-mail: f.sokolova@narfu.ru

УДК 911.9

В. Л. Мартынов¹

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

ПРИГОРОДЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ПРИРОДА И ЛЮДИ

Рассматриваются основные подходы к изучению пригородов в западной и российской социально-экономической географии, характеризуются основные проблемы исследования пригородов Санкт-Петербурга, анализируются процессы их трансформации на протяжении XX — начала XXI в.

The main approaches to the study of suburbs in Western and Russian socio-economic geography are considered, the main problems of the study of the suburbs of St. Petersburg are characterized, and the processes of transformation of the suburbs of St. Petersburg during the XX — early XXI centuries are analyzed.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, пригороды, природа, общество, субурбанизация, изохроны, транспортная доступность.

Keywords: Saint Petersburg, suburbs, nature, society, suburbanization, isochrones, transport accessibility.

Исследование проблем субурбанизации достигло наибольшего развития в североамериканской и западноевропейской географии. Западные географы изучают проблемы пространственного развития пригородов как в целом по миру, так и в его отдельных странах и регионах. В ходе этих исследований было обнаружено явление, названное исследователями постсубурбанизацией. Согласно одному из определений постсубурбанизации она заключается в сближении функции «центров» и «пригородов», в ходе которой значение центра снижается, а значение пригородов растет. Можно предположить, что теоретически этот процесс может привести к формированию сети населенных пунктов, имеющих примерно одинаковый вес и набор функций, но городам современной России до постсубурбанизации еще очень далеко. Для процес-

сов субурбанизации в России свойственно скорее сходство с аналогичными процессами в странах Латинской Америки, например Чили [1] или Аргентины [2], когда пригороды развиваются в тесной связи с «главным городом» и по мере смещения внешней границы «главного города» бывшая пригородная зона становится городской окраиной. Именно такой путь проходила пригородная зона Санкт-Петербурга на протяжении всей истории существования города. Для пригородов характерны специфические особенности геодемографического развития, отличающие их как от Санкт-Петербурга, так и от Ленинградской области [3]. Пригородные проблемы часто разбираются в статьях, посвященных развитию и современному состоянию Санкт-Петербургской агломерации (см., например, [4; 5]).

Если города — центры агломераций формируют «вторую природу» и человек в крупном городе живет в окружении сугубо урбанистических ландшафтов, то пригороды в природу вписываются. Именно этим (сочетанием городского образа жизни с природным окружением селитебных территорий) объясняются фантастически быстрые темпы одноэтажной субурбанизации в США и Западной Европе. Советский подход к развитию пригородной зоны был противоположен западному. Пригороды создавались как территории многоэтажной застройки, «спальные районы». Кроме этого в пригородах формировались обширные массивы частного сектора, а также территории официальных садоводств и неофициальных огородов. Сочетание всего этого образует характерный природно-социальный пригородный ландшафт российских и вообще постсоветских городов, совершенно не характерный для других стран мира.

Особенностью петербургских пригородов является то, что значительная их часть возникла одновременно с появлением самого Санкт-Петербурга [6]. На протяжении более чем трехсот лет пригороды и город «нарастали» навстречу друг другу. Селитебные, дворцово-парковые, сельскохозяйственные земли, военные объекты, территории при религиозных объектах и промышленных предприятиях чередовались в самых причудливых сочетаниях. Функции одних и тех же территорий со временем менялись. Природные ландшафты, на которых создавались пригородные поселения, трансформировались либо сознательно, либо стихийно. При этом часть преобразованных человеком ландшафтов в пригородах Санкт-Петербурга со временем в силу разных причин возвращалась либо в «дикое», либо в близкое к этому состояние. Большое и до сих пор недостаточно исследованное влияние на развитие пригородной зоны «северной столицы» оказали события Великой Отечественной войны. Во второй половине XX — начале XXI в. наряду со старыми пригородами стали появляться новые, представляющие собой города-спутники в их классическом виде.

В результате всего этого петербургские пригороды представляют собой сложный конгломерат территорий, сильно отличающихся друг от друга по состоянию природной среды, истории развития и современному положению.

Можно предположить, что пригородная зона Санкт-Петербурга — самая сложная в России и странах бывшего СССР по своей планировочной структуре. Но структура эта остается очень мало исследованной.

Существуют многочисленные картографические, статистические, литературные, архивные источники, позволяющие выявить и проанализировать особенности формирования пригородной зоны Санкт-Петербурга — Ленинграда на протяжении всей истории города, причем значительная часть этих источников либо вообще не вовлечена в научный оборот, либо представлена крайне слабо, во всяком случае в географических исследованиях.

На основе этих материалов можно определить две основные составляющие трансформации пригородной зоны Санкт-Петербурга: юридическую и фактическую. Юридическая проявляется в изменении административных границ между Ленинградом — Санкт-Петербургом и Ленинградской областью. Эти границы начали формироваться после выделения Ленинграда из состава Ленинградской области в 1931 г. На протяжении всех последующих советских десятилетий вплоть до 1991 г. они менялись в пользу Ленинграда — Санкт-Петербурга. Во-первых, росла территория самого города, во-вторых, происходило увеличение территорий Ленинградской области, подчиненных администрации Санкт-Петербурга.

С принятием конституции 1993 г. возникла необходимость в территориальном разграничении субъектов Федерации, и в середине 1990-х гг. территории Ленинградской области, подчиненные администрации Санкт-Петербурга, были официально включены в состав этого города. В результате этого присоединения границы Санкт-Петербурга приобрели очень сложный характер. На северном берегу Финского залива граница проходит примерно в 70 км от центра города, на южном берегу — примерно в 45 км. В северном направлении граница города и Ленинградской области находится примерно в 25 км от центра, в южном направлении — примерно в 30 км, в восточном направлении — примерно в 10 км [7]. Столь большая разница в расстоянии от крайних точек городской территории до центра города объясняется особенностями его развития. Город рос вдоль магистральных дорог, связывающих его с другими городами России и зарубежных стран. Эти дороги расходились вдоль северного и южного побережий Финского залива, а также на юг и юго-восток. К востоку от Санкт-Петербурга в направлении Ладожского озера до 1980-х гг. не было магистральных дорог.

Фактическая составляющая развития пригородной зоны заключается в трансформации системы расселения в ее пределах, определяемой не административными границами, а транспортной доступностью. Традиционно внешней границей пригородной зоны считается изохрона двухчасовой транспортной доступности от центра города. Кроме внешней границы, отделяющей пригородную зону от территории с преобладанием сельского населения, очевидно требуется выделять внутреннюю границу, отделяющую пригородную зону от самого города. Можно утверждать, что в условиях Санкт-Петербурга внутренняя граница

соответствует изохроне сорокаминутной транспортной доступности. Расстояние, которое можно преодолеть за сорок минут и два часа соответственно, определяется преобладающим видом общественного транспорта. При этом расположение центра города в Санкт-Петербурге на протяжении более чем столетия не менялось — это Казанская площадь (Невский проспект у Казанского собора).

В начале XX в. главным видом общественного транспорта в Санкт-Петербурге была конка. Средняя скорость движения конки составляла 8 км/ч. Соответственно, внутренняя граница пригородной зоны проходила примерно в 5 км, внешняя граница — примерно в 16 км от центра города.

В 1930 — 1950-х гг. (1940-е гг. — война и восстановление разрушенного) главным видом городского общественного транспорта становится трамвай. Средняя скорость движения трамвая составляла около 15 км/ч. Внутренняя граница пригородной зоны в это время проходила примерно в 10 км, заканчивалась примерно в 30 км от центра города. В это время бывшие «дачные пригороды» превращались в районы индивидуального строительства с либо частными домами, либо малоэтажными зданиями, которые строились заводами и фабриками Ленинграда для своих рабочих.

В 1970-х — первую половину 1980-х гг. главным видом городского общественного транспорта становится автобус. Средняя скорость движения автобуса — примерно 25 км/ч. Внутренняя граница пригородной зоны проходила на расстоянии около 16—17 км от центра города, занимая место внешней границы начала XX в. Внешняя граница проходила на расстоянии примерно в 50 км от центра города. Начиная с середины 1980-х гг. главным видом городского пассажирского транспорта становится метрополитен. Средняя скорость перемещения пассажира метро — около 30 км/ч. В первые десятилетия XX в. росло значение индивидуального автотранспорта, средняя скорость движения которого в режиме «город — пригород» является примерно такой же. Соответственно, внутренняя граница пригородной зоны отходит примерно на 20 км от центра, внешняя — на около 60 км. Все, что ближе 20 км от центра Санкт-Петербурга, фактически но не везде юридически представляет собой часть города, все, что дальше 60 км, живет уже собственной жизнью, которая связана с Санкт-Петербургом, но не определяется им.

Список литературы

1. *Heinrichs D., Lukas M., Nuissl H.* Privatization of the Fringes — A Latin American Version of Post-suburbia? The Case of Santiago de Chile // *International perspectives on suburbanization: a post-suburban world?* / ed. by N. A. Phelps, Fulong Wu. 2011.

2. *Roitman S., Phelps N. A.* From Country Club to Edge City? Gated Residential Communities and the Transformation of Pilar, Argentina // *International perspectives on suburbanization: a post-suburban world?* / ed. by N. A. Phelps, Fulong Wu. 2011.

3. *Degusarova V. S., Martynov V. L., Sazonova I. E.* Geodemography of the Saint Petersburg Suburbs // Baltic Region. 2018. № 10 (3). P. 19—40.

4. *Репкин А. И., Митягин С. А.* Удовлетворение потребности в жилье: современная субурбанизация Санкт-Петербурга // Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 1. С. 68—76.

5. *Лачининский С. С., Сорокин И. С.* Пространственная структура и особенности развития поселений Санкт-Петербургской агломерации // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 48—69.

6. *Манаков А. Г., Мартынов В. Л., Дементьев В. С.* Историческая география Северо-Запада: население и пути сообщения. Псков, 2017.

7. *Kryukova O. V., Martynov V. L., Sazonova I. Y., Polyakova S. D.* Main spatial problems of St. Petersburg // European Journal of Geography. 2016. № 7 (2). P. 85—95.

Об авторе

Василий Львович Мартынов, доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: lwowich@herzen.spb.ru

The author

Prof. Vasilii L. Martynov, Department of Economical Geography, Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: lwowich@herzen.spb.ru

УДК 911.3:338.48

О. А. Чученкова¹, А. Г. Манаков¹

¹ Псковский государственный университет (Псков, Россия)

ИЗМЕНЕНИЕ ВЕЛИЧИНЫ И СТРУКТУРЫ ТУРПОТОКА В ЭСТОНИИ И ЛАТВИИ В 2020 ГОДУ

Исследование посвящено изучению влияния на объем и структуру туристского потока в Эстонии и Латвии в 2020 г. ограничений, связанных с пандемией COVID-19. Особое внимание обращено на создание «Балтийского туристического пузыря», позволившее несколько уменьшить потери от многократного падения въездного туристского потока. Тем не менее общая величина турпотока в этих странах уменьшилась вдвое.

The study examines the impact of restrictions related to the COVID-19 pandemic on the structure of tourist traffic in Estonia and Latvia in 2020. Special attention is paid to the creation of the “Baltic Tourist Bubble”, which allowed to reduce the losses from the drop in the incoming tourist flow. However, the total tourist flow in these countries has halved.

Ключевые слова: COVID-19, въездной туризм, внутренний туризм, «Балтийский туристический пузырь», страны Балтии.

Keywords: COVID-19, inbound tourism, domestic tourism, “Baltic tourist bubble”, Baltic states.

Введение

Влиянию пандемии COVID-19 на туризм посвящено уже достаточно много исследований, охватывающих как мировой туризм ([1; 2] и др.), так и конкретные страны, например Польшу [3], ЮАР [4], Узбекистан [5] и др. Можно отметить исследование азербайджанских ученых, рассматривающих влияние пандемии на индустрию туризма Италии, Испании и Турции [6], или же аналогичный анализ, охватывающих всю Латинскую Америку [7]. Но подавляющее большинство такого рода исследований касается туризма как отрасли экономики. На этом фоне выделяется работа, где представлен анализ распространения

коронавируса в России как фактора географии туризма [8]. Особо необходимо выделить исследование, где рассматривается влияние ограничений, связанных с пандемией COVID-19, на изменение общего объема и структуры туристского потока в Финляндии и Эстонии. В данной работе анализ представлен по месяцам с января по август 2020 г. [9].

Ранее нами был проведен анализ динамики и структуры въездного туристского потока в Эстонию [10] и Латвию [11] в допандемийный период. В другой работе были затронуты также и вопросы влияния пандемии на величину въездного турпотока в эти страны в 2020 г. [12], хотя основной анализ опирался на туристскую статистику докризисного периода.

Цель исследования — выявление изменений в величине и структуре турпотока в Эстонии и Латвии в 2020 г., связанных с введением ограничений в пересечении границ после объявления пандемии COVID-19.

В качестве информационной базы выступает национальная статистика по туризму, представленная на официальных статистических сайтах Эстонии [13] и Латвии [14].

Результаты исследования

В 2020 г. по сравнению с предыдущим годом общий объем турпотока в Эстонии и Латвии уменьшился почти в два раза (рис. 1). При этом внутренний туристский поток сократился менее чем на пятую часть, а величина въездного турпотока — примерно на две трети. Нужно также учесть, что первые два месяца 2020 г. не наблюдалось уменьшения величины турпотока в этих странах и даже был небольшой рост по сравнению с 2019 г. [9]. Соответственно, глубина падения этого показателя могла бы быть еще больше, если бы ограничения, связанные с пандемией COVID-19, ввели с самого начала 2020 г.

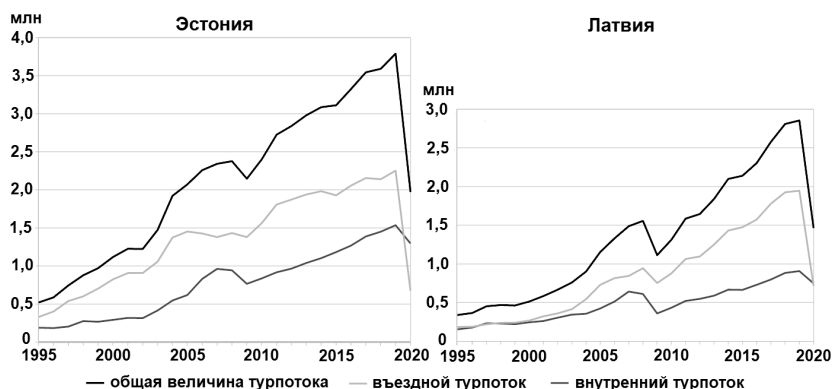

Рис. 1. Изменение величины и структура туристского потока в Эстонии и Латвии в период с 1995 по 2020 г.

Премьер-министры стран Балтии 29 апреля 2020 г. объявили о создании «Балтийского туристического пузыря» (*Baltic bubble*), то есть о свободном перемещении внутри трех государств без необходимости самоизоляции. При этом сохранялись все ограничения по посещению стран Балтии гражданами соседних с ними Российской Федерации, Республики Беларусь и Польши, а также из более удаленных государств [15]. Позже к «Балтийскому туристическому пузырю» подключились Финляндия и Польша.

Анализ туристской статистики Эстонии и Латвии за 2020 г. позволяет оценить, какой результат был получен благодаря созданию «Балтийского туристического пузыря». Для сравнения был выбран 2018 г., по которому имеется более полная туристская статистика, чем за 2019 г. (рис. 2).

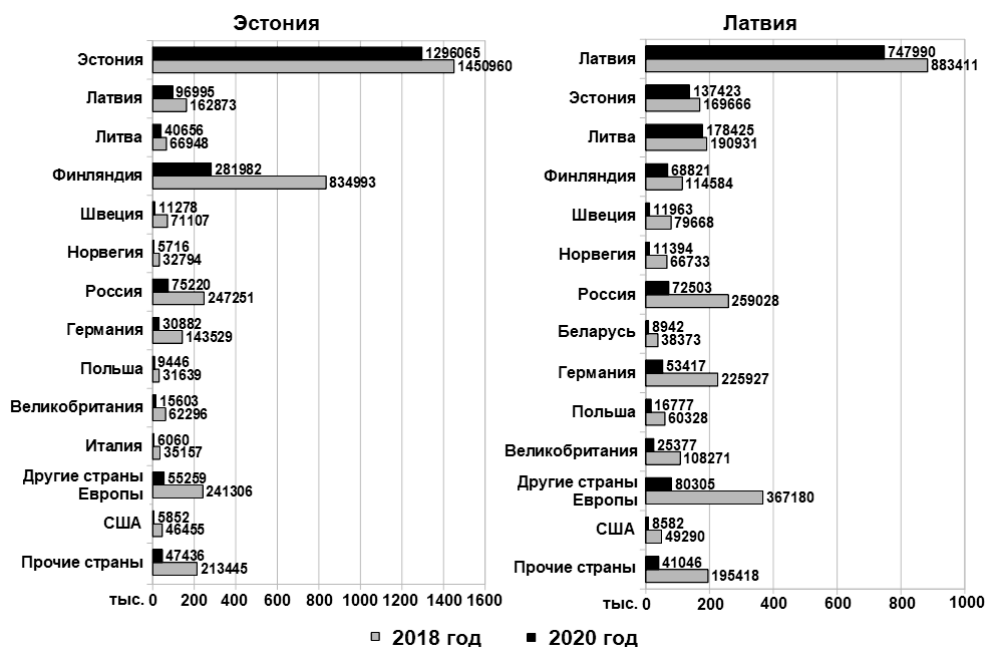

Рис. 2. Величина внутреннего туристского потока и основные страны въездного туризма в Эстонию и Латвию в 2018 и 2020 гг.

Общий объем турпотока в 2020 г. из двух других стран Балтии в Латвию уменьшился примерно в той же пропорции, что и внутренний туристский поток. В Эстонии данное падение было более значительным, но его компенсировало чуть меньшее на фоне других государств сокращение турпотока из Финляндии.

В общей величине турпотока доля внутреннего туризма в Эстонии выросла с 40 до 65,5 %, а в Латвии — с 31,5 до 51 %. Доля въездного туристского потока

из двух других стран Балтии увеличилась примерно вдвое в Эстонии (с 10,5 до 20 %) и еще больше — в Латвии (с 19 до 44 %). При этом во въездном турпотоке в Эстонию доля Финляндии, которая также подключилась к *Baltic bubble*, выросла с 38,1 до 41,3 %. В Латвии доля турпотока из Финляндии изменилась с 6 до 10 %. Соответственно, в структуре въездного турпотока в Эстонию и Латвию резко уменьшилась доля других стран (Швеции, Германии, Польши, Великобритании, США и др.), но на этом фоне почти не изменилась доля турпотока из России, составляющая чуть более 10 % и в Эстонии, и в Латвии.

Выводы

Хотя очевидным является уменьшение потерь в туристском потоке Эстонии и Латвии благодаря образованию в 2020 г. «Балтийского туристического пузыря», все же нужно обратить внимание на то, что более половины турпотока в этих странах до пандемии COVID-19 приходилось на въездной туризм из других государств. Изменение структуры въездного турпотока в пользу соседних стран Балтии и Финляндии происходило на фоне сокращения не только всего въездного туристского потока, но также и турпотока из этих стран. Внутренний турпоток также не вырос, и потому не мог даже частично компенсировать потери от трехкратного падения въездного турпотока.

Список литературы

1. *Оборин М. С.* Последствия влияния пандемии COVID-19 на мировой туризм // Сервис в России и за рубежом. 2021. Т. 15, № 1 (93). С. 47—58.
2. *Daniela M., Smaranda T.* The International Tourism and the COVID-19 Pandemic — Present and Perspectives // “Ovidius” University Annals, Economic Sciences Series. 2020. Vol. 20, № 1. P. 433—438.
3. *Korinth B., Ranasinghe R.* COVID-19 pandemic’s impact on tourism in Poland in March 2020 // GeoJournal of Tourism and Geosites. 2020. Vol. 31, № 3. P. 987—990.
4. *Rogerson C. M., Rogerson J. M.* COVID-19 tourism impacts in South Africa: government and industry responses // GeoJournal of Tourism and Geosites. 2020. Vol. 31, № 3. P. 1083—1091.
5. *Turdieva M. U.* Impact of COVID-19 virus on tourism in Uzbekistan // Вестник науки и образования. 2020. № 23—2 (101). С. 32—34.
6. *Акбулаев Н. Н., Мамедов И. М., Алиев В. З.* Влияние COVID-19 на индустрию туризма (Испания, Италия и Турция) // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223, № 3. С. 380—390.
7. *Kuchinov P. A.* COVID-19: El Nuevo Orden Mundial En El Turismo // Iberoamerica. 2021. № 1. С. 28—50.
8. *Зырянов А. И., Балабан М. О., Зырянов Г. А.* География коронавируса и вопросы туризма // География и туризм. 2020. № 2. С. 5—17.

9. Иванов И. А., Голомидова Е. С., Теренина Н. К. Влияние пандемии COVID-19 на изменение объема и пространственной структуры туристского потока в Финляндии и Эстонии в 2020 г. // Региональные исследования. 2020. № 4 (70). С. 121—128.

10. Манаков А. Г., Чученкова О. А., Иванов И. А. География туризма Эстонии в контексте трансграничного туристско-рекреационного регионообразования // Псковский регионологический журнал. 2019. № 4 (40). С. 80—95.

11. Манаков А. Г., Иванов И. А., Чученкова О. А. Географические особенности трансграничного туристско-рекреационного регионообразования в Латвии // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Естественные и физико-математические науки. 2019. № 15. С. 52—61.

12. Манаков А. Г., Иванов И. А., Чученкова О. А. Классификация трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов в юго-восточной части Балтийского макрорегиона // Региональные исследования. 2021. № 1. С. 118—129.

13. *Statistics Estonia*. Statistical database. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 25.05.2021).

14. *Official statistics of Latvia*. URL: <https://stat.gov.lv/en/search> (дата обращения: 25.05.2021).

15. *Эстония*, Латвия и Литва создадут балтийский «Туристический пузырь» после ослабления карантина: как это будет выглядеть. URL: <https://fb.ru/post/travel-tips/2020/5/9/208710> (дата обращения: 29.05.2021).

Об авторах

Оксана Алексеевна Чученкова, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: oksanachuchenkova@gmail.com

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

The authors

Oksana A. Chuchenkova, PhD student, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: oksanachuchenkova@gmail.com

Prof. Andrei G. Manakov, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

Г. М. Баринова¹, Е. В. Краснов¹, А. Ю. Романчук¹, О. И. Рябкова¹

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ И РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Общевалтийская сеть ООПТ рассматривается во взаимосвязке с решением актуальных проблем экологической безопасности региона. Предложено повышать статус уникальных геосистем до уровня биосферных резерватов, шире использовать современные методы управления для оптимизации природопользования, сохранения биоразнообразия аквальных и наземных экосистем. Требуют совершенствования нормативно-правовая база управления сетями ООПТ, мониторинговые оценки состояния, прогнозы изменений климата.

The all-Baltic network of protected areas is considered in conjunction with the solution of urgent problems of environmental safety of the region. To raise the status of unique geosystems to the level of biosphere reserves, to use modern management methods more widely to optimize nature use, preserve the biodiversity of aquatic and terrestrial ecosystems it is proposed. The regulatory and legal framework for managing protected areas networks, monitoring assessments of the state, and climate change forecasts require improvement.

Ключевые слова: система особо охраняемых природных территорий, биосферные резерваты, экологическая безопасность, приграничное сотрудничество.

Keywords: system of specially protected natural territories, biosphere reserves, environmental safety, cross-border cooperation.

В современных стратегиях оптимизации природопользования международное сотрудничество остается одним из приоритетных направлений социально-экономического развития многих стран и регионов. Необходимость взаимодействия Балтийских стран и регионов в сфере экологической безопасности вызвана не только сугубо экономическими, но и вновь возникающими геоэко-

логическими рисками. Под международной трансграничной системой ООПТ, согласно [1], понимается территория, состоящая из взаимодействующих приграничных зон, прилегающих к государственной границе двух или более соседних стран и обладающих сочетаниями особо ценных природных ресурсов, основанием которых служат единые геосистемы либо сочетания двух или более геосистем регионального уровня, взаимодействующих в зоне государственной границы. Важное условие эффективного развития трансграничной ООПТ — добрососедские отношения между странами, взаимовыгодное использование природного и культурного наследия.

Среди наиболее приоритетных направлений сотрудничества в области экологической безопасности выделим прежде всего природоохранную деятельность, которая сопровождается формированием сетей ООПТ приграничных стран (биосферные резерваты, национальные и природные парки, заказники и др.). В эти сети включаются различные природные и культурные объекты. В рамках концепции «непрерывного сохранения» биоразнообразия, разработанной Международным союзом охраны природы (МСОП), предусматривается сохранение биологического и ландшафтного разнообразия «без границ», а экологические процессы исследуются не только в границах национальных и региональных сетей, но и на сопредельных территориях.

С 80-х гг. XX в. Калининградской области развитие трансграничных связей в природоохранной сфере считается особо значимым, своего рода полигоном, на котором реализуются сценарии сотрудничества с сопредельными регионами Литвы и Польши. Формирование сети ООПТ здесь началось в 1963 г. с организации региональных заказников (Каменский, Майско-Краснополянский). В дальнейшем в создаваемую сеть вошли национальный парк «Куршская коса» (1987), 7 государственных природных заказников и 61 памятник природы. В начале XXI в. общая площадь ООПТ составляла 14 % от всей территории области, что формально свидетельствовало о высокоразвитой природоохранной сети. Однако 10,5 % в ней занимали зоологические заказники регионального уровня, деятельность которых предусматривала лишь регулирование численности объектов охоты, а не сохранение биологического и ландшафтного разнообразия. Стратегией развития существующей сети было предусмотрено совершенствование структуры и восстановление нарушенных природных систем, что отразилось в «Схеме охраны природы Калининградской области» [2]. Статус наиболее ценных объектов был повышен до уровня государственных природных заказников (Виштынецкий, Дюнный, Громовский, Вислинская коса и др.). Появились и другие уникальные территории (наземные и водные экосистемы и т. п.). В структуре системы ООПТ были выделены функциональные элементы экологического каркаса — «ядра» (ландшафты с ключевыми экосистемами), «коридоры» — связующие элементы, обеспечивающие свободную миграцию животных; буферные зоны — не включенные в систему — природные комплексы (леса, болота, речные долины, морские, ла-

гунные побережья и др.). Однако к настоящему времени сеть ООПТ в регионе значительно сократилась до 4,5 % от общей площади и включает национальный парк «Куршская коса», 12 государственных заказников, природный парк «Виштынецкий», 53 памятника природы и 48 объектов местного значения [3].

В связи с эксклавностью Калининградской области, общностью ее важнейших наземных и аквальных природных комплексов с соседними странами — Литвой и Польшей — объективны предпосылки к интеграции систем ООПТ, включению их в общеевропейскую сеть для сохранения и более эффективного использования природно-ресурсного потенциала.

Многолетнее успешное сотрудничество с научными учреждениями Польши, Германии, Литвы заложило научно-методические принципы и основы формирования трансграничных особо охраняемых природных территорий (ТООПТ), обеспечивающих сохранение ландшафтного и биоценотического разнообразия местной флоры и фауны. В управлении их деятельностью особо значимой признавалась необходимость комплексного мониторинга с оценкой геоэкологической обстановки, выявления роли антропогенных факторов [4; 5], модернизации нормативно-правовой базы, совершенствования инвестиционной и внешнеэкономической политики [6]. Авторами [7] была разработана информационно-логическая модель системы управления ТООПТ, включающая организационно-правовой, административный, эколого-ресурсный, социально-экономический, научно-информационный блоки.

К сожалению, детально разработанная «Схема охраны природы Калининградской области» и предложенные ранее проекты организации природоохранной деятельности не были в полной мере реализованы. Вместе с тем экологическая безопасность — безусловный приоритет устойчивого развития Калининградской области и сопредельных стран Балтийского региона.

Наиболее эффективной формой межгосударственного взаимодействия в целях охраны природы и устойчивого развития, судя по опыту участия в программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера» многих стран мира, следует считать создание сети биосферных резерватов. Основываясь на предложениях ученых-экспертов, участников российско-германских дней экологии, потенциальными номинантами в качестве международных биосферных резерватов может быть ряд уникальных природных ландшафтов в приграничье Калининградской области, Польши и Литвы — Куршская и Вислинская косы (с одноименными лагунами), Роминтская пуца, дельта Немана.

Роминтская пуца — объединяющий ландшафт трех стран (Польша — Литва — Россия) с малонарушенными хвойно-широколиственными лесами. Польская часть пуцы — ландшафтный парк с 1998 г., отнесена к FFH («местообитание флоры и фауны») в качестве компонента европейской сети *NATURA 2000*. Литовская часть пуцы входит в состав регионального парка «Виштыгис». В российской части организован природный парк «Виштынецкий» (2013). Доминанта экосистемы — рыбопромысловый водоем и резервуар чистой пресной воды — Виштынецкое озеро.

Цель создания особо охраняемых природных территорий — не только защита природы, но и освоение новых источников доходов для местного населения за счет устойчивого землепользования и совместимого с природосообразной хозяйственной деятельностью и регулируемого экологического туризма, который может содействовать развитию малого и среднего бизнеса. Однако решающий фактор — гармонизация социально-экономических интересов населения и охраны природы, в том числе и для будущих поколений.

Песчаные Куршская и Балтийская косы и сопряженные с ними лагуны — уникальные природные ландшафты Европы. Протяженные гряды подвижных дюн высотой до 70 метров, влажные леса, болота и обширные камышовые берега лагун формируют единственные в своем роде биотопы. Поскольку более 30 % Европейской дюнной системы были разрушены в результате столетий хозяйственной деятельности, развитие ООПТ становится еще более важной задачей. Куршская и Балтийская косы исключительно значимы для мониторинга сезонной миграции перелетных птиц. Ежегодно здесь пролетают до 100 миллионов птиц. На дюнных биотопах произрастают 28 видов редких и исчезающих сосудистых растений, в том числе включенных в Красные книги Калининградской области и РФ (лунник оживающий, лилия кудреватая, белокопытник белый). Здесь также обитают 33 вида редких млекопитающих и птиц.

Повышению эффективности сохранения уникальных природных объектов, урегулированию конфликтов в сфере природопользования в большой мере могут способствовать экономическая оценка природных ресурсов и экосистемный сервис. Экономическое обоснование мер по повышению эффективности природопользования на Куршской косе на основе методических подходов ООН выявило наибольшую рекреационную ценность приморских экосистем, недревесных ресурсов леса, сервиса, учитывающего их роль в поглощении углерода и др. [8]. Создание трансграничного биосферного резервата на Куршской косе может реально способствовать разрешению конфликтов между туризмом и охраной природы в этой особо ценной и вместе с тем особо уязвимой природной экосистеме.

Не умаляя значения национального парка «Куршская коса», заметим, что на примыкающие акватории моря и лагуны природоохранный статус не распространяется. Более того, на этих акваториях нет ни одного охраняемого участка, хотя международная Хельсинская комиссия по охране природы Балтийского моря (с участием России) рекомендует как минимум 10 % площади акваторий отнести к охраняемым. Очевидными и весьма острыми остаются проблемы регулярного мониторинга береговой зоны и берегозащиты. Возрастающие риски разрушения морских берегов определяют значимость комплексного трансграничного взаимодействия заинтересованных сторон. Таковы, к примеру, возможные негативные последствия для рыбохозяйственной и рекреационной деятельности строительства канала в Польше через основание Вислинской косы.

Конфликты интересов в использовании прибрежных акваторий, очевидные пробелы в нормативном обеспечении прибрежного морепользования, проекты

развития портовой деятельности и др. требуют комплексного (системного) подхода и совершенствования многих инструментов морского пространственного планирования.

Биосферные резерваты как модельные системы устойчивого развития могут выявить важные эколого-экономические импульсы в духе «зеленой экономики», в частности для устойчивого землепользования, экологически безопасного земледелия, расширения возобновляемых форм и видов энергетики, экотуризма, лечебного туризма и др., а также для экологизации образования и воспитания населения. Международные ООПТ могут и должны выступать «ядрами» сотрудничества. Международные нормы и российские правила должны быть адаптированы друг к другу, однако они не проработаны должным образом в действующем федеральном законе «Об особо охраняемых природных территориях» и в обсуждаемом документе «Об утверждении Стратегии развития системы особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации на период до 2030 г.».

В перечень наиболее принципиальных задач в области сотрудничества и обеспечения экологической безопасности Балтийского региона следует включить:

— поддержание экологической стабильности сети ООПТ путем сохранения биоразнообразия наземных и аквальных биотопов;

— комплексный мониторинг состояния атмосферного воздуха, почв, вод с обоснованным выделением зон риска и прогнозом их динамики;

— оценку санитарно-эпидемиологической обстановки в сопредельных регионах, поддержание благоприятных условий жизни, выявление и своевременное предупреждение о возможных негативных проявлениях (клещи и другие болезнетворные организмы);

— прогнозирование последствий изменения экосистем, в том числе под влиянием глобальных изменений климата, разработку и оценку механизмов адаптации к ним.

Для решения каждой из поставленных задач требуется более эффективное взаимодействие государственных органов, научного сообщества, бизнес-структур и общественности Балтийского региона.

Список литературы

1. *Приграничные* и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран: (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск, 2010.

2. *Схема* охраны природы Калининградской области / под ред. Ю. А. Цыбина. Калининград, 2004.

3. *Территориальный* орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).

4. *Баринова Г. М., Волкова И. И., Рябкова О. И.* Геоэкологические основы формирования трансграничных ООПТ в Калининградской области // География, общество, окружающая среда: развитие географии в странах Центральной и Восточной Европы. Калининград, 2001. Ч. 2. С. 113—114.

5. *Орленок В. В., Баринова Г. М., Кучерявый П. П., Ульяшев Г. Л.* Виштынецкое озеро. Природа, хозяйство, экология. Калининград, 2001.

6. *Баринова Г. М., Волкова И. И., Рябкова О. И.* Стратегия формирования трансграничных особо охраняемых природных территорий в Калининградской области // Экология и безопасность жизнедеятельности. Пенза, 2002. С. 76—78.

7. *Орленок В. В., Баринова Г. М., Рябкова О. И., Волкова И. И.* Трансграничные ООПТ Калининградской области как элемент устойчивого развития региона // География и окружающая среда. СПб., 2003. С. 235—241.

8. *Фоменко Г. А., Фоменко М. А., Лошадкин К. А.* Денежная оценка природных ресурсов и экосистемных услуг в территориальном развитии: адаптация в России методологических подходов ООН (научно-практические рекомендации). Ярославль, 2000.

Об авторах

Галина Михайловна Баринова, кандидат географических наук, профессор-консультант кафедры географии океана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ecogeography@rambler.ru

Евгений Васильевич Краснов, доктор геолого-минералогических наук, профессор-консультант кафедры географии океана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ecogeography@rambler.ru

Анна Юрьевна Романчук, кандидат биологических наук, доцент кафедры географии океана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: annaroman@mail.ru

Ольга Ивановна Рябкова, кандидат географических наук, доцент кафедры географии океана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ecogeography@rambler.ru

The authors

Dr Galina M. Barinova, Consulting Professor, Department of Ocean Geography, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ecogeography@rambler.ru

Prof. Eugene V. Krasnov, Department of Ocean Geography, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ecogeography@rambler.ru

Dr Anna Yu. Romanchuk, Associate Professor, Department of Ocean Geography, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: annaroman@mail.ru

Dr Olga I. Ryabkova, Associate Professor, Department of Ocean Geography, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia

E-mail: ryabko5195@mail.ru

ОЦЕНКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРОРЕГИОНОВ В БАЛТИЙСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ

В условиях глобализации и сложной международной политической ситуации, сложившихся в последнее десятилетие, вопрос развития и функционирования трансграничных связей встает наиболее остро. Появляются новые формы трансграничного сотрудничества, а возникшие ранее теряют свою актуальность. Балтийский регион за последние 30 лет испытал масштабные внутренние территориальные изменения: распад Советского Союза, вступление бывших союзных республик в ЕС, получение Калининградской областью статуса эксклава. Для исследования эффективности международных трансграничных связей необходимо комплексное всестороннее исследование институционализации трансграничных связей и перспективы их развития.

In the context of the development of globalization and the complex international political situation that have developed in the last decade, the issue of the development and functioning of cross-border relations is becoming most acute. New forms of cross-border cooperation are emerging, and those that have arisen earlier are losing their relevance. Over the past 30 years, the Baltic region has experienced large-scale internal territorial changes: the collapse of the Soviet Union, the entry of the former Soviet republics into the EU, and the Kaliningrad region receiving the status of an exclave. To study the effectiveness of international cross-border relations, a comprehensive comprehensive study of the institutionalization of cross-border relations and the prospects for their development is necessary.

Ключевые слова: Балтийский регион, еврорегионы, трансграничное сотрудничество, международная экономическая интеграция.

Keywords: Baltic Region, euroregions, cross-border cooperation, international economics integration.

Одной из наиболее распространенных, с доказанной эффективностью форм региональной общности являются еврорегионы — четко ограниченные компактные территории, на которых на основе соглашений местных и региональ-

ных органов территориального самоуправления различных стран осуществляется трансграничное сотрудничество.

В истории образования еврорегионов выделяются следующие этапы:

— «первая волна» (до 1 мая 2004 г.; считается, что первый еврорегион *EUROREGIO* был образован в 1958 г. на немецко-голландской границе), во время которой еврорегионы создавались внутри границ Европейского союза;

— трансграничные регионы, создаваемые на границе между государствами — членами Европейского союза с недавними странами-кандидатами с целью поддержки процесса расширения Европейского союза и создания условий для дальнейшей социально-экономической интеграции;

— образование еврорегионов между странами Европейского союза и сопредельными государствами (в том числе Россией), происходящее и в настоящее время и сопровождающееся многими трудностями административного, экономического и политического характера [1].

Однако все виды еврорегионов, несмотря на отличия в юридическом статусе, внутреннем устройстве, обладают общими характерными чертами: постоянство, идентичность своих членов, обладание собственными ресурсами (административными, финансовыми, техническими), наличие механизмов принятия решений.

Положительный опыт от участия субъектов Российской Федерации в деятельности еврорегионов выражается в налаживании сетевого сотрудничества, определении конкретных проектов в различных сферах (например, разработка общей стратегии развития еврорегиона «Балтика», организованная проектом Interreg «Seagull», призванной обеспечить условия для развития сотрудничества (регионального, трансграничного или транснационального) на внешних границах. Для более эффективного и плодотворного участия российских субъектов в еврорегионах необходимо установить между собой более тесные контакты, выработать общую стратегию действий.

В процессе исследования роли и места еврорегионов в развитии трансграничного сотрудничества особую роль играет оценка актуального состояния еврорегионов, поскольку они являются нестатичными структурами и подвержены изменениям под влиянием различных факторов. Предыдущая попытка была предпринята в 2012 г. в монографии «Россия на Балтике 1990—2012» [2]. Тогда это перечень состоял из 29 еврорегиональных объединений, авторы провели типологию по критерию территориальной принадлежности (еврорегионы, которые полностью находятся на территории Балтийского макрорегиона, а также те, которые включают территории, не входящие в указанный регион).

Для верификации функционального состояния нами была использована методика, разработанная И. С. Гуменюком и Т. Студзенецки, которые применили ее в контексте оценки актуального состояния еврорегионов с российским участием. В качестве основных критериев авторы выделили работу официального сайта; наличие актуальной информации о деятельности еврорегиона в СМИ; наличие контакта с представителями еврорегиона; наличие контакта с пред-

ставителями администрации российского региона [3]. В контексте настоящего исследования перечисленные критерии были адаптированы к географическим условиям. В таблице 1 представлена верификационная оценка состояния еврорегионов, расположенных в макрорегионе Балтийского моря. В качестве основного перечня был использован список, предложенный коллективом авторов монографии «Россия на Балтике: 1990—2012» [2].

Таблица 1

Оценка актуального состояния еврорегионов в Балтийском регионе

Еврорегион	Работа официального сайта	Дата последней публикации на официальном сайте	Наличие актуальной информации о деятельности еврорегиона в СМИ	Участие в программах приграничного сотрудничества 2014—2020	Функциональный статус еврорегиона
«Эресунн»	+	11.06.2021	+	+	Функционирует
Совет «Кваркен»	+	03.06.2021	+	+	Функционирует
Кооперация «Архипелаг»	+	06.05.2021	+	+	Функционирует
Кооперация «Четырех углов»	—	—	—	—	Не функционирует
Сторстрем — Остгольштейн — Любек	—	—	—	—	Не функционирует
«Померания»	+	11.06.2021	+	+	Функционирует
Финско-эстонская кооперация «3 + 3»	—	—	—	—	Не функционирует
Сондерийланд — Шлезвиг	+	04.06.2021	+	+	Функционирует
«Острова Балтийского моря Б7»	—	—	—	—	Не функционирует
«Балтика»	+	Июнь 2021	+	+	Функционирует
«Сауле»	—	—	—	—	Не функционирует
«Бартува»	—	—	—	—	Не функционирует
«Хельсинки — Таллин»	+	07.02.2018	—	—	Не функционирует
«Лына — Лава»	—	—	—	—	Не функционирует
«Шешупе»	—	—	—	—	Не функционирует

Окончание табл. 1

Еврорегион	Работа официального сайта	Дата последней публикации на официальном сайте	Наличие актуальной информации о деятельности еврорегиона в СМИ	Участие в программах приграничного сотрудничества 2014—2020	Функциональный статус еврорегиона
«Псков — Ливония»	+	13.04.2021	+	+	Функционирует частично ¹
«Территория трансграничного сотрудничества Чудского озера»	+	+	+	+	Функционирует
Юго-Восточная Финляндия — Россия	+	+	+	+	Функционирует
Комитет «Нордкаллоттен»	+	12.06.2021	+	+	Функционирует
Комитет «Миттнорден»	+	06.11.2021	+	+	Функционирует
Кооперация «АРКО»	+	06.04.2021	+	+	Функционирует
Комитет «Эстфолль — Бохус»	—	—	—	—	Не функционирует
Еврорегион «Неман»	+	2019 г.	-	-	Функционирует частично
Еврорегион «Страна озер»	+	01.01.2021	+	+	Функционирует
Еврорегион «Карелия»	— ²	16.04.2021	+	+	Функционирует
Совет Долины Торнео	+	20.01.2021	+	+	Функционирует
Миттскандия	+	06.05.2021	+	+	Функционирует
Каттегат — Скагеррак	—	—	—	—	Не функционирует
Верmland — Хедмарк — Акерсхус — Этфолл	—	—	—	—	Не функционирует

¹ Информация обновляется только на литовской и эстонской версиях сайта, Россия принимает участие в совместных проектах только в рамках Программы приграничного сотрудничества «Литва — Россия 2014 — 2020».

² Активна официальная страница еврорегиона в *Facebook*.

Как видно из таблицы 1, из 29 еврорегионов в настоящее время можно назвать действующими всего 17. Среди причин снижения активности можно указать следующие:

— некоторые еврорегионы создавались с целью реализации определенного масштабного трансграничного проекта (например, строительства моста) и не предполагали долгосрочного существования;

— слабая активность участников ввиду экономических и политических сложностей;

— отсутствие четких целей и задач.

В процессе исследования нами были обнаружены два еврорегиона, которые не были учтены ранее: комитет «Фемарн-Белт», который был образован в 2009 г. представителями Дании и Германии с целью всестороннего развития территорий в районе пролива Фемарн-Белт; а также Комитет «Хедмарк — Даларна», созданный в 2012 г. представителями Швеции и Норвегии с целями повышения конкурентоспособности и обеспечения устойчивого развития.

Степень участия стран Балтийского региона в еврорегиональных объединениях представлена на рисунке 1.

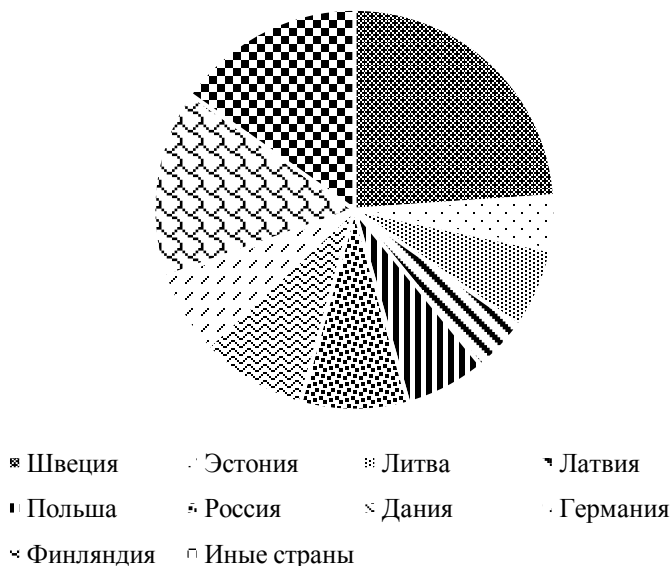

Рис. 1. Доля участия стран Балтийского макрорегиона в деятельности еврорегионов, расположенных на его территории, %

Как показано на рисунке 1, наибольшая доля участия в еврорегиональных формированиях принадлежит Швеции. Это обусловлено как высоким соци-

ально-экономическим уровнем развития этого государства, так и тем фактом, что территория Швеции полностью расположена в Балтийском регионе. Малая доля участия Польши и Германии связана тем, что основная часть территорий этих стран не входит в рассматриваемый регион.

Наконец, мы можем представить обновленную картосхему еврорегионов в Регионе Балтийского моря, представленную на рисунке 2 с описанием в таблице 2.

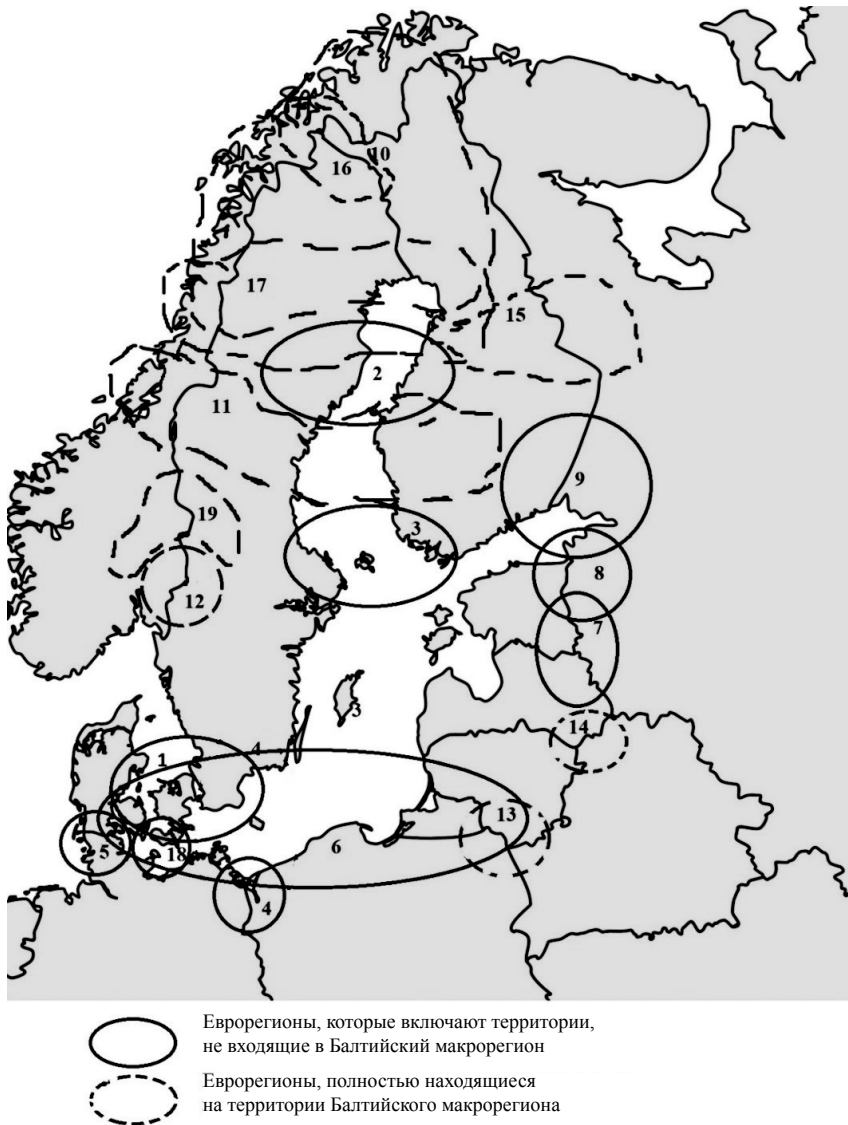

Рис. 2. Схема еврорегионов в Балтийском макрорегионе

**Перечень еврорегионов в Балтийском макрорегионе
(по состоянию на июнь 2021 г., к рис. 2)**

№ (на рис. 2)	Название (год создания)	Страны-участницы	Положение
1	Комитет «Большой Копенгаген-Сконе» (1993 (2016)), ранее комитет «Эресунн»	Дания, Швеция	На территории Балтийского региона
2	Совет «Кваркен» (1972, с 2021 г. — ЕГТС)	Швеция, Финляндия	На территории Балтийского региона
3	Кооперация «Архипелаг» (1978)	Швеция, Финляндия	На территории Балтийского региона
4	Еврорегион «Померания» (1995)	Германия, Польша	На территории Балтийского региона
5	Сондериюланд — Швеция	Германия, Дания	На территории Балтийского региона
6	Еврорегион «Балтика» (1998)	Польша, Литва, Швеция, Дания, Россия	На территории Балтийского региона
7	Еврорегион «Псков — Ливония» (2004)	Россия, Эстония, Латвия	На территории Балтийского региона
8	Территория трансграничного сотрудничества Чудского озера (1993)	Эстония, Россия	На территории Балтийского региона
9	Юго-Восточная Финляндия — Россия	Финляндия, Россия	На территории Балтийского региона
10	Комитет «Северный Калоттен» (1971)	Норвегия, Швеция, Финляндия	Частично на территории Балтийского региона
11	Комитет «Миттнорден» (1977)	Норвегия, Швеция, Финляндия	Частично на территории Балтийского региона
12	Кооперация «АРКО» (1978)	Норвегия, Швеция	Частично на территории Балтийского региона

Окончание табл. 2

№ (на рис. 2)	Название (год создания)	Страны-участницы	Положение
13	Еврорегион «Неман» (1997)	Польша, Литва, Беларусь, Россия	Частично на территории Балтийского региона
14	Еврорегион «Озерный край» (1999)	Литва, Латвия, Беларусь	Частично на территории Балтийского региона
15	Еврорегион «Карелия» (2000)	Финляндия, Россия	Частично на территории Балтийского региона
16	Совет Долины Торнео (1987)	Финляндия, Норвегия, Швеция	Частично на территории Бал- тийского региона
17	Миттскандия (1980)	Норвегия, Швеция	Частично на терри- тории Балтийского региона
18	Комитет «Фемарн-Бельт» (2009)	Германия, Дания	На территории Балтийского региона
19	Комитет «Хедмарк — Даларна» (2012)	Швеция, Норвегия	Частично на терри- тории Балтийского региона

В настоящее время на территории Балтийского макрорегиона функционируют 19 еврорегионов, из них 10 полностью расположены на его территории, а 9 — включают территории, находящиеся за его пределами. С российским участием зафиксировано 5 еврорегионов, оценка деятельности которых подлежит дальнейшим исследованиям.

Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзаданию на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».

Список литературы

1. Корнеевец В. С. Международная регионализация на Балтике. СПб., 2010.
2. Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С. Россия на Балтике: 1990—2012 годы. 2-е изд., перераб. и доп. Калининград, 2013.

3. Гуменюк И. С., Студзенецки Т. Актуальное состояние еврорегионов с участием Калининградской области // Балтийский регион — регион сотрудничества — 2019 : матер. III междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2019. С. 88—98.

Об авторе

Анжела Александровна Усенко, младший научный сотрудник, Институт геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AADovgalenko1@kantiana.ru

The author

Anzhela A. Usenko, Junior Researcher, Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AADovgalenko1@kantiana.ru

И. А. Пономаренко¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК УГЛЕВОДОРОДОВ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Исследуются ключевые направления приграничного сотрудничества стран Балтийского региона в сфере морских перевозок углеводородного сырья. Выявлены особенности сотрудничества в сфере защиты окружающей среды, обеспечения безопасности мореплавания и сотрудничества между морскими портами. Установлено, что первостепенной задачей приграничного сотрудничества выступает защита морской среды.

The key areas of cross-border cooperation of the Baltic region countries in the field of sea transportation of hydrocarbon raw materials are investigated. The features of cooperation in the field of environmental protection, ensuring the safety of navigation and cooperation between seaports have been identified. It has been established that the primary task of cross-border cooperation is the protection of the marine environment.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, морские перевозки, морской транспорт, углеводороды, Балтийское море.

Key words: cross-border cooperation, sea transport, hydrocarbons, Baltic Sea.

Регион Балтийского моря является территорией активного осуществления приграничного сотрудничества по вопросам развития и функционирования морского транспорта. Балтийский регион — единственный макрорегион, где Россия граничит со странами Евросоюза и где транснациональные российско-европейские связи дополняются трансграничными связями [1, с. 8]. В Балтийском море морской транспорт выступает стратегической торговой артерией: постоянно в Балтийском море находятся более двух тысяч судов, количество которых ежегодно возрастает [2]. Одним из ключевых предметов взаимодействия между приграничными районами стран Балтийского моря выступают вопросы морской перевозки углеводородного сырья. Транспортировка нефти и газа имеет ключевое значение в развитии экономических отношений на Балтике.

Страны-импортеры благодаря данным процессам приобретают необходимые топливно-энергетические ресурсы, а страны-экспортеры тем самым имеют возможность продавать углеводородное сырье и получать прибыль.

В настоящее время сотрудничество, связанное с перевозкой углеводородного сырья в Балтийском регионе, осуществляется в следующих основных направлениях: защита окружающей среды, обеспечение безопасности мореплавания, сотрудничество между морскими портами.

Несмотря на то что судоходство считается самым экологически безопасным видом транспорта, морские суда остаются одним из основных источников выброса парниковых газов. В 2005 г. решением Международной морской организации (ИМО) Балтийскому морю был присвоен статус особо уязвимого морского района и данный регион был объявлен одним из четырех районов контроля выбросов оксидов серы с ограничением на выбросы оксидов серы в соответствии с Международной конвенцией о предупреждении загрязнения с судов (МАРПОЛ) [3].

Сотрудничество стран Балтийского моря предполагает ряд мероприятий, направленных на снижение негативного воздействия морского транспорта на окружающую среду. Координацию всех мероприятий осуществляет Хельсинкская комиссия (Комиссия по защите морской среды Балтийского моря), объединяющая Швецию, Данию, Финляндию, Литву, Латвию, Эстонию, Германию, Польшу и Россию. Деятельность Комиссии направлена на предотвращение загрязнений от морских судов, реагирование аварийных разливов в море, снижение нагрузок загрязнений, поступающих с водосборного бассейна Балтийского моря, применение экосистемного подхода, а также оценку состояния окружающей среды и охрану природы. Следует отметить, что членами Хельсинкской комиссии являются все страны Балтийского региона.

При этом отдельные страны региона активно разрабатывают программы приграничного сотрудничества, указывая в качестве одного из направлений и обеспечение морской перевозки нефти и газа. Например, в программе приграничного сотрудничества Юго-Восточной Финляндии и России отмечено, что перевозка нефти из порта Приморск (Россия) в порт г. Порвоо (Финляндия) может спровоцировать риск аварийных разливов нефти и иных негативных последствий. В связи с этим Финляндия и Россия расширили сотрудничество в области управления рисками в целях повышения безопасности на море и разработали средства морского пространственного планирования и управления [4].

Задача защиты окружающей среды требует от стран Балтики проводить технологические изменения в части оптимизации работы судов и повышения экологических стандартов. Одно из направлений соблюдения экологических норм — использование сжиженного природного газа (СПГ) в качестве судового топлива при эксплуатации судов. Более 80 процентов флота, работающего на СПГ, представлено небольшими судами (пассажирские и автомобильные паромы, суда снабжения морских платформ, буксиры и бункеровщики), которые в настоящее время ходят в норвежских водах. Однако все большее распростра-

нение получают и более крупные суда, работающие на СПГ, в том числе танкеры и газовозы, предназначенные для перевозки углеводородного сырья. Активные операции в Балтийском море осуществляет множество судов на СПГ. Наиболее известными являются нефтяные танкеры типоразмера «Афрамекс», принадлежащие ПАО «Совкомфлот» («Проспект Гагарина», «Ломоносовский проспект», «Проспект Менделеева», «Проспект Королёва», «Проспект Вернадского», «Проспект Сэмюэля»), а также сухогрузы *Vikki* и *Haaga*, принадлежащие компании *ESL Shipping* (Финляндия) и предназначенные для перевозки навалочных грузов. Компании и других стран Балтики стремительно переходят к эксплуатации судов, работающих на СПГ-топливе [5].

В силу своего положения регион Балтийского моря представляет собой естественный маршрут для транспортировки нефти, в частности, из России в другие страны Балтики. Ежегодно увеличивается объем перевозимого морем природного газа в сжиженном виде в танкерах. Безусловно, подобные перевозки требуют соблюдения всех норм безопасности. Основная задача сотрудничества стран Балтийского моря в данном вопросе — реализация комплекса мер по организации транспортного потока, которые включают в себя наблюдение за движением судов с целью предотвратить возникновение опасных ситуаций. Сотрудничество в данной сфере полностью основано на нормах международных договоров, таких как Международные правила предупреждения столкновений судов в море, Международный кодекс по управлению безопасной эксплуатацией судов и предотвращению загрязнения. Тем не менее в Европейском союзе высказываются идеи реализации отдельных трансграничных проектов по обеспечению безопасности судоходства в Балтийском море, например по созданию прибрежных патрульных служб, интеграции национальных систем наблюдения в море [6].

Еще одним направлением приграничного сотрудничества является контроль морских судов, осуществляемый в портах. Несмотря на то что данная деятельность способствует обеспечению безопасности морской транспортировки грузов, не все государства Балтийского моря принимают на себя международные обязательства в данной сфере. Так, например, среди стран, присоединившихся к Парижскому меморандуму о взаимопонимании по контролю судов государством порта, к странам Балтики относятся лишь Дания, Финляндия, Германия, Польша и Россия.

В регионе Балтийского моря функционирует Балтийская портовая организация, цель которой — координация сотрудничества между портами региона. В настоящее время организация состоит из 46 членов — портов Дании, Эстонии, Финляндии, Германии, Латвии, Литвы, Польши и Швеции. В данной организации не представлены интересы портов России. Объяснить это можно тем, что одной из главных целей Балтийской портовой организации является представление интересов портов Балтийского моря в институтах Европейского союза и других соответствующих организаций [7].

Таким образом, в настоящее время сформирована определенная система сотрудничества стран Балтийского моря в сфере морских перевозок, в том числе

углеводородного сырья. Тем не менее есть определенные перспективы расширения сфер сотрудничества в данной сфере, особенно в вопросах координации деятельности портовых служб. Развитие сотрудничества на Балтийском море в сфере обеспечения безопасности морских перевозок углеводородов будет способствовать усилению потенциала государств в противостоянии трансграничным угрозам в регионе. При этом опыт государств Балтийского региона может послужить примером развития соответствующего потенциала в бассейнах других морей.

Список литературы

1. Федоров Г. М. Перспективы сетевого сотрудничества России и стран ЕС в инновационной сфере на Балтике // Балтийский регион. 2013. № 1. С. 7—26.

2. Matczak M. Exploring the future of shipping in the Baltic Sea. URL: https://vasab.org/wp-content/uploads/2018/08/20180730_FutureShippingQuoVadis.pdf (дата обращения: 01.12.2020).

3. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764502> (дата обращения: 01.07.2021).

4. Программа приграничного сотрудничества «Европейский инструмент соседства «Юго-Восточная Финляндия — Россия». URL: https://www.vbglenobl.ru/sites/default/files/yugo-vostochnaya_finlyandiya-rossiya.pdf (дата обращения: 01.07.2021).

5. СПГ-бункеровщик для Балтики. URL: <https://portnews.ru/comments/2575/> (дата обращения: 01.07.2021).

6. Сообщение комиссии, адресованное Европейскому парламенту, Совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов относительно Стратегии Европейского союза для региона Балтийского моря. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/communic/baltic/action_17122010_ru.doc (дата обращения: 01.07.2021).

7. About Baltic Ports Organization. URL: <http://www.bpoports.com/about-bpo/> (дата обращения: 01.07.2021).

Об авторе

Илья Александрович Пономаренко, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: i.ponomarenko@bk.ru

The author

Ilya A. Ponomarenko, postgraduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: i.ponomarenko@bk.ru

УДК 911.3:339 (476)

Г. М. Федоров¹

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ПРИОРИТЕТНОЙ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Развитие Калининградской области в силу ее эксклавного географического положения сильно зависит от действия внешних факторов, которые в условиях геополитической турбулентности и ухудшения отношений между Россией и странами Запада оказывают негативное влияние на экономику региона. Адаптируясь к внешним воздействиям, меняется отраслевая структура региональной экономики, и темпы ее развития превышают средние по РФ.

The development of the Kaliningrad oblast, due to its exclave geographical position, strongly depends on the action of external factors, which, in the context of geopolitical turbulence and deterioration of relations between Russia and the Western countries, have a negative impact on the region's economy. Adapting to external influences, the sectoral structure of the regional economy is changing, and the rate of its development exceeds the average for the Russian Federation.

Ключевые слова: эксклавный регион, Калининградская область, реструктуризация экономики.

Keywords: exclave region, Kaliningrad oblast, economic restructuring.

Экономика Калининградской области за годы ее существования неоднократно реструктуризировалась, что обусловлено спецификой факторов, определяющих ее развитие. Эти факторы можно подразделить на «объективные» и «субъективные». Первые не зависят напрямую от воли человека. Вторые носят институциональный характер и принимаются органами власти и управления. Они регламентируют с помощью правовых актов и программ особые условия хозяйственной деятельности в регионе. Ниже мы остановимся на реструктуризации экономики области под воздействием указанных факторов.

Особую значимость для развития региона, ставшего в результате распада СССР эксклавом, отделенным от основной территории страны, имеют два «объективных» фактора. Во-первых, географическое положение области на морском побережье, к тому же на перекрестке торговых путей «восток — запад» и «север — юг». И если бы не существовали или были бы «прозрачными» государственные границы, то этот регион имел бы исключительно благоприятные предпосылки социально-экономического развития.

Соотношение контактной и барьерной функций границ, превративших область в российский эксклав в окружении стран НАТО и ЕС (за исключением, конечно, ее выхода на морское побережье), является вторым фактором. В нынешних условиях геополитической турбулентности и резкого ухудшения отношений России со странами Запада этот фактор играет негативную роль, усложняя транспортные коммуникации области с другими регионами страны и снижая возможности транзитных перевозок через ее территорию. Эксклавность снижает уровень экономической безопасности региона и обуславливает структурные изменения в экономике вслед за внешними воздействиями, меняющими внешние условия развития видов экономической деятельности и производств.

Третье место среди «объективных» факторов регионального развития занимает природно-ресурсный потенциал, способствующий развитию сельского хозяйства, туризма, добыче и переработке полезных ископаемых. Этот фактор обеспечивает наибольшую устойчивость экономике, однако также подвержен изменениям в зависимости от конъюнктуры рынка.

К числу «субъективных», институциональных факторов, которые должны снизить влияние негативных «объективных» факторов, относятся (подробнее см.: 1):

— режим сначала Свободной экономической зоны «Янтарь», затем — несколько модификаций режима Особой экономической зоны;

— федеральная целевая программа развития (ФЦП) ОЭЗ в Калининградской области (с 1998 г.), ФЦП развития Калининградской области (с 2004 г.), государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Калининградской области» (с 2014 г.), которая включает подпрограммы: «Создание условий для устойчивого социально-экономического развития Калининградской области», «Обеспечение реализации мероприятий, имеющих приоритетное значение для развития экономики и социальной сферы Калининградской области» и «ФЦП развития Калининградской области на период до 2020 года»;

— федеральный закон «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края», другие законодательные акты и решения Правительства РФ.

Кризис 1990-х гг. в экономике области, превратившейся в эксклав, проявился сильнее, чем в большинстве регионов страны, из-за усложнений транспорт-

ных коммуникаций с другими частями РФ. Падение производства стало более глубоким, произошла деиндустриализация экономики, снизилась доля занятых в сельском хозяйстве, на транспорте и в строительстве, в образовании и науке. Первое место по числу работников стала занимать торговля (табл. 1).

Таблица 1

**Структура среднегодовой численности занятых по отраслям экономики
Калининградской области в 1990 и 1998 г., % к итогу**

Отрасль народного хозяйства	1990	1998
Промышленность	30,3	18,3
Сельское хозяйство	11,7	10,1
Лесное хозяйство	0,2	0,5
Строительство	8,7	6,8
Транспорт и связь	9,7	7,8
Торговля и общественное питание	9	20,5
Жилищно-коммунальное хозяйство, производственные виды бытового обслуживания	4,4	6,5
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	6,7	7,4
Образование, культура, искусство, наука и научное обслуживание	13,6	11,6
Другие отрасли	5,7	10,5
<i>Всего</i>	100	100

Источник: составлено автором на основе данных [2; 3].

С окончанием кризиса стало происходить не восстановление прежней, а становление новой отраслевой структуры народного хозяйства, при этом кардинальные структурные изменения затронули и практически все виды экономической деятельности. Экономика стала приобретать рыночные черты, причем особенно большие изменения коснулись сферы услуг, доля которой в структуре занятых резко возросла. Численность занятых в экономике менялась, но не слишком сильно. Так, в 1990 г. в экономике было занято 435 тыс. человек, в 1998 г. — 400 тыс. (минимум), в 2007 г. — 501 тыс. (максимум), в 2019 г. — 479 тыс. человек 2—6. Структурные изменения происходили в значительной мере за счет межотраслевого перераспределения рабочей силы. В результате сократился удельный вес работников, занятых в аграрном секторе, добыче полезных ископаемых, в отраслях

социальной сферы. Возрос в обрабатывающих производствах и строительстве, а особенно в торговле, гостиничном и ресторанном бизнесе, операциях с недвижимостью, финансовой деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес занятых по видам экономической деятельности в Калининградской области, 1998 и 2016 гг.

Вид экономической деятельности	1998	2016
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	14,2	5,2
Рыболовство, рыбоводство	0,8	0,7
Добыча полезных ископаемых	1,2	0,5
Обрабатывающие производства	13,0	13,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,5	2,3
Строительство	7,5	9,6
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	17,3	21,0
Гостиницы и рестораны	2,2	3,2
Транспорт и связь	7,6	9,6
Финансовая деятельность	1,2	1,5
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6,1	9,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	7,1	7,0
Образование	8,4	6,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	7,1	6,3
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,6	3,6
Другое	0,1	0,0
<i>Всего</i>	100	100

Источник: составлено автором на основе данных [4; 5]

В 2017—2019 гг. часть наметившихся ранее тенденций структурных изменений продолжилась (табл. 3). Снизилась доля занятых в аграрном секторе (вследствие развития сельского хозяйства в основном за счет крупных фирм), в строительстве (вследствие некоторого сокращения жилищного строительства, достигшего в предыдущие годы весьма высоких показателей ввода жилья). Несколько уменьшилась доля занятых в торговле (которая среди всех видов эконо-

мической деятельности все равно занимает первое место по числу работников). Возросла занятость в обрабатывающих и добывающих производствах, в электроэнергетике. Положительно оценить можно рост доли занятых в здравоохранении, культуре и спорте, но в сфере образования она вновь немного снизилась.

Таблица 3

**Удельный вес занятых по видам экономической деятельности
в Калининградской области, 2017 и 2019 гг.**

Вид экономической деятельности	2017	2019
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство и лесное хозяйство	5,4	4,7
Добыча полезных ископаемых	0,5	0,6
Обрабатывающие производства	13,9	14,7
Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	1,7	1,8
Водоснабжение и водоотведение; организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,2	1,0
Строительство	10,4	9,9
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	20,5	20,1
Транспортировка и хранение	8,3	8,8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	3,3	3,3
Деятельность в области информации и связи	1,6	1,8
Деятельность финансовая и страховая	1,6	1,4
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	2,9	2,9
Деятельность профессиональная, научная и техническая	3,3	3,3
Научные исследования и разработки	0,6	0,5
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	3,1	3,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	6,8	6,9
Образование	6,1	6,0
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	6,0	6,2
Деят. в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1,4	1,5
Предоставление прочих видов услуг	1,9	1,9
<i>Всего</i>	100	100

Источник: составлено автором на основе данных [6].

Воздействие пандемии COVID-19 на структуру экономики региона пока еще трудно оценить, но уже прогнозируется более быстрое развитие туризма и сопряженных отраслей в связи с переориентацией части туристических потоков с международных на внутренние направления. В связи с созданием благоприятных условий для инвесторов возможно развитие обрабатывающих производств. Областное министерство экономики прогнозирует формирование помимо туристического также фармацевтического кластера на площадке «Экобалтика», машиностроительного — на площадке «Автотора» и инновационного — в сфере радиоэлектроники на базе «Дженерал Сателлайт» (Гусев) [7]. Более полное использование внутренних природных ресурсов способствует развитию агропродовольственного и янтарного кластеров. В соответствии с приоритетными направлениями развития экономики России можно ожидать ускоренное развитие отраслей социальной сферы. Развитие экономики региона в перечисленных направлениях позволяет надеяться на формирование ее более рациональной и эффективной структуры, более устойчивой к внешним воздействиям.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-05-00399 «Теоретическое обоснование концепции и стратегии развития Калининградской области как приоритетной геостратегической территории Российской Федерации» (2020—2021 гг.).

Список литературы

1. Зверев Ю. М., Федоров Г. М. Калининградские альтернативы: 25 лет спустя. Калининград, 2020.
2. Янтарный остров России. Калининград, 1996.
3. Регионы России. М., 1999. Т. 2.
4. Динамика среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности, 1998—2012 гг. Калининград, 2012.
5. Среднегодовая численность занятых в экономике (расчеты на основе интеграции данных) по 2016 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43211> (дата обращения: 28.05.2021).
6. Среднегодовая численность занятых в экономике (расчеты на основе интеграции данных) с 2017 г. // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 28.05.2021).
7. В Калининградской области планируют создать четыре новых кластера. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/28/02/2020/5e5901459a794743c537ee6e> (дата обращения: 31.05.2021).

Об авторе

Геннадий Михайлович Федоров, доктор географических наук, профессор, директор Центра геополитических исследований Балтийского региона, Институт геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

The author

Prof. Gennady M. Fedorov, Director of the Centre of Geopolitical Studies of the Baltic Region, Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

УДК 327:911.3 (470.26)

Ю. М. Зверев¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ ПРИГРАНИЧНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена геополитическим угрозам приграничному сотрудничеству Калининградской области РФ, в качестве которых выступают наращивание вооруженных сил США и НАТО у ее границ и связанный с этим рост взаимного недоверия. Все это уже негативно сказалось на масштабах и размахе сотрудничества. Единственным путем решения ситуации автором видится отказ Запада от санкционного давления на Россию и вмешательства в ее внутренние дела и начало переговоров для поиска компромиссов и путей налаживания конструктивных прагматичных отношений.

The article is devoted to the geopolitical threats to the cross-border cooperation of the Kaliningrad region of the Russian Federation, which are the build-up of the US and NATO armed forces near its borders and the associated growth of mutual distrust. All this has already negatively affected the scale and scope of cooperation. The author believes that the only way to resolve the situation is the West's refusal of sanctions pressure on Russia and interference in its internal affairs and the beginning of negotiations to search for compromises and ways to establish constructive pragmatic relations.

Ключевые слова: Калининградская область, приграничное сотрудничество, геополитика, геополитические угрозы, Балтийский регион, Россия, ЕС, НАТО.

Keywords: Kaliningrad region, cross-border cooperation, geopolitics, geopolitical threats, Baltic region, Russia, EU, NATO.

Развитие приграничного сотрудничества эксклавной Калининградской области России напрямую определяется геополитической ситуацией в мире, в Европе в целом и в Балтийском регионе в частности. В период «холодной войны»

она была закрытым для иностранцев регионом, что во многом обуславливалось стратегическим значением области как местом базирования Балтийского флота ВМФ СССР и сухопутных и воздушных сил, относившихся к так называемому второму эшелону [1, с. 88—89]. В какой-то мере закрытость определялась и непростым историческим прошлым области, которая до 1945 г. представляла собой северную часть немецкой Восточной Пруссии и была передана СССР в соответствии с решениями Потсдамской конференции.

Окончание «холодной войны» и связанное с этим потепление в отношениях СССР с геополитическим Западом способствовало открытию области для зарубежных стран. Пятого июля 1990 г. президиум Горсовета принял решение сделать доступным Калининград для посещения иностранцами. В 1991 г. для них была открыта и вся область. Чартерным авиарейсом 28 апреля 1991 г. в Калининград из Гамбурга прибыла первая группа немецких туристов [2]. В мае того же года для захода иностранных торговых судов был открыт Калининградский морской торговый порт [3].

После распада СССР с 26 декабря 1991 г. из эксклава СССР Калининградская область РСФСР превратилась в эксклав суверенной Российской Федерации, и ее дальнейшее геополитическое развитие происходило уже в этом формате.

С Польшей до 1 октября 2003 г. действовал безвизовый режим, поездки в Литву постоянные жители Калининградской области до 1 июля 2003 г. могли осуществлять не только без виз, но и на основании только общегражданского паспорта (при наличии специального вкладыша). Это облегчало приграничное сотрудничество, хотя одновременно способствовало и развитию зачастую криминального и полукриминального челночного бизнеса.

Приграничному сотрудничеству и взаимодействию с регионами соседних государств Балтийского региона способствовало и заключение Российской Федерацией межправительственных соглашений о сотрудничестве Калининградской области с регионами Польши (22 мая 1992 г.), Литовской Республики (29 июня 1999 г.) и Республики Беларусь (14 октября 1999 г.). На основании этих Соглашений начали работать три Совета по сотрудничеству Калининградской области с регионами этих стран [4, с. 233].

Сама Калининградская область заключила соглашения о сотрудничестве с пятью воеводствами Польши (Ольштынским, Щецинским, Эльблонгским, Сувалкским и Гданьским) (1991—1992)¹, двум землями Германии (Бранденбург и Шлезвиг-Гольштейн) (1994 и 1999), пятью уездами Литвы (Клайпедским, Паневежисским, Каунасским, Мариямпольским и Таурагским) (1995—1999), тремя областями Республики Беларусь (Гродненской и Минской в 1996 г. и Брест-

¹ После укрупнения с 1 января 1999 г. административно-территориального деления Польши в 2001—2002 гг. были подписаны новые соглашения о сотрудничестве между администрацией Калининградской области и вновь образованными пограничными Варминьско-Мазурским и Поморским воеводствами.

ской в 2004 г.), администрацией округа Борнхольм (Дания) (1998), провинцией и городом Гронинген Нидерландов (1998), губернией Блекинге Королевства Швеция (2003) [4, с. 233—234].

Область или ее административные образования в 1998—2006 гг. вошли в состав пяти еврорегионов — «Балтика», «Сауле», «Неман», «Лына-Лава» и «Шешупе» [4, с. 234, 253].

С 1992 г. ЕС, главным образом через программу TACIS², начал финансировать в Калининградской области международные проекты, в том числе и связанные с приграничным сотрудничеством. Затем на смену проектам программы TACIS в Калининградской области пришли совместные Программы соседства (Neighbourhood Programme) «Литва, Польша и Калининградская область Российской Федерации» на 2004—2006 гг. и 2007—2013 гг. [4, с. 256—257].

Развитию приграничного сотрудничества способствовала и взаимная демилитаризация Балтийского региона после окончания «холодной войны». Тридцать первого августа 1994 г. завершился вывод российских войск из Восточной Германии и Прибалтики. Сухопутные войска Ленинградского военного округа (ЛВО) за 1991—2000 гг. сократились с 59 до примерно 32,5 тыс. чел. [6, с. 23; 7]. Численность российской военной группировки в Калининградской области уменьшилась со 100—120 тыс. чел. перед распадом СССР до примерно 25 тыс. чел. к 2001 г. [8, р. 178, 180]. Американская военная группировка в Германии за 1990—2000 гг. сократилась с 249,2 тыс. чел. до 57,6 тыс., численность вооруженных сил Германии за этот же период — с 469 до 321 тыс., Польши — с 312,8 тыс. до 217,3 тыс. и т. д. [5, с. 22].

Однако период потепления в отношениях России и Запада был относительно недолгим и завершился прежде всего из-за несовпадения ожиданий сторон. Россия в тот период стремилась стать полноценным и влиятельным членом западного сообщества и надеялась, что оно, в свою очередь, не будет вмешиваться в ее внутренние дела и признает наличие у нее законных интересов, которые могут и не совпадать с коллективными западными интересами или интересами отдельных стран Запада в тех или иных сферах и регионах. На Западе же Россия воспринималась в первую очередь как сторона, потерпевшая поражение в «холодной войне», которая если и будет интегрироваться в Запад, то на его отнюдь не равноправных условиях, и которая должна быть «перевоспитана» на условиях безоговорочного принятия западных ценностей и норм (как сказал в свое время президент России В. В. Путин, Россию постоянно учили демократии [9]). По словам обозревателя ВВС А. Кречетникова, «в США и Европе многие не понимали, почему с нестабильной и бедной страной, выпрашивающей кредиты у МВФ, надо как-то особенно считаться» [10].

---

² TACIS (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States, Техническая помощь Содружеству Независимых Государств) — программа ЕС по содействию ускорению процесса экономических реформ в СНГ, действовавшая с 1991 по 2006 г.

Такой диссонанс в подходах и намерениях не мог продолжаться бесконечно. Будучи готова к сотрудничеству, Россия по мере выхода из кризиса переходного периода постепенно перестала признавать за коллективным Западом роль «воспитателя», а себя воспринимать как «перевоспитываемую» и стала жестче отстаивать свои интересы.

Запад, в свою очередь, пользуясь слабостью России и опасаясь прихода там к власти «неоимперских сил» (к каковым там относили на самом деле любые силы, стремящиеся восстановить геополитическую и военную мощь России), начал активно расширять свою «зону влияния» у границ России. Так, как отмечал секретарь Совета безопасности РФ Н. П. Патрушев, Запад предпринял усилия по экспорту «цветных революций» в страны бывшего СССР (например, в Грузию и на Украину) не в последнюю очередь для «последовательного выбивания отдельных звеньев в сфере российского влияния со стратегической целью — организовать «цветной переворот» в самой России» [11]. При этом цветная революция как «технология организации государственного переворота и перевода страны под внешнее управление в условиях искусственно созданной политической нестабильности» применялась в «разрушительном тандеме» с гибридной войной «для реализации выбранной Западом модели геополитической экспансии в строгом соответствии с планом установления его глобального доминирования» [12].

В русле этих планов Запада по сдерживанию России лежало и расширение НАТО на восток, которое вопреки официальным декларациям носило явно антироссийский характер, противоречило ранее достигнутым устным обещаниям лидеров ведущих стран НАТО и подорвало установившуюся после «холодной войны» стабильность в Европе (в том числе в Балтийском регионе, где членами НАТО стали Польша (1999) и страны Прибалтики (2004)). При этом, как отмечал президент России В. В. Путин, расширение НАТО на восток осуществлялось в период, когда «отношения между Россией и коллективным Западом были вполне приемлемыми, если не сказать партнерскими». Но позиция России учтена не была — как сказал российский президент, «не хочется употреблять грубых слов, но просто наплевали на наши интересы и всё» [13]. В свое время бывший посол США в СССР Джеймс Мэтлок назвал политику расширения НАТО «стратегическим просчетом», отметив, что она убедит Россию в том, что Запад рассматривает ее как «потенциального врага» [14]. Так и произошло.

Происшедший в феврале 2014 г. государственный переворот на Украине, приведший к резкому ухудшению отношений России и Запада³, стал дальнейшим следствием последовательного проведения коллективным Западом во главе с США антироссийского курса. Это событие существенно изменило геополитические условия и для приграничного сотрудничества Калининградской области.

³ Которое иногда называют «холодной войной 2.0», «новой холодной войной» или «прохладной войной» [15; 16, с. 4—5].

В условиях противостояния границы с Россией в Калининградской области стали частью так называемого восточного фланга НАТО с малопривлекательной перспективой его превращения в «восточный фронт». В Ожише (Польша) и Рукле (Литва) появились многонациональные боевые группы усиленного передового присутствия НАТО во главе с США и Германией соответственно, в Эльблонге сформирован штаб многонациональной дивизии НАТО «Северо-Восток». Рядом с Сувалкским коридором в Литве размещен танковый батальон Армии США. В Клайпеде создана новая мотопехотная бригада «Жемайтия». Идет перевооружение польской 16-й Поморской механизированной дивизии со штабом в Эльблонге, дислоцирующейся на границе с Калининградской областью. Польский Военный учебный центр Сухопутных войск «Ожиш» (Бемово-Писке) активно используется для проведения учений с участием других стран НАТО, включая США и Великобританию. В Редзиково (Польша) строится база ПРО. На аэродромах Зокняй (Шяуляй, Литва) и Мальборк (Польша) на ротационной основе размещаются боевые самолеты ВВС стран НАТО. Воздушное пространство Польши и Литвы у границ Калининградской области постоянно используется самолетами-разведчиками стран НАТО, прежде всего США. На учениях НАТО и стран НАТО ведется отработка ударов по Калининградской области и боевых действий против нее [17, с. 59—78, 81—85, 101—119; 18].

Увеличение сил НАТО у границ Калининградской области вынудило Россию принять меры по восстановлению и модернизации своей военной группировки в Калининградской области, сильно уменьшившейся в 1990-е и 2000-е гг. XXI в. [4, с. 262—273]. И хотя эти меры носят сугубо ответный и симметричный характер, Польша под предлогом «растущей милитаризации Калининградской области», а на самом деле опасаясь так называемых «гибридных угроз» (в этом контексте в США, в частности, упоминались базирующиеся в Калининграде нерегулярные формирования (прежде всего казаки [19]), с 4 июля 2016 г. приостановила (фактически прекратила на неопределенный срок) действие Соглашения о местном приграничном передвижении между Россией и Польшей от 14 декабря 2011 г. [4, с. 261—262].

Наращивание вооруженных сил и военной инфраструктуры НАТО у общих границ и усиление взаимного недоверия — это главные геополитические угрозы, которые уже негативно сказываются на приграничном сотрудничестве Калининградской области. Если общий объем финансирования Программы приграничного сотрудничества «Литва — Польша — Россия» 2007—2013 гг. составил около 146 млн евро, то общий бюджет Программ приграничного сотрудничества «Россия — Польша» и «Россия — Литва» на период 2014—2020 гг. — только около 89,5 млн евро [4, с. 261]. Снизилась интенсивность и вариативность российского участия в этих программах. Если в период 2007—2013 гг. в них участвовали практически все муниципалитеты Калининградской области, то теперь только семь из них. Снизилось и число тематик проектов — с 10 в 2004—2006 гг. до 5 в 2014—2020 гг. с преобладанием проектов в таких достаточно локальных сферах, как «туризм» и «культурное наследие и искус-

ство». То есть приграничное сотрудничество в сущности превратилось в инструмент поддержания социокультурных связей между приграничными регионами (что важно, но явно недостаточно) [20, с. 51—52]. Перестали работать Советы по сотрудничеству Калининградской области с регионами соседних государств — российско-польский совет последний раз собирался в 2016 г., российско-литовский — в 2012 г. [4, с. 261].

Можно согласиться с Л. Г. Гуменюк, которая считает, что «за последние пятнадцать лет данный инструмент (программы приграничного сотрудничества. — Ю. З.) существенно потерял в своей эффективности реального влияния на социально-экономическое развитие муниципальных образований Калининградской области и соседних регионов Польши и Литвы и в построении устойчивых (а главное, взаимовыгодных) связей через государственную границу» [20, с. 52—53]. От себя добавим, что одним из главных факторов этого стала вновь начатая милитаризация региона Балтийского моря по инициативе США и НАТО, на которую Россия вынуждена отвечать. Крайне сложно сотрудничать на границах, рядом с которыми готовятся к боевым действиям и которые при неблагоприятном развитии событий могут превратиться в линии фронта.

Единственным путем к улучшению ситуации, как представляется, является отказ коллективного Запада от политики силового давления и вмешательства во внутренние дела России и начало длительных и сложных переговоров по поиску компромиссов и установлению взаимовыгодных прагматичных отношений. Россия, как следует из новой Стратегии национальной безопасности, утвержденной 2 июля 2021 г., выступает за «поддержание равноправного и взаимовыгодного диалога со всеми заинтересованными государствами в целях развития торгово-экономической кооперации, укрепления международной и региональной стабильности» [21].

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-05-00399 «Теоретическое обоснование концепции и стратегии развития Калининградской области как приоритетной геостратегической территории Российской Федерации».

Список литературы

1. Федоров Г. М., Зверев Ю. М. Калининградские альтернативы. Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых геополитических условиях : монография. Калининград, 1995.
2. «Ностальгия и страх»: как Калининградскую область открывали для иностранных туристов // Калининград. Ru. 28.02.2020. URL: <https://kgd.ru/news/society/item/87557-nostalgiya-i-strah-kak-kaliningradskuyu-oblast-otkryvali-dlya-inostrannyh-turistov> (дата обращения: 30.06.2021).
3. История // Калининградский морской торговый порт. URL: <http://www.kscport.ru/index.php/ru/about-us/istoriya> (дата обращения: 30.06.2021).

4. Федоров Г. М., Зверев Ю. М. Калининградские альтернативы: 25 лет спустя : монография. Калининград, 2020.

5. Межевич Н. М., Зверев Ю. М. Россия и Прибалтика: сценарии безопасности в условиях политической напряженности. Рабочая тетрадь №35/2016 / гл. ред. И. С. Иванов ; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2016.

6. Ленский А. Г., Цыбин М. М. Советские Сухопутные войска в последний год Союза ССР : справочник. СПб., 2001.

7. Ленинградский военный округ // Archive. today. URL: <https://archive.is/8LXYv#selection-319.0-319.28> (дата обращения: 30.06.2021).

8. Chillaud M., Tetart F. The Demilitarization of Kaliningrad: A ‘Sisyphian Task’? // Baltic Security & Defence Review. 2007. Vol. 9. P. 171—186. URL: https://www.baltdefcol.org/files/docs/bdrev13/8._Matthieu_Chillaud_and_Frank_Tetard-Demilitarisation_of_Kaliningrad.pdf (дата обращения: 30.06.2021).

9. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. 2007. 10 февр. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 30.06.2021).

10. Кречетников А. Как расширялась НАТО: геополитика и психология // BBC News. Русская служба. 2014. 28 марта. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2014/03/140328_nato_enlargement_jubilee (дата обращения: 30.06.2021).

11. Цепляев В. Кукловодство к действию. Николай Пагтрушев — о методах «цветных революций» // Аргументы и факты. 2020. 10 июня. URL: https://aif.ru/society/safety/kuklovodstvo_k_deystviyu_nikolay_patrushev_o_metodah_cvetnyh_revolyuciy (дата обращения: 30.06.2021).

12. Бартош А. А. Разрушительный тандем: цветная революция — гибридная война // Независимое военное обозрение. 24.07.2015. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2015-07-24/1_revolution.html (дата обращения: 30.06.2021).

13. Путин прокомментировал расширение НАТО в сторону России // Известия. 2021. 9 июня. URL: <https://iz.ru/1176720/2021-06-09/putin-prokommentiroval-rasshirenie-nato-v-storonu-rossii> (дата обращения: 30.06.2021).

14. Братерский А. «Унижение для России»: зачем расширяли НАТО // Газета. Ru. 12.03.2019. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/03/12_a_12237643.shtml (дата обращения: 30.06.2021).

15. Соломонов Ю. «Холодная война 2.0» уже идет // Независимая газета. 21.01.2019. URL: https://www.ng.ru/stsenarii/2019-10-21/9_7707_coldwar.html (дата обращения: 30.06.2021).

16. Худoley К. К. «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. С. 4—24. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/627/1-%D0%A5%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B9_4-24.pdf (дата обращения: 30.06.2021).

17. Зверев Ю. М., Межевич Н. М. Безопасность в Восточной Балтике: К военным учениям России и Беларуси. «Щит Союза — 2019» : экспертный доклад. СПб., 2019. URL: https://interaffairs.ru/i/Bezopasnost_v_Vostochnoj_Baltike.pdf (дата обращения: 30.06.2021).

18. *Зверев Ю. М., Межевич Н. М.* Вызовы региональной безопасности: балтийский вектор // *Международная жизнь*. Январь 2021. С. 28—43. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2450> (дата обращения: 30.06.2021).

19. *Sukhankin S.* Russian Irregulars and PMCs in the ‘Heart’ of Europe: The Case of Kaliningrad Oblast // *The Jamestown Foundation*⁴. 2020. April 24. URL: <https://jamestown.org/program/russian-irregulars-and-pmcs-in-the-heart-of-europe-the-case-of-kaliningrad-oblast/> (дата обращения: 30.06.2021).

20. *Гуменюк Л. Г.* Трансформация приграничного сотрудничества Калининградской области // *Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений* : матер. IV междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2020. С. 48—53. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44417970_61049020.pdf (дата обращения: 30.06.2021).

21. *Стратегия* национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001202107030001?type=pdf> (дата обращения: 02.07.2021).

Об авторе

Юрий Михайлович Зверев, кандидат географических наук, доцент, кафедра туристического бизнеса, географии и пространственного планирования, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; старший научный сотрудник, Институт геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: YZverev@kantiana.ru

The author

Dr Yury M. Zverev, Associate Professor, Department of Tourism Business, Geography and Spatial Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Senior Researcher, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: YZverev@kantiana.ru

---

⁴ Генеральной прокуратурой РФ деятельность *The Jamestown foundation* (JF), («Джеймстаунский фонд») (США) на территории Российской Федерации признана нежелательной как представляющая угрозу основам конституционного строя и безопасности Российской Федерации.

УДК 911.9 (470.26)

И. С. Гуменюк⁵

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Невзирая на осложнения официальных отношений между Российской Федерацией и Европейским союзом, ни одна из сторон не заявляла о возможном прекращении сотрудничества по линии реализации программ приграничного сотрудничества. Калининградская область — активный участник данных программ и за последние 30 лет накопила богатый опыт в реализации разнообразных тематических проектов. В настоящее время можно сказать, что это один из немногих действующих форматов реализации приграничного сотрудничества между сопредельными странами, доказавший свою эффективность и устойчивость в том числе перед угрозами глобального уровня.

Despite the complications in official relations between the Russian Federation and the European Union, none of the parties announced the possible termination of cooperation in the implementation of burnouts in cross-border cooperation. The Kaliningrad region is an active participant in these programs, and over the past 30 years has accumulated rich experience in the implementation of various thematic projects. At present, we can say that this is one of the few existing formats for the implementation of cross-border cooperation between neighboring countries, which has proven its effectiveness and resilience, including against global threats.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, Калининградская область, страны ЕС, программы приграничного сотрудничества.

Keywords: cross-border cooperation, Kaliningrad region, EU countries, cross-border cooperation programs.

На всем протяжении современного периода истории Калининградской области характер сотрудничества с приграничными странами играл важную роль в социально-экономическом развитии региона. И если до 2004 г. пригранич-

ное сотрудничество определялось двусторонним характером отношений между Россией и сопредельными государствами (Литовская Республика и Республика Польша), то с момента их вступления в состав ЕС приграничное сотрудничество напрямую стало зависеть от диалога между Россией и ЕС. Невзирая на осложнения официальных отношений между Москвой и Брюсселем и отказ от некоторых форматов реализации приграничного сотрудничества (например, прекращение эффективно работавшего механизма приграничного передвижения между Россией и Польшей [1; 2] или фактическое прекращение работы ряда еврорегионов с российским участием [3]), программы приграничного сотрудничества продолжают реализовываться и предположительно будут продолжены на следующий программный период. Для Калининградской области участие в программах приграничного сотрудничества всегда было и продолжает оставаться стратегически важным инструментом не только для выстраивания международных отношений, но и для внутреннего социально-экономического развития.

Первые международные проекты в регионе начали реализовываться уже в 1992 г. и финансировались по линии Европейского союза из программы «ТАСИС» (программа технической помощи странам СНГ). Проекты действовали в таких отраслях, как сельское хозяйство, рыбная индустрия, энергосбережение, транспорт [4]. Важно уточнить, что в рамках данной программы вся поддержка российских партнеров оказывалась в формате грантов, а не кредитов. В целом в программе «ТАСИС» наряду с Калининградской областью принимало участие еще 57 субъектов Российской Федерации, которые за период действия программы с 1991 по 2006 г. приняли участие в 1500 проектов. В Калининградской области большая часть проектов носила исследовательских характер, среди инфраструктурных стоит выделить проект по строительству автомобильного пункта пропуска на российско-литовской границе в пос. Чернышевское (часть средств была выделена и из российского бюджета).

Если обратиться к информационно-аналитической базе данных «keer.eu», содержащей информацию о всех проектах и программах приграничного сотрудничества, реализуемых при финансовой поддержке ЕС, то можно отметить, что все программы и проекты принято делить на три периода: 2000—2006 гг., 2007—2013 гг., 2014—2020 гг. В каждом из этих программных периодов реализовывались разные программы приграничного сотрудничества, также существенно менялся и характер участия Калининградской области.

Всего в базе данных «keer.eu» зафиксировано 192 проекта, действовавших в период с 2000 по 2020 г. с участием организаций, представляющих Калининградскую область. Партнерская сеть всех проектов насчитывает 293 организации. Всего с участием представителей Калининградской области проекты реализовывались по 40 тематическим направлениям, наиболее популярные из которых представлены в таблице.

Наиболее популярные тематики проектов, реализованных в программах приграничного сотрудничества (2000—2020) с участием Калининградской области

Тематика	Число проектов
Культурное наследие и искусство	52
Институциональное сотрудничество и сетевое взаимодействие между институтами	48
Туризм	31
Обучение и образование	19
Строительство и реновация	17
Управление водными объектами	14
Региональное планирование и развитие	14
Здоровье и социальная сфера	14
Сотрудничество между местными сообществами	13
Кластерные инициативы и экономическое сотрудничество	12

Источник: составлено автором на основе [5].

Если анализировать различные программные периоды, то можно отметить, что наиболее разнообразным по числу реализуемых проектов и участия в разных программах для Калининградской области был период 2000—2006 гг. В этот период организации Калининградской области участвовали в 100 проектах (54 из них были запущены в предыдущий программный период, подробная информация по которому в базе данных отсутствует). При этом регион принял участие в реализации сразу 6 программ. Помимо основной для региона программы «ИНТЕРРЕГ III А» (программа соседства «Литва — Польша — Калининградская область РФ») проекты реализовывались в программах «ИНТЕРРЕГ III Б» («Регион Балтийского моря» и «Север») и «ИНТЕРРЕГ III С» (программы «Север», «Восток», «Запад»).

Всего в этот программный период было запущено 46 проектов (рис.), а наиболее популярными темами были «Институциональное сотрудничество и сетевое взаимодействие между институтами» и «Культурное наследие и искусство».

В следующий программный период (2007—2013) для организаций Калининградской области оказалась доступна только основная программа приграничного сотрудничества «ИНТЕРРЕГ IV А» «Литва — Польша — Россия» на 2007—2013 гг. Однако это не сказалось на активности калининградских участников, всего за данный программный период было реализовано 59 проектов в сотрудничестве с 85 партнерскими организациями. Тематическими лидерами

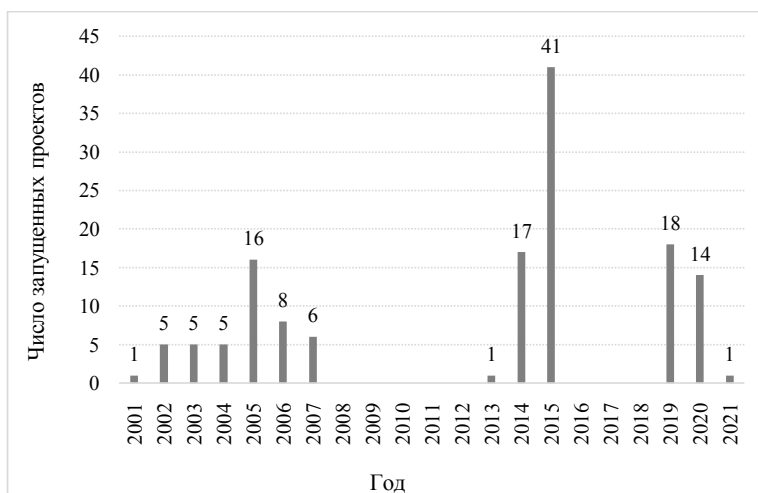

Рис. Проекты программ приграничного сотрудничества с участием Калининградской области, начатые в период 2001—2021 гг.

стали «Институциональное сотрудничество и сетевое взаимодействие между институтами» (24 проекта), «Строительство и реновация» (15) и «Культурное наследие и искусство» (14).

Последний на сегодняшний день программный период 2014—2020 гг., также характеризуется вариативностью программ, в которых принимают участие представители Калининградской области. Кроме основных для нашего региона программ «Россия — Польша» и «Россия — Литва» (данные двухсторонние программы пришли на смену трехсторонней программе, реализуемой в прошлые программные периоды) калининградские организации участвовали в реализации проектов программ ИНТЕРРЕГ VA «Карелия» и ИНТЕРРЕГ VB «Регион Балтийского моря». Начиная с 2018 г. (данный программный период, как и предыдущий, из-за бюрократических сложностей фактически был начат только в 2018 г., а последние проекты по предыдущему программному периоду были закончены на рубеже 2015—2016 гг.) было запущено 33 проекта. Основными тематическими приоритетами стали «Культурное наследие и искусство» (19) и «Туризм» (15).

Заключение

За последние 20 лет Калининградская область накопила большой опыт в реализации программ приграничного сотрудничества. Почти две сотни реализованных проектов сформировали устойчивую партнерскую сеть, пронизывающую государственную границу между РФ и странами ЕС, которая, к сожалению, за последние несколько лет обрела четкий тренд в сторону барьерности. И даже сложный во всех отношениях 2020 г. показал устойчивость данной партнерской сети, способной противостоять в том числе и глобальным вызовам,

одним из которых стала пандемия. Стоит также отметить, что за последние 20 лет программы приграничного сотрудничества прошли путь качественного развития, а также смену тематических приоритетов. Вместе с тем они никогда не отходили от своей главной идеи сотрудничества между местными сообществами в целях совместного развития социальных институтов, поддержания культурного наследия, формирования благоприятной и туристически привлекательной среды обитания по обе стороны границы.

Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзадаанию на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».

Список литературы

1. *Болычев О. Н., Гуменюк И. С., Кузнецова Т. Ю.* Роль местного приграничного передвижения в развитии розничной торговли в Калининградской области Российской Федерации и приграничных регионах Республики Польша // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 135—149.

2. *Гуменюк И. С., Кузнецова Т. Ю., Осмоловская Л. Г.* Местное приграничное передвижение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 97—117.

3. *Гуменюк И. С., Студзенецки Т.* Актуальное состояние еврорегионов с участием Калининградской области // Балтийский регион — регион сотрудничества : матер. III междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2019. С. 88—98.

4. *Иванова А. Г.* Программы технического содействия ЕС в Калининградской области // Регион сотрудничества. Вып. 1 (48). Калининградская область: международное сотрудничество. Калининград, 2006. С. 44—53.

5. *Информационно-аналитическая база данных* Keep.eu. URL: <https://keep.eu> (дата обращения: 21.09.2021).

Об авторе

Иван Сергеевич Гуменюк, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

The author

Dr Ivan S. Gumenyuk, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

Yu. V. Goncharova¹, J. Kurowska-Pysz²

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)

² WSB University in Dąbrowa Górnicza (Dąbrowa Górnicza, Poland)

TENDENCIES OF CROSS-BORDER COOPERATION DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN-POLISH AND RUSSIAN-LITHUANIAN BORDERLANDS

So far as the Kaliningrad region is a border area, the cooperation with the neighbouring countries is evidently a driver of regional development. Numerous studies are devoted to the study of cross-border cooperation of the Kaliningrad region with neighboring countries in various fields, but only a number of scientists observe the Interreg cross-border cooperation (CBC) programmes from the standpoint of their role in the development of cross-border cooperation and contribution to the socio-economic development of the participating municipalities.

The research objective has been to compare the results of implementation of the CBC programmes in different programme periods in order to summarize the degree of the participation of the municipalities of the Kaliningrad region and the development trends of the cross-border cooperation on the Russian-Polish and Russian-Lithuanian borderlands. The projects granted from the Lithuania — Russia Interreg Cross-Border Cooperation Programme 2014—2020 and the Poland — Russia Interreg Cross-Border Cooperation Programme 2014—2020 have been the research subject. In the research the authors used the methodology based on a desk research analysis (literature review, the previous authors research and reports regarding the implementation of the CBC programmes) as well as a quantitative analysis and qualitative research method (interviews conducted with the project executors). There were also interviews conducted with projects beneficiaries on the Lithuanian-Polish borderland in 2020 to compare the implementation procedures of the projects co-financed by the Interreg programme: the projects on the Lithuanian-Polish borderland with the projects of the CBC programmes «Poland-Russia» u «Lithuania-Russia». The authors also used the results of the official evaluation of the Interreg programmes made in 2018 and 2019 on the other European borders. The authors themselves participate in implementation of cross-border projects so an observation method is used as well.

The authors have identified the most active actors of cross-border cooperation from the Kaliningrad region and the border regions of Lithuania and Poland and have made a comparative analysis with the results of the previous CBC programmes. The research has recog-

nized the municipalities constantly participating in the projects, aimed at promoting social and economic development and strengthening international cooperation.

Although the catalysts and barriers of cross-border cooperation are generally similar on European borderlands, it is always a partners' interest to mitigate these barriers impact and develop the cross-border cooperation in the line with their interests and the borderland needs. Individual mechanisms of cross-border cooperation should be adjusted to the partners' current potential and resources.

Ввиду того что Калининградская область — приграничный регион, сотрудничество с соседними странами, несомненно, является драйвером регионального развития. Многочисленные исследования посвящены изучению приграничного сотрудничества Калининградской области со странами-соседями в различных областях, но только ряд ученых изучают программы приграничного сотрудничества (ППС) «ИНТЕРРЕГ» с позиции их роли в развитии приграничного сотрудничества и вклада в социально-экономическое развитие участвующих в них муниципалитетов.

Цель исследования — проанализировать и сопоставить результаты реализации ППС разных программных периодов с целью подведения итогов относительно степени участия муниципалитетов Калининградской области и тенденций развития приграничного сотрудничества в российско-польском и российско-литовском пограничье. Объект исследования — одобренные проекты программ приграничного сотрудничества ИНТЕРРЕГ «Литва — Россия 2014—2020» и «Польша — Россия 2014—2020». В статье авторы использовали методологию, основанную на вторичном исследовании (анализ литературы, предыдущие исследования авторов, отчеты о реализации ППС), а также методы количественного анализа и качественного исследования (интервью с исполнителями проектов). Также были проведены интервью с бенефициарами проектов на литовско-польском приграничье в 2020 г. для сравнения процедур реализации проектов, софинансируемых программой «ИНТЕРРЕГ»: литовско-польских с проектами в рамках программы «Польша — Россия» и «Литва — Россия». Использованы результаты официальной оценки программ «ИНТЕРРЕГ», проведенной в 2018 и 2019 гг. на других европейских границах. Сами авторы участвуют в реализации трансграничных проектов, поэтому метод наблюдения применяется в том числе.

Выявлены наиболее активные акторы приграничного сотрудничества из Калининградской области и приграничных регионов Литвы и Польши, результаты сопоставлены с результатами предыдущих ППС. Определены муниципалитеты с устойчивыми тенденциями участия в проектах, нацеленных на содействие социально-экономическому развитию.

Хотя на европейских пограничьях катализаторы и барьеры приграничного сотрудничества в целом схожи, партнеры всегда заинтересованы в смягчении воздействия этих барьеров и развитии приграничного сотрудничества в соответствии с их интересами и потребностями приграничных территорий. Конкретные механизмы приграничного сотрудничества должны быть адаптированы к имеющемуся потенциалу и ресурсам партнеров.

Keywords: cross-border cooperation, the Kaliningrad region, Lithuania, Poland, CBC programmes, INTERREG.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, Калининградская область, Литва, Польша, программы приграничного сотрудничества, ИНТЕРРЕГ.

Introduction

For each border region cross-border policy is an important factor supporting the development and building the relations with the neighbours. It causes the exchange and synergetic use of the recourses and strengthening the social inclusion of the neighboring societies. In the long-term perspective it builds the socio-economic relations between the neighbouring regions and supports their economies. The development of the cross-border cooperation within the framework of programmes and projects requires an involvement of the necessary resources and potentials of all the partners, in particular their financial resources. Recent studies assessing the cooperation development barriers in the borderlands indicate insufficient financial resources as one of the main obstacles, hindering the establishment of partnerships and joint projects implementation. For most of the partners e. g. self-governments and non-governmental organizations which implement cross-border projects without any profits, the financial support is necessary [1]. One should also mention the typical catalysts and barriers influencing cross-border cooperation. When we consider the factors supporting the cross-border cooperation based on the Interreg programmes, it is recognized that most partners prefer the cooperation only with one partner from the other side of the border. This cooperation model benefits the good knowledge about the partners' needs and their activities. For such partnership it is much easier to implement a cross-border project than for the partners who have never worked together yet. But on the other hand, this is a factor limiting the cross-border cooperation expansion. Another catalyst of cross-border cooperation is the partners' capacity to cover a project cost before the reimbursement. It means that entities willing to cooperation but unable to spend money for the project before its settlement has no formal possibilities co cooperate in the Interreg programme model. The third catalyst is just the possibility to gather European Union funds as a financial support for different entities. In this approach the cross-border cooperation is not a goal but only a mechanism leads to the goal. Taking this into account, one can point the partnerships settled only for one project. Supporting such partnership is a wasting of resources from the point of view of the European Union regional policy [2].

It should be also mentioned, that the cross-border project development is more difficult than the development of a typical project conducted by one partner. The joint projects (bilateral or multilateral) are implemented according to the rules defined in the cross-border cooperation programmes. For their implementation partners allocate funds from their own budgets and apply for external funds, primarily non-returnable,

i. e. subsidies. An additional benefit is that the results of the grant-based project (e. g. material and non-material results created as part of the project) are included in the assets of the beneficiaries after the project completion.

Very often, projects co-financed by grants are the instruments for implementation of specific policies conducted at the local, regional, national or international level, aimed at e. g. sustainable development, increase in innovation, development of human resources, etc. Grants are also a useful tool to support the European Union policies focused on the regional development [3].

For many years, the European Union has been implementing the cohesion policy, providing technical and financial support to the economically backward regions of the EU¹. These kinds of regions are some of the borderlands. The constant expansion of the European Union borders, results, inter alia, in increasing diversification of the regions development level. For many years, the European Union has placed a great emphasis on the socio-economic convergence, including the development of borderlands [4]. It manifests itself, inter alia, by integrating local communities of neighbouring countries and jointly solving problems on both sides of the border. These activities are supported, among others, by the European Regional Development Fund, thanks to the programmes operating under the name of European Territorial Cooperation [3, p. 107]. That provides the subsidies to the organizations operating at the internal borderlands of the European Union for the implementation of projects in partnerships. It significantly intensified inter-organizational cooperation in these areas, and gradually changed its models and directions of development [5]. Although in the past bilateral partnerships dominated, nowadays cooperation takes the form of alliances, clusters or networks, as such model fits best in the knowledge-based economy development [6]. That is why three-side projects are more and more developed especially on the borderland where three borders meet. The example is the borderland of Kaliningrad-Poland-Lithuania. This specific location encourages the network cross-border relations development on the borderland.

The idea of the EU to extend cohesion policy to neighbouring countries explains the emergence of the initiatives such as Interreg, Urban, Leader, Equal and the possibility of participation of non-EU candidate countries in the projects under these programmes. Therefore, it can be concluded that the Interreg programme is, among others, a catalyst for the inter-organizational cooperation development in the borderlands. One can say that the Interreg III programme (ended in 2006) was one of the most successful in that regard.

Launched in 1990, the Interreg programme was designed as a European Community initiative with a budget of just 1 billion euro, covering only cross-border cooperation and aimed at promoting integrated regional development between

---

¹ *Cohesion Policy*. Official website of the European Commission. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/what/glossary/c/cohesion-policy (accessed 02.08.2020).

neighbouring border regions. Later, Interreg was expanded to include transnational and interregional cooperation [7]. It co-finances the development of many activities aimed at the dynamization of cooperation between organizations of different formal status, cooperating within the internal border regions of the European Community, and promoting the creation and development of cooperation networks along the internal borders of the Union. An important goal of this cooperation is to strengthen the partnership relations between organizations operating in the borderlands and eliminate communication barriers between them. It is also about creating conditions for the transfer of knowledge and experience and the use of the common opportunities that open up to organizations representing the cooperating regions [8].

The implementation of the Interreg programme is carried out in three directions:
 Interreg III A — supporting cooperation between neighbouring border regions;
 Interreg III B — contributing to harmonious integration within the EU;
 Interreg III C — promoting the development of transnational cooperation.

The European Commission's report, «Wider Europe — Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours» states that «the EU should aim to develop a zone of prosperity and a friendly neighbourhood — a 'ring of friends' — with whom the EU enjoys close, peaceful and co-operative relations»². This policy was addressed to the EU's neighbours, as well as those who have become closer as a result of its enlargement. Thus, since the enlargement of the EU in 2004, the implementation of the European Neighbourhood Policy, designed to prevent the emergence of new dividing lines between the enlarged EU and its neighbours, begins. It is a three-stage process including³:

1. 2004—2006 — the implementation of the Neighborhood programmes;
2. 2007—2013 — the introduction of the European Neighborhood and Partnership Instrument (ENPI) through the implementation of CBC programmes;
3. 2014—2020 — the introduction of the European Neighborhood Instrument (ENI) through the implementation of the CBC programmes.

The Neighbourhood programmes were created to enhance cooperation opportunities for non-EU Member States, and unlike the Interreg programmes, they implied equal opportunities for participants on both sides of the border.

From 2004 to 2006 with the participation of Lithuania, Poland and the Kaliningrad region of the Russian Federation, 158 joint projects were successfully implemented within the Interreg III A Neighbourhood Programme Lithuania, Poland and Kaliningrad Region of the Russian Federation. It is important to note that organizations from small and medium-sized cities of the Kaliningrad region

² *Wider Europe — Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours*. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (accessed 01.08.2020).

³ *Evropejskaya politika sosedstva*. Portal «Sosedstvo ES». URL: <https://www.euneighbours.eu/ru/policy#evropejskaya-politika-sosedstva-eps> (accessed 01.08.2020).

began to take an active part. So, the leaders among the municipalities of the region were Ozersk, Gusevsk, Guryevsk, Chernyakhovsk and Svetlogorsk urban districts.

Since 2007, the Neighborhood programmes have been replaced by the CBC programmes and the Lithuania — Poland — Russia ENPI CBC Programme 2007—2013 was implemented in the Kaliningrad region at that time. The priority areas of cooperation were as follows: development of human potential (24 projects) and tourism development (16 projects). On the part of the Kaliningrad region, the most active municipalities were, as before, «Soviet urban district», «Ozersk municipal district», «Chernyakhovsk municipal district», and «City of Kaliningrad». In Lithuania, Klaipeda and Marijampole, and in Poland, the leading positions were occupied by organizations from Olsztyn, slightly ahead of Gdansk and Elblag.

Studies on cross-border cooperation have been quite extensive over the past 20 years. N. M. Mezhevich, D. A. Bolotov [9—11] and S. A. Tkachev [10; 11] are widely known Russian scientists making theoretical and practical researches in the field of cross-border cooperation in the North-West of Russia. They generally define the cross-border economic cooperation as a way to improve state and municipal governance and describe the factors of the effective development of cross-border cooperation. Their studies as well as the works of T. Palmowski [12; 13], G. M. Fedorov [12—14], Yu. M. Zverev [14], L. Gumenyuk [15], I. F. Selivanova [16], V. A. Kolosov [17], A. B. Sebentsov [18], M. Perkmann [7] constitute the theoretical and methodological basis of this article. Using their approach, the authors based the research on the qualitative methods, taking into account that the best way to recognize the cross-border cooperation problems is to investigate this issue in the borderland environment. E. V. Kudryashova L. A., Zarubina [19; 20], O. V. Tsvetkova [21—24], E. A. Shlapeko [25], S. V. Kondrateva [26] assess priorities of the CBC programmes and implemented projects on the Russian territory in detail and come to conclusions on creating new professional networks, raising awareness of common challenges [20], as well as the development of special forms of cross-border cooperation like cluster cooperation, giving impetus to the development of peripheral areas [21].

But few studies are focused on the contribution of CBC projects to social and economic development of the exclave Kaliningrad region. The experience of the municipalities of the Kaliningrad region and attempts to assess the significance of the implemented projects are described by Yu. V. Goncharova [27] and A. V. Belova [28; 29]. Yu. V. Goncharova concerns the issue of formation of a cross-border region on the three-parts borderland «Lithuanian-Polish-Russian» assessing mutual relations and individual cross-border cooperation problems. V. S. Korneevets and E. G. Kropinova [30; 31] monitor the CBC programmes with regard to tourism development, while I. S. Gumenyuk [32] is analyzing deeper the transport system ensuring accessibility of the Kaliningrad region to the neighbouring countries.

Methodological framework

The research problem of this paper has concerned the trends in cross-border cooperation on the three-side borderland (Russian-Polish-Lithuanian), particularly:

- the analysis of cross-border projects numbers submitted in specific periods,
- the analysis of cross-border projects topics,
- the analysis of cross-border partnership members formal status.

The research objective has been to compare the results of implementation of the CBC programmes in different programme periods in order to summarize the degree of the participation of the municipalities of the Kaliningrad region and the development trends of the cross-border cooperation in the Russian-Polish and Russian-Lithuanian borderlands.

The research has been done in 2019—2021 and its area has been the Russian-Polish-Lithuanian borderland but the authors also used the research conclusion related to the other three-side borderland: Polish-Czech-Slovak where some similar researches were previously made.

The research subjects have been the projects granted from the Lithuania — Russia Interreg Cross-Border Cooperation Programme 2014—2020 and the Poland — Russia Interreg Cross-Border Cooperation Programme 2014—2020.

To solve the research problem, the following research methods were used:

1. Desk research analysis:

- literature,
- the previous authors research and reports regarding the cross-border cooperation,
- the evaluation of the Interreg programmes made in the last 5 years on the other European borders,
- information on the official websites of the CBC programmes.

This method has been used to recognize the theoretical background of the research problems as well as support the empirical research results.

2. Quantitative basic analysis concerns the whole collection of the cross-border projects granted from the Lithuania — Russia Interreg Cross-Border Cooperation Programme 2014—2020 and the Poland — Russia Interreg Cross-Border Cooperation Programme 2014—2020. This method has been used to prepare some numerical comparative analyses between cross-border cooperation programmes.

3. Qualitative research method:

- interviews conducted with the executors of the analysed cross-border projects;
- interviews with projects beneficiaries on the Lithuanian-Polish borderland;
- the results of observation made by authors personally participating in a number of cross-border projects. This method has been used to deepen the analysis and identify the trends in cross-border cooperation on the three-side borderland (Russian-Polish-Lithuanian).

The authors have identified the most active actors of cross-border cooperation from the Kaliningrad region and the border regions of Lithuania and Poland and have

made a comparative analysis with the results of the previous CBC programmes. The authors also used the research regarding the Polish-Czech-Slovak (3-sides) borderland where cross-border cooperation is extended very well. Considering the barriers and catalysts influencing the cross-border cooperation between the Kaliningrad region and the border regions of Lithuania and Poland, the authors compared the cross-border projects implementation procedures in the Interreg programmes: Poland — Russia and Lithuania — Russia CBC Programmes with the Lithuania — Poland CBC Programme. Basing on the research results, the collection of conclusions and recommendations has been set up.

Lithuania — Russia Interreg CBC Programme 2014—2020

Despite the quarantine, 48 project applications were submitted under the 3rd call for proposals in April 2020⁴ (for comparison: there were 57 applications submitted under the 1st⁵ call and 46 under the 2nd⁶). Under the whole Programme, the largest number of applications (18) is implemented under priority 1.1. «Restoration and adaptation of historical and natural heritage, promotion of culture, cultural networking and tourism development». Twelve (12) projects — under priority 2.1 «Promotion of social inclusion and cooperation in cross-border cooperation region through improved health, social and education services and community-led initiatives»; and eight (8) — under Priority 3.1. «Promotion of cooperation between public authority institutions and strengthening local communities».

The largest number of the Russian organizations, acting as lead beneficiaries, are located in Kaliningrad and Zelenogradsk. In Lithuania, the leaders in the number of successful project applications are the Klaipeda region and the city of Klaipeda, and the Marijampole region. The significant projects carried out by public institutions and local municipalities are aimed at solving problems in the social sector. In this regard, Immanuel Kant Baltic Federal University and Klaipeda University are the most noteworthy educational institutions.

Distribution of projects implemented under individual priorities shows which cooperation areas are the most popular. As in other Interreg programmes, these are

---

⁴ *Tretij konkurs proektnyh predlozhenij v cifrah*. Oficialnyj sajt Programmy prigranichnogo sotrudnichestva Litva-Rossiya 2014—2020. URL: http://eni-cbc.eu/lr/data/public/uploads/2020/05/the_3rd_call_in_numbers_final_rus.pdf (accessed 20.06.2020).

⁵ *Novostnaya rassylka Programmy prigranichnogo sotrudnichestva Litva-Rossiya*. Oficialnyj sajt Programmy prigranichnogo sotrudnichestva Litva-Rossiya 2014—2020. URL: <http://eni-cbc.eu/lr/data/public/uploads/2018/05/ltru-novostnaja-rassylka-no-5.pdf> (accessed 20.06.2020).

⁶ *Novostnaya rassylka Programmy prigranichnogo sotrudnichestva Litva-Rossiya*. Oficialnyj sajt Programmy prigranichnogo sotrudnichestva Litva-Rossiya 2014—2020. URL: <http://eni-cbc.eu/lr/data/public/uploads/2019/08/ltru-novostnaja-rassylka-ru-vol-9-pdf.pdf> (accessed 21.06.2020).

activities related to the historical and natural heritage appreciation and used as a good potential for the tourism offer development. This is favored by the location in the Baltic Sea region and, on the other hand, by the specific location, which makes it possible for tourists to visit three countries: Russia, Lithuania and Poland. The most active in applying for funds are entities having extensive experience and sufficient financial resources to handle the project implementation process, which must first be financed by partners, and then they can count on a refund.

Poland-Russia Interreg CBC Programme 2014—2020

A total of 31 projects (including 28 regular and 3 large infrastructure projects) are being implemented in the Russian-Polish borderland.

Grant contracts were signed for 14 projects under the Thematic Objective (TO) «Heritage» including two infrastructure projects. The beneficiaries of the infrastructure projects are as follows: the administration of «Svetly urban district», the municipality of Malbork, the Ministry for Tourism of the Kaliningrad region, the administration of «Svetlogorsk urban district», the administration of «Pionersk urban district», the administration of «Zelenogradsk urban district», the Department of Tourism of the Marshal's Office of the Warmian-Masurian Voivodeship, and the European Foundation for Monuments Protection. Ten (10) projects are being implemented under the TO «Environment»; and five (4) regular and one (1) large infrastructure projects are under the TO «Accessibility». The infrastructure project is being implemented by the Voivodeship Road Administration in Olsztyn and the administration of the municipality of «Gusev urban district»⁷.

The beneficiaries from Poland are organizations from mainly the Szczytno powiat, Olecko district, and the cities of Gdansk, Olsztyn, Giżycko, Olecko, Elbląg, Elk, Olsztynek, Olsztyn and Młynary. In the Kaliningrad region, the project participants are mainly administrations of «Svetlogorsk urban district», «Sovetsk urban district», «Gusev urban district», «Zelenogradsk urban district», «Ladushkin urban district» and a number of public institutions which have been experienced and permanent beneficiaries in the CBC programmes for many years such as Immanuel Kant Baltic Federal University, Museum of the World Ocean, and «The Kaliningrad Zoo».

Conclusion

The structure of organizations participating in the two CBC programmes is distributed in a certain way: public institutions from each country are the most active participants, and the largest number of beneficiaries are from the Kaliningrad region,

⁷ *Projects*. Official website of the Poland-Russia Cross-Border Cooperation Programme 2014—2020. URL: <https://plru.eu/en/pages/48> (accessed 20.08.2021).

as it participates in the both programmes simultaneously. Active involvement of local administrations from the both sides of the border indicates the interest in developing cross-border cooperation at all levels and ensures the sustainability of the achieved results and their practical application.

When analysing the implementation of the cross-border projects under the Interreg programme, it should be underlined first that the level of partners' activeness depends directly on three factors at least: the possible areas of cooperation, the eligible entities and the amount of money available for the projects. It should be stated that most of the projects supported by these Interreg programmes are related to the historical and environmental assets therefore this group is the most popular cross-border activity. When we compare the both programmes, it is very visible that the amount of funds available for the Poland — Russia Interreg CBC Programme 2014—2020 is much less than for the Lithuania — Russia Interreg CBC Programme 2014—2020, and the number of cross-border projects is higher on the Russian-Lithuanian borderland. It can be caused by many reasons, but the authors can point out some typical of them:

1) language barriers and the administrative and law barriers e. g. differences between the national systems [33];

2) the low level of social integration of the neighboring societies, the differences in the regional and local strategies and plans of the socio-economic development as well as the other national and international programmes supporting similar activities that are more competitive as a financial support of the partner's needs because of: the higher level of financial support, the project pre-financing etc. [34];

3) the low competencies to plan and manage the cross-border projects and the difficulties to find the partner on the other side of the border with the similar needs and the coherent potential for the future cross-border cooperation as well as too narrow defined the areas of the potential cooperation [35].

Under two CBC programmes, the majority of projects are devoted to the development of tourism and new tourist destinations, as well as preservation of historical, cultural and natural heritage along both sides of the border. It is natural that the topics of cross-border cooperation should be suitable for the cooperating regions' assets and potentials, and be coherent with their individual strategies. On the other hand, when the potential areas of cooperation are defined as too narrow, they limit the possibilities of cooperation. Some of the partners, who want to cooperate, are not able to do this. One of the examples is the entrepreneurs who cannot be supported directly by the Interreg programme. However, it must not be forgotten that the excessive dispersion of the funds between different areas of activity often does not result in a very visible effect. Therefore, the concentration of inputs and expenses on the most important activities is necessary to achieve the expected results in a planned time. A good example is the Polish-Slovak border where, in the financial perspectives of 2004—2006, 2007—2013 and 2014—2020, the Interreg programme supports the development of tourism. It is precisely in this borderland, which has no potential for industrial development, that cross-

border tourism products are very successful, providing this area with a competitive advantage over other tourist regions.

The comparative analysis shows that for many years the leaders in terms of a number of the implemented projects are the municipalities of «Sovetsk urban district», «Zelenogradsk urban district» «Gusev urban district» and «City of Kaliningrad» (Russia); the Klaipeda and Marijampole regions and the Shilale district of Lithuania; and the city of Gdansk, Elbląg and Olsztyn in Poland. Meanwhile, we see a decline in the number of project beneficiaries from the both sides of the border.

It should not be forgotten that the Interreg programme is supposed to be used to initiate cross-border cooperation, but as the European Commission underlines, it must not be treated as the only one source of its financing in the long term. Unfortunately, such situations are often encountered when the partnership in projects is mainly based on joint fundraising. It has similar activities on both sides of the border and they are focused on their development without any true knowledge and experience exchange and then this partnership turns out to be as an apparent one. Then, after the project completion and meeting the requirement of sustainability maintenance, such partnerships disappear.

Over the last 2—3 years, the pace of cross-border cooperation development between the Kaliningrad region and the neighbouring regions of Lithuania and Poland in the framework of CBC projects has decreased, but it should not be considered as a consequence of the difficult epidemiological situation, which was announced only in March 2020. In 2020, projects have been successfully launched in the area, which does not include international events or foreign travels. However, it is evident that COVID-19 pandemic influenced the cross-border cooperation on many levels. For sure, it will have numerous consequences for future cross-border relations. It also will impact on the next Interreg programme 2021—2027 because the studies point to the several important changes in the cross-border cooperation.

During the early months of 2020, regional and local governments have embraced this role of social distancing supporter to varying degrees and have adopted a set of policies that they hope will increase the amount of mitigating behaviour beyond the levels that would arise from private responses alone. Most of the policies, that regional and local governments have pursued so far, emphasize such solutions as: issuing guidelines and safety information, closing various businesses and schools, banning group events, and issuing stay at home orders. These are not real activities counteracting the outbreak results, only the ways to mitigate its socio-economic consequences. In the border regions these decisions were not agreed with the neighbouring regions from the other side of the border [36].

These examples show that the prosperous development of border regions has been brutally challenged by the COVID-19 outbreak. The epidemic danger caused the closure of the Schengen area and endangered the order of a free European movement. Moreover, it imposed physical barriers on the EU internal borders. This made cross-border cooperation physically impossible or at least very difficult to implement.

Despite of an unpredictable situation due to COVID-19 outbreak, there are also some other possible reasons caused the decrease on the cross-border cooperation level in the last period. The authors admits that the reason for the weakened contacts may be the deterioration of relations between Russia and the EU at the political level, as well as the difficult procedure for preparing project proposals and even more complex mechanisms for the implementation of the projects themselves, requiring knowledge of the English language and political, legal and economic aspects of international cooperation. The practice of project implementation confirms that to achieve positive results it is required that all key project participants (politicians, government officials, members of the public and members of other organizations) are familiar with the basic rules of project activities and are involved in the project development process at the earliest stages. As the authors stated in the previous studies, all of the above problems impeding sustainable development of cross-border cooperation cannot be solved at present, despite the efforts of the Governments of the participating countries and attempts of the programme management to train project management to actors of international project activities. The authors can recommend the evaluations of the both Interreg programmes based on the good practices of the Czech-Polish, Polish-Slovak and Polish-Saxony Interreg programmes implementation, that were done by J. Kurowska-Pysz in the period of 2015—2019. These evaluations pointed some weak points of the bilateral cross-border cooperation on the both programmes and project levels and they supported the process of changing the Interreg programmes rules to make them more suitable to the real partners' needs. According to the evaluator recommendations, the following changes in these programmes were done:

- simplification of the application procedure,
- shortening the waiting time for the evaluation of the application,
- simplification of the settlement procedure,
- sharing good practices from cross-border cooperation with less experienced ones,
- introducing two types of training in the programmes: for beginners (basic level) and for experienced ones (advanced level).

Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзаданию на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».

References

1. *Kurowska-Pysz J.* Opportunities for cross-border entrepreneurship development in a cluster model exemplified by the Polish—Czech border region // Sustainability. 2016. № 8 (3). P. 1—21.

2. *Kurowska-Pysz J., Cargnin A. P., de Oliveira Lemos B., Rückert A. A.* The Assessment of the INTERREG VA Program: Support for the Polish-Slovak Cross-Border Projects // Cross-Border Cooperation (CBC) Strategies for Sustainable Development. IGI Global, 2020. P. 43—69.

3. *Hooper B., Kramsch O.* Cross-border governance in the European Union. Routledge, 2004.

4. *Romano N. C., Pick J. B., Roztocki N.* A motivational model for technology-supported cross-organizational and cross-border collaboration // *European Journal of Information Systems*. 2010. Vol. 19, № 2. P. 117—133.

5. *Smallbone D., Labrianidis L., Venesaar U. et al.* Challenges and prospects of cross border cooperation in the context of EU enlargement. Sixth Framework Programme. L., 2007. P. 87—122.

6. *Xia J.* Mutual dependence, partner substitutability, and repeated partnership: the survival of cross-border alliances // *Strategic Management Journal*. 2011. Vol. 32, № 3. P. 229—253.

7. *Perkmann M.* Cross-border regions in Europe. Significance and drivers of regional cross-border co-operation // *European Urban and Regional Studies*. 2003. Vol. 10, № 2. P. 153—171.

8. *Medeiros E.* The role of European Territorial Cooperation (ETC) in EU cohesion policy // *Medeiros E. (ed.) European Territorial Cooperation*. Springer, Cham., 2018. P. 69—93.

9. *Mezhevich N. M., Bolotov D. A.* Inter-municipal international cooperation as a way to improve state and municipal governance: the experience of the Leningrad region // *Vestnik fakulteta upravljeniya SPbSEU [Bulletin of the Faculty of Management of SPbSEU]*. 2017. № 1—1. P. 105—109 (In Russ.).

10. *Tkachev S. A., Bolotov D. A., Mezhevich N. M.* Near border cooperation in the regional social-economic development: the theory, Russian practice // *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional problems of economic transformation]*. 2016. № 1 (63). P. 87—93 (In Russ.).

11. *Tkachev S. A., Bolotov D. A., Mezhevich N. M.* Near-border cooperation in the North-Western Federal district: the theory and practice in the conditions of foreign policy and international business limitations // *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional problems of economic transformation]*. 2015. № 12 (62). P. 137—145 (In Russ.).

12. *Palmowski T., Fedorov G.M.* The development of a Russian-Polish cross-border region: the role of the Kaliningrad agglomeration and the tri-city (Gdansk-Gdynia-Sopot) // *Balt. Reg.* 2019. Vol. 11, № 4. P. 6—19.

13. *Palmowski T., Fedorov G.M.*, Russian-Polish borderland: problems and prospects for the development of cross-border relations // *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Research]*. 2020. № 2. P. 178—191 (In Russ.).

14. *Fedorov G., Korneevets V., Zverev Ju.* Obwod Kaliningradzki // *Palmowski T. Pograniczne polsko-rosyjskie. Problemy współpracy transgranicznej z Obwodem Kaliningradzkim*. Gdynia ; Peplin, 2007. P. 142—211 (In Polish).

15. *Gumenyuk L.* Geographic features of transboundary cooperation of border regions of Russia // *Perspektivy socialno-ekonomicheskogo razvitiya prigranichnyh regionov. Materials of the V Scientific Conference with International Participation*. 2018. P. 63—68 (In Russ.).

16. *Selivanova I. F.* Eastern Direction of the EU Neighborhood Policy // *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world]*. 2008. № 2 (59). P. 97—112 (In Russ.).

17. *Kolosov V. A.* Rossijskoe pogranichie: vyzovy sosedstva [Russian Borderlands: Neighborhood Challenges]. M., 2018 (In Russ.).

18. *Sebentsov A. B.* Institutional dimension of the cross-border cooperation in the Russia borderland // *Regionalnye issledovaniya [Regional Studies]*. 2018. № 3 (61). P. 66—75 (In Russ.).

19. *Kudryashova E. V., Zarubina L. A.* International projects as a tool of regional development and cooperation enhancement (case of Arkhangelsk region participation in Kolarctic CBC programme) // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i socialnye nauki [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series of Humanities and Social Sciences]*. 2018. № 6. P. 88—97 (In Russ.).

20. *Zarubina L. A., Kudryashova E. V.* Cross-border cooperation programmes as a resource of social and economic development of Barents region (case of ENPI Kolarctic programme) // *Sovremennaya Evropa [The Modern Europe]*. 2019. № 4 (90). P. 85—97 (In Russ.).

21. *Tsvetkova O. V.* Cross-border cooperation of border regions of the Russian Federation // *Politichesky nauchny zhurnal [PolitBook Political Science Journal]*. 2016. № 4. P. 96—107 (In Russ.).

22. *Tsvetkova O. V.* The role of local government and inter-municipal cooperation in the development of border territories of the Russian Federation (the example of Rskov region) // *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [The political expertise. POLITEX]*. 2017. Vol. 13, № 2. P. 65—76 (In Russ.).

23. *Tsvetkova O. V.* The territories of cross-border cooperation: current state and trends of Kaliningrad region development // *Politicheskaya nauka [The Political Science]*, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, special issue. M., 2017. P. 278—289 (In Russ.).

24. *Tsvetkova O. V., Karandeev M. R.* Approaches to the study of cross-border cooperation: theoretical and methodological basis // *Vestnik Rossijskoj nacii [The Bulletin of the Russian National Science]*. 2018. № 3 (61). P. 228—239 (In Russ.).

25. *Shlapeko E. A.* Special features of cross-border cooperation in the Republic of Karelia and the Pskov region // *Aktualnye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo [The Actual problems of our time: science and society]*. 2019. № 4 (25). P. 3—6 (In Russ.).

26. *Kondrateva S. V.* International project activities in the development of regional tourism: Karelian practice // *Pskovskij regionologicheskij zhurnal [Pskov Regional Journal]*. 2020. № 3 (43). P. 107—116 (In Russ.).

27. *Goncharova Yu. V.* On trends in the development of cross-border cooperation in the Kaliningrad region of the Russian Federation // *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i medicinskie nauki [The Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series of Natural and Medical Sciences]*. 2019. № 2. P. 22—34 (In Russ.).

28. *Belova A. V.* Effectiveness of cooperation of the Kaliningrad region of the Russian Federation with the Baltic countries and Poland in the framework of joint international projects // *Pribaltijskie issledovaniya v Rossii. Materials of the International Scientific Conference.* 2016. P. 12—17 (In Russ.).

29. *Belova A. V.* Semi-medium-sized cities of North-West Russia as drivers for regional development // *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i medicinskie nauki [The Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series of Natural and Medical Sciences].* 2018. № 4. P. 65—74.

30. *Korneevets V. S., Kropinova E. G.* The «Lithuania-Poland-Russia» neighbourhood programme in the framework of the formation of the cross-border tourism region in the south-eastern Baltic and the promotion of the sustainable development of the territory // *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta [The Bulletin of the Immanuel Kant Russian State University].* 2010. № 7. P. 152—156 (In Russ.).

31. *Kropinova E. G.* Cooperation between Russia and the EU in the field of innovative development of tourism: the case of the Lithuania — Poland — Russia cross-border cooperation programme // *Balt. Reg.* 2013. № 4 (18). P. 48—57.

32. *Gumenyuk I. S.* Transport policy in cross-border cooperation programs: Kaliningrad oblast practice // *Regionalnye issledovaniya [Regional Studies].* 2018. № 3 (61). P. 84—91.

33. *Kurowska-Pysz J., Castanho R. A., Naranjo Gómez J. M.* Cross-border cooperation: the barriers analysis and the recommendations // *Polish Journal of Management Studies.* 2018. Vol. 17. № 2.

34. *Kurowska-Pysz J., Wróblewski Ł., Szczepańska-Włuszczyna K.* Identification and assessment of barriers to the development of cross-border cooperation // *Innovation Management and Education Excellence through Vision 2020. Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference.* Milan, 2018. P. 3317—3327.

35. *Kurowska-Pysz J., Szczepańska-Włuszczyna K., Štverková H., Kašík J.* The catalysts of cross-border cooperation development in Euroregions // *Polish Journal of Management Studies.* 2018. Vol. 18, № 1.

36. *Gupta S., Nguyen T. D., Rojas F. L. et al.* Tracking public and private response to the covid-19 epidemic: Evidence from state and local government actions // Home page of the National Bureau of Economic Research. URL: <https://www.nber.org/papers/w27027> (accessed 12.08.2020).

The authors

Yuliya V. Goncharova, Engineer, Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IUBaranova@kantiana.ru

Dr Joanna Kurowska-Pysz, Associate Professor, Director of the Research Institute on Territorial and Inter-Organizational Cooperation, WSB University in Dąbrowa Górnicza, Poland.

E-mail: jkurowska@wsb.edu.pl

Об авторах

Юлия Владимировна Гончарова, инженер, Институт геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IUVaranova@kantiana.ru

Йоанна Куровска-Пыш, доцент, директор Института исследований территориального и межинституционального сотрудничества, Высшая школа бизнеса в Домброва-Гурничей, Польша.

E-mail: jkurowska@wsb.edu.pl

УДК 338.48(911:33+332.1)

Е. Г. Кропинова¹, А. Ю. Анохин¹, Н. А. Боровик¹

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Сельский туризм в 2021 г. стал объектом особо пристального внимания со стороны как обычных граждан, так и представителей органов власти и предпринимательских кругов. Это можно объяснить, во-первых, ростом спроса на отдых вблизи мест проживания, во-вторых, закреплением этого вида туристической деятельности на законодательном уровне. Целью работы является выявление перспективных форм сельского туризма и оценка потенциала их развития на территории Калининградской области. Рекомендации по совершенствованию даны с учетом государственной политики поддержки этого направления туризма.

Rural tourism in 2021 has become the object of special attention from both ordinary citizens and representatives of government and business circles. This can be explained, firstly, by the growing demand for recreation near places of residence. Secondly, this is due to the consolidation of this type of tourist activity at the legislative level. The aim of the work is to identify promising forms of rural tourism and assess the potential of their development on the territory of the Kaliningrad region. Recommendations for improvement are given taking into account the state policy to support this direction of tourism.

Ключевые слова: сельский туризм, сельские территории, приморская зона, экологический туризм, Калининградская область, устойчивое развитие.

Keywords: rural tourism, rural areas, coastal zone, ecological tourism, Kaliningrad region, sustainable development.

Место сельского туризма среди других форм туризма

Согласно определению, предложенному в Законе об основах туристской деятельности, в Российской Федерации под сельским туризмом понимается «посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до

тридцати тысяч человек в целях отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни, ознакомления с деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью предоставления услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг»¹.

Сельский туризм относят к природоориентированным видам деятельности. Природоориентированность нашла отражение в определении сельского туризма, разработанном и закрепленном в законе «О туристской деятельности в Калининградской области»: «Сельский туризм — туризм, ориентированный на ознакомление со спецификой (с особенностями) местного сельскохозяйственного природопользования, традиционным деревенским бытом и создающий экономические предпосылки для развития дружественных природе методов ведения сельского хозяйства» (введено поправками в Закон от 19.07.2000 г. № 220).

Сельский туризм является своего рода альтернативной по отношению к массовому туризму, который стал менее популярным еще в докоронавирусную эпоху, а в период пандемии — практически запрещенным. Несмотря на то что сельский туризм отличается от экотуризма, социально-культурного, приключенческого и активного туризма, он имеет с ними общие черты (особенно с экотуризмом, поскольку оба эти направления часто относят к альтернативным (устойчивым) видам) [1; 2]. Такой подход позволяет обозначить место сельского туризма среди других его видов следующим образом (рис. 1).

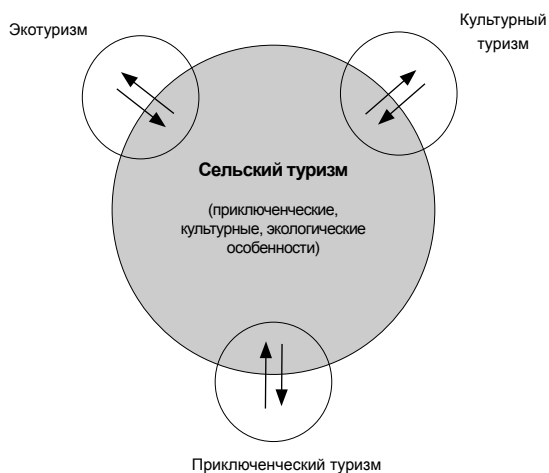

Рис. 1. Место сельского туризма среди других «альтернативных» форм туризма [1, р. 32, с авторскими модификациями]

¹ Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»: федер. закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В условиях после пандемии коронавируса наблюдается переход от массового обслуживания в туризме к более дифференцированному, клиентоориентированному. Появляется интерес к туристским ресурсам, расположенным в непосредственной близости от места постоянного проживания, что создает дополнительный стимул для внутреннего туризма. Интенсивное развитие малых средств размещения, сопровождаемое синхронным развитием средств рекреации повышает attractiveness малоосвоенных территорий и создает устойчивый локальный турпоток (в условиях Калининградской области также и трансграничный).

В Калининградской области помимо приморской зоны наиболее динамично развивающимися являются территории, прилегающие к Куршскому заливу [3], а также районы вблизи оз. Виштынец [4]. Таким образом, есть возможность формирования турпродукта для локального потребления и отчасти въездного туризма в силу трансграничности указанных территорий. Описанные компоненты представляют собой рассредоточенную управляемую подсистему кластерной структуры формирования турпродукта. Управляющей (интегрирующей) подсистемой выступают информационные системы, формирующие продвижение данного продукта на региональный и межрегиональный туристский рынок: местные администрации и их электронные ресурсы, туристско-информационные центры, системы стендов с визуальной информацией, туроператорские и турагентские компании региона, а в условиях посткоронавируса, по всей видимости, и сами потребители.

Социально-культурные факторы развития сельского туризма на территории Калининградской области

Проведем анализ потенциала для развития сельского туризма на территории Калининградской области по ключевым социокультурным факторам развития.

Наличие малых и средних хозяйств, способных принимать туристов

В настоящее время каждый пятый житель проживает в сельской местности [5]. Согласно данным аналитического доклада, подготовленного по заданию Фонда поддержки малого и среднего предпринимательства Калининградской области, 137 сельских домов специализируются на приеме туристов (по состоянию на 2016 г.) [6].

Развитие традиционных видов деятельности

Для Калининградской области основными видами традиционной деятельности являются рыболовство, сыроварение, пивоварение и коневодство. Территория Полесского и Славского районов богата рыбными угодьями [7]. Основное

место рыбной ловли для жителей этих муниципалитетов — Куршский залив. Жители других районов приезжают сюда для покупки рыбы, приготовленной традиционным способом на коптильнях. Отдельный интерес вызывает плетение сетей, с традициями которого можно познакомиться в пос. Рыбачий Зеленоградского района, а также на территории рыболовецкого колхоза в пос. Заливино Полесского района. Перспективным направлением для Полесского района можно назвать пивоварение — в настоящее время происходит «второе рождение» пивоварни в г. Полесске (до Второй мировой войны здесь работала немецкая пивоварня, в советское время ее здание было превращено в зернохранилище, сейчас инициативная группа горожан вновь создает объект гастрономического туризма). Сыроварение получило развитие во многих районах области. Например, в г. Советске (до войны — Тильзит) популярностью пользуется сыроварня «Тильзит-Рагнит», следующая традициям (всем знаком сорт сыра «Тильзитер»).

*Благоприятные институциональные условия для развития
малого и среднего предпринимательства в сельской местности*

На уровне государства самое значительное достижение — законодательное закрепление сельского туризма (см. выше). С 1 января 2022 г. в силу вступит федеральный закон от 02.07.2021 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и статью 7 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства»². При этом в рамках закона предусмотрена поддержка деятельности, связанной с оказанием услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг в рамках господдержки развития сельского хозяйства. Примером проведения политики по поддержке государством этого направления стал федеральный грант «Агротуризм» (анонсирован в 2021 г.), предусматривающий поддержку малых сельскохозяйственных товаропроизводителей вне зависимости от формы собственности в виде грантов на реализацию проектов сельского туризма.

На уровне региона за период 2012—2021 гг. получателем региональной грантовой поддержки стало каждое третье фермерское хозяйство и каждый четвертый кооператив из числа действующих. Эта политика продолжается и в 2021 г., когда гранты по направлению «Агростартап» получили 12 новых хозяйств, а также 3 семейные фермы, 3 хозяйства, реализующие приоритетные направления аграрного производства, 3 сельскохозяйственных потребительских кооператива. В 2021 г. на поддержку малых форм хозяйствования направлено 169,7 млн рублей, что на 27% больше, чем в 2020 г.³.

---

² Принят закон о развитии сельского туризма. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Для фермеров вводится новая мера государственной поддержки // Правительство Калининградской области. URL: <https://gov39.ru/press/288616/> (дата обращения: 04.09.2021).

Несмотря на то что поддержка была направлена непосредственно на сельхозпроизводство, это способствует росту общего уровня благосостояния жителей сельских территорий, стимулирует прочие формы предпринимательской деятельности.

Значительная помощь оказывается на уровне консалтинга. Так, в ноябре 2020 г. в регионе создан туристский кластер Калининградской области, в деятельность которого включены и сельские усадьбы, и прочие организации, оказывающие услуги в сфере сельского туризма.

Проведение культурных и развлекательных мероприятий

Предприниматели, реализующие услуги сельского туризма, активно создают культурно-развлекательные мероприятия, привлекая туристов на свои усадьбы. В этом направлении отмечается активная кооперация в Нестеровском районе. В качестве примера можно привести фестиваль «Вкусы Виштынецкой возвышенности», организованный летом 2021 г. в рамках гранта международной научно-исследовательской компании *Corteva Agriscience*. Каждый выходной десятки людей приезжают в достаточно отдаленный от центра регион для знакомства с местной кухней. Мероприятие проходит в виде кулинарного фестиваля, в котором участвуют различные рестораны и кафе региона.

Наличие подготовленного человеческого потенциала (владельцев хозяйств), владеющего основами гостеприимства

Центр поддержки предпринимательства Калининградской области проводит обучение основам предпринимательства в очном и заочном (онлайн) форматах. В 2016 г. издана «Азбука агротуризма» — учебно-методическое пособие для будущих предпринимателей. В начале 2000-х гг. реализовывались поездки для изучения успешного опыта организации сельского туризма в Финляндию, Литву, Польшу, Швецию.

Развитие дополнительных видов туризма (спортивный, культурно-познавательный, приключенческий, экологический туризм)

Калининградская область обладает значительным потенциалом развития экскурсионного, познавательного, экологического, событийного туризма [8].

Культурно-историческое наследие представлено археологическими памятниками, знаковыми для России местами, связанными с важными историческими событиями.

Богатейшие природные ресурсы региона создают необходимые предпосылки для развития водного, спортивного, рекреационного, приключенческого

(охота, рыбалка, спуск на плотках, лодках, катамаранах и т. д.), молодежного туризма, «отдыха выходного дня», веломаршрутов. Реализация международного проекта «От косы до косы» позволит включить Калининградскую область в трансграничные маршруты «Евровело».

Развитие сопряженных видов деятельности

В сельской местности активно ведется работа по развитию и других видов деятельности. Туризм станет дополнительным источником поступления денежных средств в бюджеты сельских муниципалитетов, поскольку туристская деятельность прямо или косвенно будет стимулировать развитие еще около 50 хозяйственных отраслей⁴.

Благоприятная социальная среда, безопасная для пребывания туристов

Разработан национальный стандарт российской федерации «Туристские услуги. Проектирование туристских услуг» (введен 21.07.2011 г.), определяющий способ реализации туристских услуг, организационных и технологических мероприятий, осуществляемых в процессе обслуживания туристов. Подготовлены «Рекомендации стратегического характера по развитию сельского туризма в Калининградской области на период до 2020 года» (2013). Дана оценка агротуристическому потенциалу и создан каталог сельских хозяйств на территории муниципальных образований Калининградской области [6]. Муниципальные и региональные информационные туристские центры предоставляют информацию об отдыхе в сельской местности и продвигают данный вид услуг.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в Калининградской области сформировалась оптимальная институциональная среда для сельского туризма, опирающаяся на природные ресурсы и социокультурные факторы. Однако развитие данного вида туризма идет неравномерно на территории области. В значительной степени успехи зависят от человеческого фактора и наличия предпринимательских способностей у поставщиков этих услуг. Последние активные тренинги по ведению предпринимательства для целей туризма в сельской местности проводились в начале 2000-х гг. В качестве рекомендаций для органов регионального и местного самоуправления стоит отметить необходимость наряду с предпринимаемыми

---

⁴ В России будет создан «сельский туризм» // Дума ТВ. URL: <https://dumatv.ru/news/v-rossii-budet-sozdan--selskii-turizm> (дата обращения: 02.07.2021).

мерами по финансовому стимулированию уделить внимание подготовке кадров и организации инфраструктуры общего пользования в сельской местности (парков развлечений, аттракционов, улучшение качества дорог и транспортного сообщения).

Исследование выполнено под эгидой программы «ERA. Net RUS plus» при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-55-76003.

Список литературы

1. *Ecotourism: an introduction* / D. A. Fennel (ed.). Routledge, 1999.
2. *Agro- and Rural Tourism in the Baltic Sea region. A Growing Sector* // L. Rydén, I. Karlsson (eds.) *Rural Development and Land Use: Ecosystem Health and Sustainable Agriculture 3*, The Baltic University Programme. Uppsala University, 2012. P. 130—140.
3. *Anokhin A., Kropinova E. Principles of sustainable development for rural tourism synergy* // E3S Web of Conferences. Yekaterinburg, 2020. P. 05017. doi: 10.1051/e3s-conf/202020805017.
4. *Кропинова Е. Г. Комплексный подход при планировании и управлении трансграничными туристскими кластерами (на примере российско-литовского-польского трансграничного туристско-рекреационного региона, прилегающего к оз. Виштынецкое)* // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2016. Т. 10, № 1. С. 128—134. doi: 10.12737/17793.
5. *Федоров Г. М. Об усилении территориальной дифференциации сельского населения и аграрного сектора экономики Российской Федерации* // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*. 2021. № 2. С. 5—22.
6. *Азбука агротуризма Калининградской области* / Фонд поддержки предпринимательства Калининградской области. Калининград, 2016.
7. *Природа Калининградской области. Ландшафты. Особо охраняемые природные территории* : справочник / сост. В. А. Медведев, Ф. Е. Алексеев. Калининград, 2013.
8. *Emelyanova L. L., Kropinova E. G., Voloshenko K. J. The integrated approach to sustainable development of rural areas: The case for the agricultural sector in the Kaliningrad region of the Russian Federation* // *International Journal of Agricultural Resources, Governance and Ecology*. 2015. Vol. 11, № 2. P. 158—177. doi: 10.1504/IJARGE.2015.072900.

Об авторах

Елена Геннадиевна Кропинова, доктор географических наук, профессор кафедры туристического бизнеса, географии и пространственного планирования, Институт экономики, управления и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: kropinova2@mail.ru

Алексей Юрьевич Анохин, кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристического бизнеса, географии и пространственного планирования, Институт экономики, управления и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: edel_veis@rambler.ru

Наталья Александровна Боровик, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: orhidea_95@mail.ru

The authors

Prof. Elena G. Kropiniva, Department of Tourism Business, Geography and Spatial Planning, Institute of Economics, Management and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: kropinova2@mail.ru

Dr. Aleksei Yu. Anokhin, associate professor of the Department of Tourism Business, Geography and Spatial Planning, Institute of Economics, Management and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: edel_veis@rambler.ru

Natalia A. Borovik, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: orhidea_95@mail.ru

А. А. Михайлова¹, Д. В. Хвале́й¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УРБАНИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДА

Динамика и характер процесса цифровизации тесно связаны с уровнем социально-экономического развития территориальной общественной системы, в границах которой он протекает. Исследования, посвященные проблемам внедрения цифровых технологий, указывают на цифровой разрыв между отдельными группами населения, обусловленный не только их личностными характеристиками (возрастом, полом, образованием, цифровой грамотностью, доходом и др.), но и разницей в месте проживания (например, городе или деревне). Цель данной статьи — оценить цифровую неоднородность урбанистического пространства города. Исследование проведено на материалах административно-территориального центра Калининградской области — города Калининграда, и охватывает три городских района: Московский, Центральный и Ленинградский. На основе анализа динамики некоторых важнейших показателей социально-экономического развития и цифровизации сделан вывод о высокой зависимости плотности интернет-покрытия и динамики численности жителей и работников в разрезе внутригородских районов.

The dynamics and nature of digitalization are closely related to the level of socio-economic development of the territorial social system it takes place in. Studies devoted to the problems of introducing digital technologies indicate a digital divide between certain groups of the population, caused not only by their personal characteristics (age, gender, education, digital literacy, income, etc.), but also by the difference in place of residence (for example, a city or village). The purpose of this article is to assess the digital heterogeneity of the urban space of the city. The study was carried out on the materials of the administrative-territorial center of the Kaliningrad region — the city of Kaliningrad, and covers three urban districts: Moscovsky, Centralny and Leningradsky. Based on the analysis of the dynamics of some of the most important indicators of socio-economic development and digitalization in the context of intracity districts, it was concluded that there is a high interdependence of the density of Internet coverage and the dynamics of the number of residents and employees.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровой разрыв, район города, интернет-покрытие, социально-экономическая неоднородность.

Keywords: digital transformation, digital divide, city district, internet coverage, socio-economic divergence.

Введение

Проблема цифровизации вошла в актуальную повестку многих стран и регионов: разрабатываются и внедряются национальные и наднациональные стратегии цифрового развития, которые включают не только план по формированию информационно-коммуникационной инфраструктуры и цифровизации аналоговых процессов, но и цифровую трансформацию системы государственного управления, экономики и общества в целом. Результаты целого ряда исследований [1—3] подтверждают наличие связи между проникновением цифровых технологий и экономическим благосостоянием населения. При этом общей для большинства национальных правительств является проблема сокращения цифрового разрыва между отдельными регионами и группами населения внутри страны [4; 5]. Глубина интеграции жителей в национальное цифровое пространство обусловлена комплексом факторов социально-экономического, территориального, демографического, культурного и иного характера, однако первостепенное значение имеет уровень жизни и образования [1; 2].

Данная статья направлена на рассмотрение связи цифровизации и социально-экономического развития районов города. Исследование выполнено на материалах города Калининграда — административно-территориального центра (города областного значения) Калининградской области России, представляющего значительный интерес в качестве объекта для изучения трансформации городского пространства.

Методика исследования

В основу исследования легла гипотеза о том, что цифровое пространство города — неоднородно и городские районы с более высоким уровнем социально-экономического развития будут иметь более высокие показатели цифровизации. Для проверки данной гипотезы решались две исследовательские задачи: во-первых, оценка динамики важнейших статистических показателей социально-экономического положения административных районов города; во-вторых, оценка внутригородского разрыва в уровне проникновения цифровых технологий.

Объектом исследования выступили районы города Калининграда — административно-территориального центра Калининградской области России. Деление города на внутригородские административные районы закреплено законом Калининградской области «Об административно-территориальном

устройстве Калининградской области» от 27 мая 2010 г. (в ред. от 22.12.2020 г. № 499). В состав третьего уровня классификации объектов административно-территориального деления входят три внутригородских административных района: Ленинградский, Московский, Центральный. До реорганизации районных администраций Калининград имел пять административных районов: дополнительно выделялись Балтийский (вошел в Московский) и Октябрьский (вошел в Центральный) районы (рис. 1).

Рис. 1. Внутригородские административные районы Калининграда

Источник: разработано авторами на основе [6].

Первая задача решалась путем проведения количественного анализа основных статистических показателей, характеризующих развитие экономики и социальной сферы в разрезе районов города (табл. 1).

Таблица 1

Методика оценки социально-экономического развития районов города

Показатели	Временной период / источник данных
Экономические	
Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) хозяйствующих субъектов, не включая организации, средняя численность работников которых не превышает 15 человек	2002—2018 / Калининградстат
Среднемесячная заработная плата работников хозяйствующих субъектов, не включая организации, средняя численность работников которых не превышает 15 человек	2002—2018 / Калининградстат
Распределение хозяйствующих субъектов по видам экономической деятельности	По состоянию на 01.01.2018 г. / Калининградстат

Показатели	Временной период / источник данных
Социальные	
Численность и распределение населения по полу и возрасту	2002—2019 / Калининградстат
Миграционный прирост	2002—2018 / Калининградстат
Распределение населения по уровню образования (послевузовское профессиональное, высшее профессиональное, среднее профессиональное, среднее (полное) общее, основное общее, начальное общее)	2010 / Всероссийская перепись населения [7]

В качестве показателей цифровизации внутригородских районов Калининграда использованы геоинформационные данные об интернет-покрытии их территории стандартами 4G и 4G+ крупнейшего оператора региона «Мегафон» по состоянию на 2021 г. (рис. 2), а также распределение предприятий по виду экономической деятельности «Деятельность в области информации и связи» по состоянию на 01.01.2018.

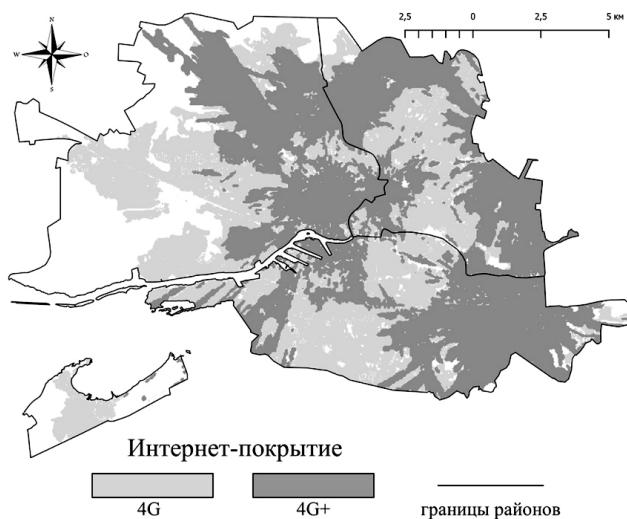

Рис. 2. Интернет-покрытие стандартами связи 4G и 4G+ внутригородских районов Калининграда, 2021 г.

Источник: разработано авторами на основе данных [8].

Социальное развитие внутригородских районов Калининграда

Калининград — активно развивающийся город России с ежегодным приростом населения. В период 2002—2020 гг. среднегодовая численность его жителей выросла на 14,8 % и в 2020 г. составила 491,3 тыс. человек [9]. Распределение населения между внутригородскими районами в 2002—2018 гг. достаточно стабильно: Ленинградский — 37 % (в 2002 г. — 35 %), Московский — 35 % (в 2002 г. — 36 %), Центральный — 28 % (в 2002 г. — 29 %). Рисунок 3 демонстрирует динамику миграционного прироста населения в разрезе внутригородских районов Калининграда в новых и старых границах. После 2010 г. во всех районах города отмечен рост населения, однако динамика миграционного прироста имеет разные тенденции. Для Центрального и Ленинградского районов наиболее высокий миграционный приток жителей был характерен в 2010—2014 гг., для Московского района — с 2015 г., что согласуется с динамикой их жилищной застройки.

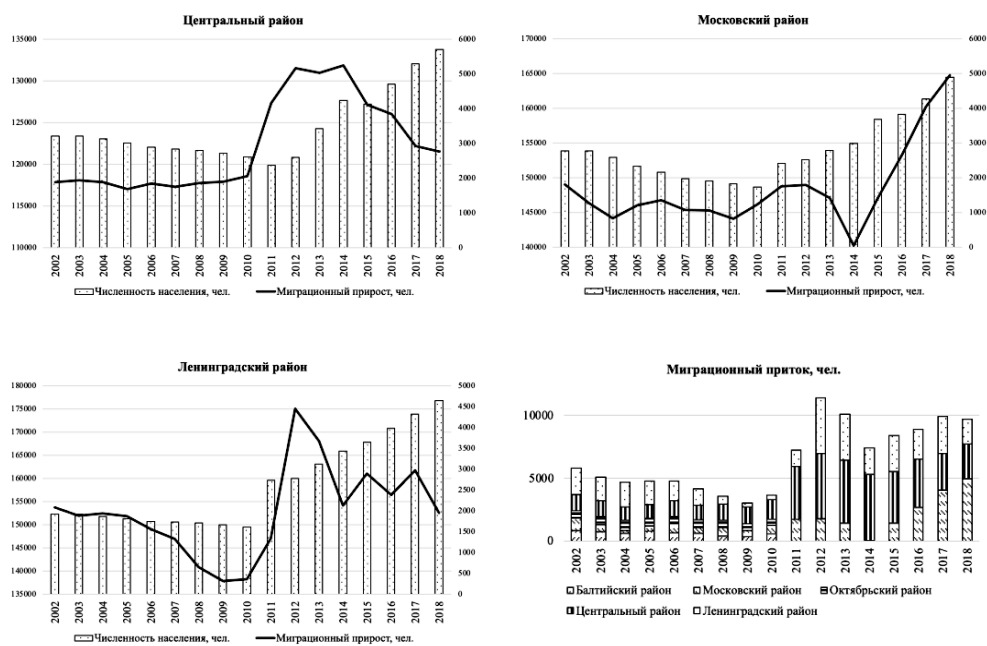

Рис. 3. Динамика численности и миграционный прирост населения внутригородских районов Калининграда в новых и старых границах, 2002—2018 гг.

Примечание: без учета мигрантов, не указавших район Калининграда, в который прибыли и из которого выбыли.

Источник: составлено авторами по данным Калинингратстата.

В таблице 2 показано изменение численности населения внутригородских районов Калининграда по возрастным группам. Ленинградский район выступает основным аттрактором населения трудоспособного возраста, численность которого за 2003—2018 гг. выросла на 12,8 % и составила 101,24 тыс. чел. Также Ленинградский район продемонстрировал лучшие среди других районов города показатели роста численности детей до 9 лет, что обусловлено более высокой долей женщин в структуре его населения: 55 % против 53 % в Московском и Центральном районах. Тенденция к «взрослению» населения отмечается в Московском районе, который имеет наибольший (36 % за 2003—2018 гг.) прирост жителей старше 60 лет среди других районов.

Таблица 2

Распределение населения районов Калининграда по возрасту, 2003—2018 гг.

Возрастная группа, лет	Численность населения на 01.01, тыс. чел.								
	Ленинградский			Московский			Центральный		
	2003	2018	Темпы прироста, %	2003	2018	Темпы прироста, %	2003	2018	Темпы прироста, %
0—4	5,37	11,82	120,3	5,73	9,02	57,3	4,16	7,98	91,9
5—9	5,56	9,30	67,5	6,06	8,81	45,5	4,47	7,19	60,6
10—14	8,96	8,22	-8,3	9,71	7,77	-20,0	7,49	5,84	-22,0
15—19	13,56	7,98	-41,1	13,68	7,41	-45,8	10,89	5,83	-46,5
<i>Всего</i>	33,45	37,33	11,6	35,18	33,01	-6,2	27,01	26,84	-0,6
20—24	12,33	9,02	-26,9	12,81	8,85	-30,9	10,10	6,96	-31,1
25—29	11,18	12,90	15,4	12,04	12,96	7,6	8,59	9,74	13,3
30—34	10,97	16,08	46,6	11,17	15,23	36,4	9,09	12,15	33,7
35—39	10,58	13,94	31,8	11,29	13,66	21,0	9,30	10,62	14,2
40—44	12,63	12,93	2,4	13,38	12,09	-9,7	10,55	9,83	-6,8
45—49	12,73	12,04	-5,4	13,12	10,99	-16,2	9,77	9,60	-1,8
50—54	12,57	11,49	-8,5	12,43	10,33	-16,9	8,91	9,16	2,9
55—59	6,79	12,84	89,0	6,39	11,89	86,2	5,13	9,80	91,1
<i>Всего</i>	89,77	101,24	12,8	92,61	96,00	3,7	71,43	77,86	9,0

Окончание табл. 2

Возрастная группа, лет	Численность населения на 01.01, тыс. чел.								
	Ленинградский			Московский			Центральный		
	2003	2018	Темпы прироста, %	2003	2018	Темпы прироста, %	2003	2018	Темпы прироста, %
60—64	8,64	11,66	35,0	7,97	11,29	41,7	7,06	8,72	23,6
65—69	7,41	10,37	40,0	6,53	9,79	50,0	6,03	7,30	21,1
70 лет и старше	13,07	16,24	24,3	11,58	14,37	24,1	11,86	13,04	9,9
<i>Итого</i>	29,11	38,27	31,5	26,08	35,45	36,0	24,95	29,07	16,5

Источник: составлено авторами по данным Калининградстата.

Основным источником данных об уровне образования жителей внутригородских районов Калининграда является Всероссийская перепись населения 2010 г., в которой представлено еще старое административное деление города. Согласно данным переписи [7] доля жителей с высшим образованием (включая послевузовское, высшее и неполное высшее профессиональное) в районах города колебалась от 21 до 31 %: наименьшая в Московском (21,4 %), Центральном (24,5 %) и Октябрьском (25 %), а наибольшая — в Балтийском (27,1 %) и Ленинградском (31,1 %). При этом Центральный район лидирует по численности населения с послевузовским образованием (465 чел., или 27,7 %, от Калининграда). Распределение населения со средним профессиональным образованием в районах Калининграда несколько иное: первенство у Балтийского (32,9 %), Ленинградского (31,2 %), Московского (30,9 %), а наименьшие показатели — у Октябрьского (29,9 %) и Центрального (28,9 %).

Экономическое развитие внутригородских районов Калининграда

Экономическое развитие внутригородских районов Калининграда оценено с позиции как концентрации работников и уровня оплаты их труда, так и локализации предприятий и организаций. Рисунок 4 представляет динамику среднесписочной численности работников по районам. В 2018 г. наибольшая доля в структуре размещения работников Калининграда принадлежала Ленинградскому району (37,2 %). На втором месте — Центральный (35,5 %), на третьем — Московский (27,2 %) районы. В сравнении с 2002 г. существенно возросла концентрация работников в Ленинградском районе (на 11,4 % — до 42 734 чел.), а в двух других — напротив, снизилась: в Московском — на 13,7 % — до 31 215 чел., в Центральном — на 8,8 % — до 40 781 чел.

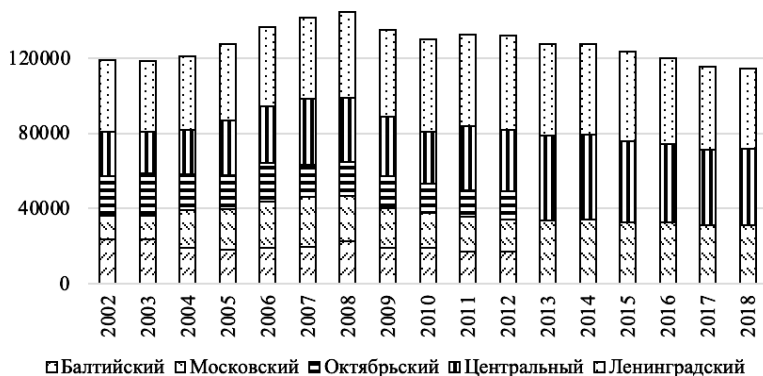

Рис. 4. Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) хозяйствующих субъектов

Источник: составлено авторами по данным Калининградстата.

Рисунок 5 демонстрирует разрыв между уровнем среднемесячной заработной платы работников внутригородского района и города. Если в 2002 г. наблюдались сильные различия между районами Калининграда по уровню заработной платы, то к 2013 г. они сгладились, а к 2018 г. уровень заработной платы ниже среднероссийских значений остался лишь в Ленинградском районе. В целом в 2018 г. средняя зарплата по Калининграду составляла 42,6 тыс. руб. и в разрезе районов: Московский — 43,4 тыс. руб., Центральный — 43,5 тыс. руб., Ленинградский — 41,2 тыс. руб.

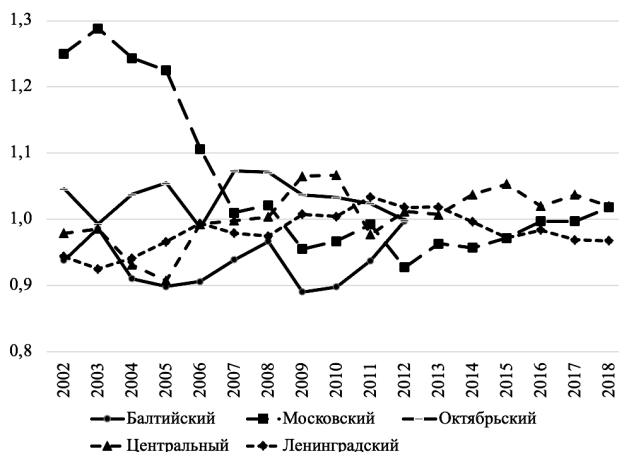

Рис. 5. Разрыв между уровнем среднемесячной заработной платы работников внутригородского района и города, раз

Источник: составлено авторами по данным Калининградстата.

Значительный интерес представляет структура экономики внутригородских районов Калининграда (табл. 3). Наивысшая локализация предприятий отмечается в Ленинградском районе (39,5 %), а наименьшая — в Московском (25,1 %). Лидирующими видами деятельности по количеству хозяйствующих субъектов выступают оптовая и розничная торговля, строительство и обрабатывающие производства.

Таблица 3

**Распределение предприятий по видам экономической деятельности
и внутригородским районам Калининграда, на 01.01.2018 г.**

ОКВЭД	Калининград, ед.	Внутригородские районы, %		
		Ленинградский	Московский	Центральный
<i>Всего</i>	36 354	39,5	25,1	35,5
A	466	36,5	27,7	35,8
B	76	31,6	38,2	30,3
C	3135	35,1	27,4	37,5
D	108	43,5	30,6	25,9
E	148	34,5	31,1	34,5
F	4765	41,6	23,6	34,8
G	12 447	39,6	26,6	33,8
H	2736	35,3	29,6	35,1
I	933	39,8	22,0	38,3
J	842	45,2	19,2	35,5
K	545	42,2	19,6	38,2
L	2674	39,6	24,5	35,9
M	2910	40,3	21,8	37,9
N	1344	39,4	25,0	35,6
O	200	31,0	16,0	53,0
P	550	42,0	23,3	34,7
Q	551	48,3	16,7	35,0
R	465	40,9	20,4	38,7
S	1452	39,7	22,0	38,2

Примечание: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство — А; добыча полезных ископаемых — В; обрабатывающие производства — С; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха — D; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений — E; строительство — F; торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов — G; транспортировка и хранение — H; дея-

тельность гостиниц и предприятий общественного питания — I; деятельность в области информации и связи — J; деятельность финансовая и страховая — K; деятельность по операциям с недвижимым имуществом — L; деятельность профессиональная, научная и техническая — M; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги — N; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение — O; образование — P; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг — Q; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений — R; предоставление прочих видов услуг — S.

Источник: составлено авторами по данным Калинингратата.

Цифровое развитие внутригородских районов Калининграда

В Калининграде по состоянию на 01.01.2018 г. действовали 842 компании в области информации и связи, наибольшая доля которых зарегистрирована в Ленинградском районе — 45,2 %, в том числе ведущих деятельность в области телевизионного и радиовещания, а также в сфере телекоммуникаций (табл. 4). Около трети всех калининградских информационно-коммуникационных компаний занимается разработкой компьютерного программного обеспечения, оказанием консультационных и других сопутствующих услуг.

Таблица 4

Распределение предприятий по виду экономической деятельности «Деятельность в области информации и связи» и внутригородским районам Калининграда, на 01.01.2018 г.

ОКВЭД	Калининград, ед.	Внутригородские районы, %		
		Ленинградский	Московский	Центральный
<i>Всего</i>	842	45,2	19,2	35,5
58.2	3	33,3	33,3	33,3
60	36	44,4	13,9	41,7
60.1	32	40,6	15,6	43,8
60.2	3	66,7	0,0	33,3
61	111	41,4	21,6	36,9
61.1	109	41,3	22,0	36,7
61.2	1	100,0	0,0	0,0
61.9	1	0,0	0,0	100,0
62	376	45,2	20,5	34,3
63	139	46,8	15,1	38,1
63.1	113	51,3	14,2	34,5
63.9	26	26,9	19,2	53,8

Примечание: издание программного обеспечения — 58.2; деятельность в области телевизионного и радиовещания — 60; деятельность в области радиовещания — 60.1;

деятельность в области телевизионного вещания — 60.2; деятельность в сфере телекоммуникаций — 61; деятельность в области связи на базе проводных технологий — 61.1; деятельность в области связи на базе беспроводных технологий — 61.2; деятельность в области телекоммуникаций прочая — 61.9; разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги — 62; деятельность в области информационных технологий — 63; деятельность по обработке данных, предоставление услуг по размещению информации, деятельность порталов в информационно-коммуникационной сети «Интернет» — 63.1; деятельность в области информационных услуг прочая — 63.9.

Источник: составлено авторами по данным Калининградстата.

Таблица 5 презентует результаты геоинформационного анализа о распределении покрытия 4G и 4G+ между районами Калининграда. Лучшие показатели покрытия имеет Ленинградский район, на втором месте — Московский, и на третьем — Центральный.

Таблица 5

Интернет-покрытие внутригородских районов Калининграда, 2021 г.

Внутригородской район Калининграда	Площадь территории, км ²	Доля интернет-покрытия, %	
		4G+	4G
Центральный	88,2	32,98	61,33
Ленинградский	44,4	59,69	91,98
Московский	66,98	48,04	77,23

Источник: рассчитано авторами на основе данных о покрытии оператора «Мегафон».

Результаты корреляционного анализа выявили высокую степень зависимости между долей территории района, покрытой стандартом связи 4G+, и темпами прироста населения и среднесписочной численности работников в 2002—2018 гг.: парные коэффициенты корреляции равны 0,73 и 0,71.

Вывод

Данное исследование было посвящено проблеме цифрового разрыва на уровне внутригородских районов города. При оценке социально-экономической динамики и цифрового развития трех районов Калининграда были выявлены существенные различия между ними. Значимыми факторами цифровой неоднородности выступили различия в темпах прироста населения и генерации рабочих мест. Ленинградский район Калининграда, будучи лидером по приросту

сту жителей, в том числе трудоспособного и моложе трудоспособного возраста, а также по приросту численности работников и доле предприятий и организаций, имел и более высокие показатели интернет-покрытия территории наиболее современным из представленных в Калининградской области стандартов связи — 4G+. Таким образом, можно говорить о подтверждении гипотезы, поставленной в начале исследования, о неоднородности цифрового пространства города и зависимости его развития от сложившейся социально-экономической динамики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ 21-77-00082 «Цифровая трансформация трансграничного сотрудничества регионов России как фактор национальной безопасности».

Список литературы

1. *Vicente M. R., López A. J.* Assessing the regional digital divide across the European Union-27 // *Telecommunications Policy*. 2011. Vol. 35, № 3. P. 220—237.
2. *Шиняева О. В., Полетаева О. В., Слепова О. М.* Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 4. С. 68—85.
3. *Михайлова А. А.* Оценка восприимчивости населения регионов России к внедрению цифровых технологий // *Балтийский регион*. 2021. Т. 13, № 3. С. 168—184. doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-9.
4. *Плотичкина Н., Морозова Е., Мирошниченко И.* Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 4. С. 70—83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-70-83>.
5. *Wang D., Zhou T., Wang M.* Information and communication technology (ICT), digital divide and urbanization: Evidence from Chinese cities // *Technology in Society*. 2021. Vol. 64, № 101516. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2020.101516>.
6. *О реорганизации районных администраций: решение окружного Совета депутатов города Калининграда № 141 от 29 июня 2009 г.* // Официальный сайт администрации ГО «Город Калининград». URL: klgd.ru/docs/norms/texts/re141_09_php?print=Y (дата обращения: 30.09.2021).
7. *Всероссийская перепись населения 2010 г.* Калининградстат. URL: https://kaliningrad.gks.ru/National_Population_Census_2010 (дата обращения: 30.09.2021).
8. *Карта покрытия Калининградской области // Мегафон.* URL: <https://kaliningrad.megafon.ru/internet/4g/> (дата обращения: 02.06.2021).
9. *Численность населения по муниципальным образованиям / Калининградстат.* URL: https://kaliningrad.gks.ru/storage/mediabank/lv6RyGEt/02_01%20%20Население%202020.pdf (дата обращения: 30.09.2021).

Об авторах

Анна Алексеевна Михайлова, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник гранта РФФИ, старший научный сотрудник Центра геополитических исследований Балтийского региона, Институт региональных и геополитических исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Tikhonova.1989@mail.ru

Дмитрий Витальевич Хвалец, магистрант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: DKHvalei1.kantiana.ru

The authors

Dr Anna A. Mikhaylova, senior research fellow, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Tikhonova.1989@mail.ru

Dmitry V. Hvalec, undergraduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: DKHvalei1.kantiana.ru

УДК 911.9 (470.26)

Л. Г. Гуменюк²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

МЕСТО МАЛЫХ ГОРОДОВ В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Малые города Калининградской области, сосредоточив треть населения области, играют важную роль в региональной системе расселения. Формируя опорный каркас, они выступают важными транспортными, производственными, инфраструктурными и административными центрами, поддерживающими связь между крупным городом и сельской местностью региона. Вместе с тем малые города в силу своего экономико-географического положения обладают специфическими функциями, что напрямую находит отражение в показателях динамики численности их населения. Целесообразно проанализировать, как со временем изменились функции, а соответственно, и численность малых городов Калининградской области.

Small towns of the Kaliningrad region, concentrating a third of the region's population, play an important role in the regional settlement system. Forming a supporting frame, they act as important transport, production, infrastructure and administrative centers that maintain a connection between a large city and rural areas of the region. At the same time, small towns, due to their economic and geographical location, have specific functions, which is directly reflected in the indicators of the dynamics of the population of small towns in the region. It is advisable to analyze how the functions have changed over time, and, accordingly, the number of small towns in the Kaliningrad region.

Ключевые слова: Калининградская область, малые города, система расселения, сельская местность.

Keywords: Kaliningrad region, small towns, settlement system, rural area.

Система расселения Калининградской области является пространственным отражением всех социально-экономических процессов, протекающих в регионе. Изменение модели развития региона напрямую отражается на системе

расселения, что позволяет использовать последнюю в качестве объекта исследования в контексте компаративистского анализа особенностей развития эксклавного региона России. В регионе, как и в стране в целом, за последние 30 лет произошли коренные изменения в модели социально-экономического развития, и, как следствие, в системе расселения региона. На основе анализа предшествующих исследований [1; 3; 4] можно выделить несколько ключевых трендов в современном процессе трансформации системы расселения региона:

1. *Агломерационный эффект*, выраженный в нарастающей концентрации населения вокруг города Калининграда, что позволяет говорить о формировании Калининградской городской агломерации. Можно спорить о ее составе и границах, но факт ее наличия не должен вызывать академических споров.

2. *Концентрация населения* в прибрежной зоне, в первую очередь в приморских городах, обладающих туристско-рекреационным потенциалом: Светлогорск, Зеленоградск, Пионерский и пгт Янтарный.

3. *Сокращение численности* как городского, так и сельского населения в периферийной, приграничной полосе расселения как результат нарастания центр-периферийного характера развития региона в целом.

4. *Постепенная утрата* функций малыми городами Калининградской области в силу концентрации административных, финансовых, производственных и других ресурсов в административном центре. Сюда же накладывается и возрастание общей степени мобильности населения, в том числе благодаря повышению уровня транспортной связности всего региона и сравнительно небольшим размерам территории в целом.

С учетом отмеченных трендов целесообразно понять, как со временем изменились место и роль малых городов Калининградской области в системе расселения региона. В Калининградской области насчитывается 22 города и один поселок городского типа, при этом за исключением Калининграда это малые города численностью менее 50 тыс. человек. А. В. Белова [2] предлагает выделять в системе расселения региона полусредние города численностью от 20 до 50 тыс. человек. При этом суммарно на 1 января 2021 г. в малых городах региона проживает 298,7 тыс. человек, что составляет 29,3 % от общей численности населения и 37,7 % от численности городского населения региона. Если посмотреть на выполняемые малыми городами функции, то, за исключением города Приморска, все они сосредоточены в административной сфере — это центры муниципальных образований. Также все они являются важными узлами транспортного каркаса региона, выступают производственными, инфраструктурными и социально-обслуживающими центрами. Вместе с тем экономико-географическое положение наделило малые города региона дополнительными функциями.

Города, расположенные вблизи Калининграда, выполняют классические функции городов-спутников, выступая центрами концентрации населения (Гурьевск) или размещения производственных мощностей (Гурьевск, Светлый, Ладужкин).

Приморские города региона (Светлогорск, Зеленоградск, Пионерский, пгт Янтарный), будучи курортными городами, реализуют свой туристско-рекреационный потенциал. Исключение составляет приморский город Балтийск, который выполняет военно-стратегическую функцию, являясь базой размещения сил ВМФ.

Большинство малых городов региона, выступающих центрами соответствующих муниципальных образований и расположенных вдали от административного центра (свыше 50 км), имеют классическую функцию городов, обслуживающих сельское поселение, с одной стороны, и обеспечивающих первичную переработку сельхозпродукции района — с другой. Это «посредническая» функция между крупным городом (Калининградом) и сельскими территориями. Они представляют собой промежуточное звено во внутрирегиональной миграции по маршруту «деревня — малый город — крупный город», а также выполняют распределительную функцию в сбыте товаров и услуг для сельского населения района. К числу таких городов относятся Полесск, Гвардейск, Славск, Неман, Краснознаменск, Нестеров, Озерск, Правдинск, Багратионовск и Мамоново.

На фоне остальных малых городов региона выделяются Советск, Черняховск и Гусев. Первые два из них ближе всех в начале 2000-х гг. приблизились к отметке 50 тыс. человек населения. Но объединяет эти города наличие предпосылок становления в качестве субрегионального центра восточной части Калининградской области. Каждый из этих городов обладает потенциалом стать промежуточным звеном между Калининградом и остальными малыми городами региона, перетянув из административного центра часть производственных, финансовых, инновационных и даже управленческих функций, которые в настоящее время продолжают концентрироваться в областном центре. И если раньше о такой возможности говорили применительно к Советску и Черняховску, то сейчас к их числу принято относить и Гусев в силу высоких темпов социально-экономического развития, демонстрируемых городом в последние годы.

С точки зрения роли малых городов в региональной системе расселения, как показывают данные таблицы, доля населения области, проживающего в малых городах, на протяжении большей части истории региона оставалась стабильной и составляла около 30 % от всего его населения. При этом для большинства восточных малых городов региона был характерен резкий всплеск численности населения к 1989 г. с нарастанием численности до 2002 г. и с последующим медленным возвратом к показателям 1989 г. Сегодняшняя численность населения малых городов вполне сопоставима с показателями конца периода СССР. Эта динамика показывает, что массовое движение населения из сельских территорий в малые города региона началось с наступлением кризиса в сельском хозяйстве, пришедшегося на середину 1980-х гг. В последующем население начало медленно концентрироваться в областном центре, а численность малых городов стала плавно возвращаться к показателям 1989 г.

Численность населения городов Калининградской области в период 1959—2021 гг., тыс. человек

Город	1959	1970	1989	2002	2010	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Калининград	203,5	296,9	401,2	430	431,9	459,5	467,3	475,1	482,4	489,4	493,3
Советск	31,9	38,5	41,8	43,2	41,7	40,9	40,5	39,8	39,2	39	38,5
Черняховск	29	33,4	39,6	44,3	40,4	37	36,4	35,9	35,4	35,4	35,4
Балтийск	17,3	20,3	27,1	33,2	32,7	33,7	33,2	33,3	33,5	33,7	33,9
Гусев	14,1	22	27	28,4	28,3	28,2	28,3	28,3	28,3	28,5	28,2
Светлый	7,4	14,8	21,7	21,7	21,4	22	22,1	22	21,7	21,6	21,4
Неман	9,4	11,6	13,8	12,7	11,8	11,1	10,9	10,9	10,9	10,8	10,8
Гвардейск	7,5	10,5	11,9	14,5	13,9	13,2	13,2	13,2	13,2	13,3	13,4
Светлогорск	6,7	7,7	11,8	10,9	10,8	12,4	13	13,7	14,3	15,2	16,1
Пионерский	7,6	9,2	11,6	11,8	11	11,3	11,3	11,3	11,5	12,2	12,6
Зеленоградск	6,8	9,1	11,5	12,5	13	14,8	15,5	15,6	15,9	16,5	17,3
Гурьевск	2,3	3,6	7,9	10,9	12,4	15	16,3	17,3	18,3	19,3	19,7
Мамоново	5,4	7,2	7,8	7,4	7,7	8	8,1	7,9	8	8	8,1
Полесск	5,4	5,6	6,8	7,6	7,6	7	7	7	7	6,9	6,9
Багратионовск	4,4	5,5	6,7	7,2	6,4	6	6,4	6,5	6,3	6,4	6,4
Озерск	3,8	4,5	6,2	5,8	4,7	4,2	4,1	3,9	3,8	3,8	3,8
Янтарный	4,3	4,9	4,9	5,4	5,5	5,5	5,5	5,6	5,5	5,6	5,6
Нестеров	3,2	4	4,8	5	4,6	4,2	4,1	4	4	3,9	3,9
Славск	3,8	4	4,6	5,1	4,6	4,2	4,1	4,1	4	4	4
Правдинск	2,7	3,3	4,1	4,4	4,3	4,2	4,2	4,1	4,1	4	4
Краснознаменск	2,8	2,9	3,8	3,7	3,5	3,2	3,2	3,2	3,2	3,1	3
Ладушкин	1,6	2,2	3,1	3,7	3,8	4	4	3,9	3,9	3,9	3,8
Приморск	2	1,7	1,8	2,1	1,9	1,9	2	2	2	1,9	1,9
Численность населения области	610,8	731,9	871,2	955,2	941,8	976,4	986,2	994,5	1002,1	1012,5	1018,6
Общая численность населения малых городов	179,4	226,5	280,3	301,5	292	290,1	291,4	293,5	294	297	298,7
Доля малых городов в численности населения области, %	29,3	30,9	32,1	31,5	31,0	29,7	29,56	29,5	29,3	29,33	29,3

С другой стороны, можно отметить влияние агломерационного эффекта и приморского фактора на динамику численности населения малых городов. Данные 1989 г. показывают, что Гвардейск и Зеленоградск имели одинаковую численность населения, а к 2021 г. численность Зеленоградска стала на 3 тыс. человек больше. Гурьевск в 1989 г. был идентичен городу Мамоново, но к 2021 г. численность первого выросла в два раза. Наибольший прирост численности населения наблюдается именно у малых городов, расположенных ближе всех к Калининграду (Гурьевск, Светлый).

Заключение

Малые города Калининградской области выполняют важную роль в региональной системе расселения. Их роль и функции меняются вслед за изменениями в характере социально-экономического развития региона. Многие малые города региона постепенно утрачивают традиционные для себя функции, что требует стратегического подхода к выработке новых возможностей для их развития. Продолжая оставаться связующим звеном между крупным городом и сельской местностью, многим из них еще предстоит понять, какими конкурентами преимуществами они обладают в современных условиях, и проделать долгий путь в сторону новой пространственной функциональности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-05-00399 А «Теоретическое обоснование концепции и стратегии развития Калининградской области как приоритетной геостратегической территории Российской Федерации».

Список литературы

1. Анохин А. А., Шелест К. Д., Тихонова М. А. Тенденции динамики численности населения и устойчивость социально-экономического развития городов Северо-Западного федерального округа // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 36—57.
2. Белова А. В. Роль малых и полусредних городов в решении проблем регионального развития // Балтийский регион. 2011. № 1 (7). С. 126—133.
3. Федоров Г. М., Кузнецова Т. Ю., Разумовский В. М. Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 149, № 3. С. 15—31.
4. Романова Е. А. Развитие малых городов и сельских населенных пунктов западного побережья России за последние двадцать лет // Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений : матер. IV междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2020. С. 150—155.

Об авторе

Лидия Геннадьевна Гуменюк, кандидат географических наук, доцент кафедры социального и культурного сервиса и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; старший научный сотрудник, Институт геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: LOsmolovskaya@kantiana.ru

The author

Dr Lidia G. Gumenyuk, Associate Professor, Department of Social and Cultural Service and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Senior Researcher, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: LOsmolovskaya@kantiana.ru

И. Ю. Пекер³

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Уникальное географическое положение и экономические особенности такого эксклавного региона, как Калининградская область, делают его актуальным объектом научных исследований как с точки зрения социально-гуманитарных направлений, так и в области естественных наук. Для того чтобы провести количественную оценку потока научных публикаций с упоминанием Калининградской области, были использованы базы данных научных публикаций, а также наукометрические показатели, которые позволяют ориентироваться в пространстве научной информации. В качестве источников данных были взяты база данных научного цитирования Elibrary.ru и международная база данных Scopus («Скопус»).

The unique geographical position and economic features of such an exclave region as the Kaliningrad region make it an urgent object of scientific research both from the point of view of social and humanitarian directions, and in the field of natural sciences. In order to quantify the flow of scientific publications mentioning the Kaliningrad region, databases of scientific publications were used, as well as scientometric indicators that allow you to navigate in the space of scientific information. The scientific citation databases Elibrary. ru and the international database Scopus (Scopus) were used as data sources.

Ключевые слова: документально-информационный поток, научные публикации, наукометрия, география знания, Калининградская область.

Keywords: document flow, scientific publications, scientometrics, geography of knowledge, Kaliningrad region.

Калининградская область нередко упоминается в научных публикациях и российских, и зарубежных авторов. Большую нишу в исследованиях региона занимают публикации по таким направлениям, как региональная экономика,

приграничное и трансграничное сотрудничество, инновационная безопасность и сотрудничество, управление социально-экономическим развитием территорий [1—3]. Региональная экономика изучает инновационное развитие регионов и экономическое состояние предприятий [4]. Также можно отметить значительный вклад политической регионалистики и туристско-рекреационных наук в исследование Калининградской области [5; 6].

Определить количество и провести оценку научных публикаций с упоминанием Калининградской области можно при помощи специализированных баз данных научной информации, так как значительный ежегодный прирост числа научных публикаций делает нереалистичным проведение оценки результативности и эффективности науки с помощью экспертных методов [7]. Таким образом, исследователи прибегают к использованию универсальных наукометрических индикаторов в определенных базах данных научного цитирования. Такие базы были созданы для возможности навигации в публикационном пространстве на основе сопоставимых показателей количества публикаций, цитирования, индекса Хирша и других.

Цель данной работы — проследить динамику количества публикаций с упоминанием Калининграда и области в национальной базе научных публикаций РИНЦ и в международной системе *Scopus*, их тематическое разнообразие и основные научные центры.

За последние десять лет среди пяти наиболее продуктивных российских научно-образовательных организаций (МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, РАНХиГС, Финансовый университет при Правительстве РФ, УрФУ) средний ежегодный прирост количества публикаций в РИНЦ находится на уровне 14,2 % до 2020 г. В 2020 г. количество таких публикаций снижается в среднем на 13,7 %. Выборочный анализ организаций в *Elibrary.ru* показал, что эта тенденция распространяется на большую часть российских организаций. В *Scopus*, наоборот, количество публикаций российских авторов выросло на 5 %. Если вернуться к исследованию упоминания Калининградской области, можно отметить, что несмотря на снижение общего количества российских публикаций в 2020 г., число публикаций с упоминанием региона не снизилось, что подтверждает стабильный интерес к Калининградской области.

При помощи опции расширенного поиска на сайте *Elibrary.ru* удалось идентифицировать 7185 научных работ с упоминанием Калининграда и области в названиях публикаций, аннотациях и ключевых словах (рис. 1). Первая работа датирована 1957 г. До 2003 г. количество публикаций не превышало 100 единиц в год. Говорить о тенденции увеличения популярности исследования Калининградского региона можно с 2003 г., научная продуктивность с этого времени растет в среднем на 11,6 % в год с падениями в 2007, 2009, 2012, 2017 и 2019 г. За последний полный год (2020) количество публикаций составило 588 единиц.

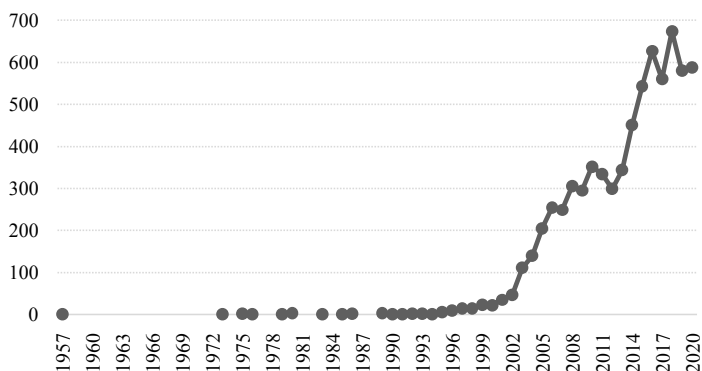

Рис. 1. Количество публикаций с упоминанием Калининграда и области в РИНЦ (1957—2020)

Число авторов к 2021 г. достигло 7929 человек из 599 различных российских и зарубежных образовательных и научных институтов. Среднее число публикаций в расчете на одного автора соответствует 0,91. На первых позициях по научной продуктивности разместились два калининградских вуза — Балтийский федеральный университет им. И. Канта и Калининградский государственный технический университет (табл. 1). Их публикации составляют 40 % от массива статей по Калининградскому региону. На третьем месте находится Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН. Стоит заметить, что большая часть написана сотрудниками Атлантического отделения Института — одного из ведущих научных морских учреждений Калининграда.

Таблица 1

Организации, публикующие статьи в РИНЦ с упоминанием Калининграда и области (1957—2021)

Название	Количество статей
Балтийский федеральный университет им. И. Канта	2007
Калининградский государственный технический университет	930
Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН	160
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	92
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	88
Институт археологии РАН	79
Санкт-Петербургский государственный университет	76

Окончание табл. 1

Название	Количество статей
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова	68
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет	50
Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии	47
Зоологический институт РАН	45
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	33
Федеральный научный центр кормопроизводства и агроэкологии имени В. Р. Вильямса	33
Центральный научно-исследовательский и проектный институт	32
Балтийский институт экономики и финансов	31

Среди наиболее продуктивных научных и образовательных центров оказались Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Институт географии РАН, Калининградский государственный технический университет, Санкт-Петербургский государственный университет и Южный федеральный университет.

В международной базе данных научного цитирования *Scopus* количество публикаций с упоминанием Калининграда и Калининградской области составляет 1045 (рис. 2). Первая статья была проиндексирована в 1961 г. в журнале «Вестник дерматологии и венерологии», и до 1973 г. статьи индексировались исключительно по медицинским тематикам, затем начали появляться первые статьи по энергетике и химическим технологиям.

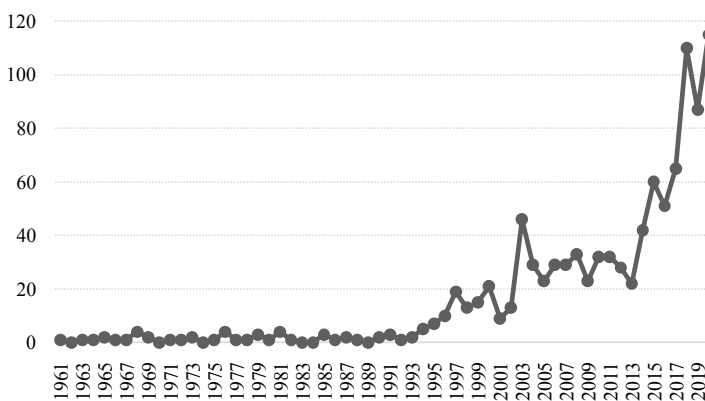

Рис. 2. Количество публикаций с упоминанием Калининграда и области в *Scopus* (1961—2020)

Наибольшее число публикаций входит в раздел социальных наук, наук о Земле и об окружающей среде (рис. 3).

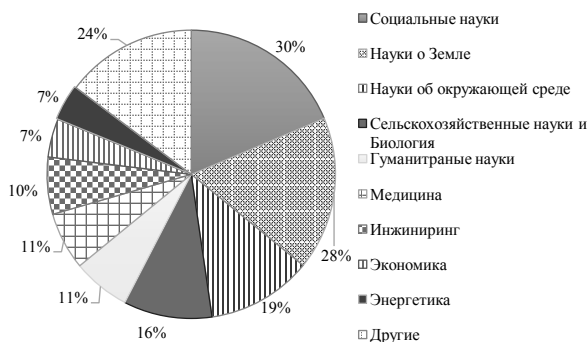

Рис. 3. Тематические направления публикаций в *Scopus* с упоминанием Калининграда и области (1961—2021)

Анализ ключевых слов показал, что темы публикаций последних пяти лет отличаются от тем более ранних работ (рис. 4). Так, до 2006 г., например, статьи имели узкое тематическое разнообразие и были сосредоточены вокруг изучения России и Балтийского региона, исследования космоса, экологического активизма, генетического разнообразия, эпидемиологии и наркоситуации.

Публикации, вышедшие в 2006—2021 гг., разделены на несколько крупных кластеров. Это исследования стран Балтийского региона, трансграничной кооперации, инновационной и экономической безопасности, региональной экономики и миграции, приморских территорий, туризма, проблем окружающей среды и биологического разнообразия, янтаря.

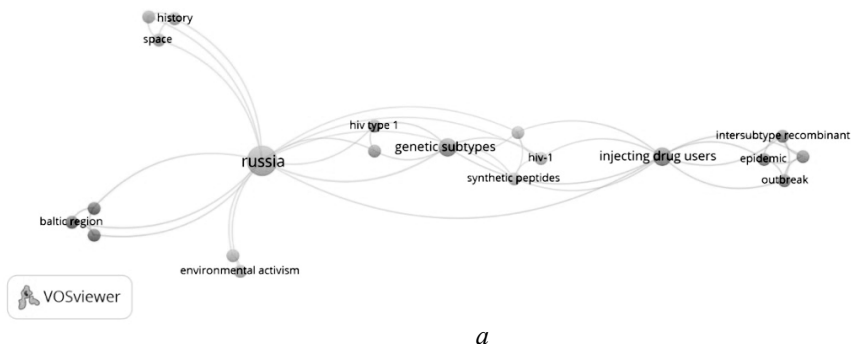
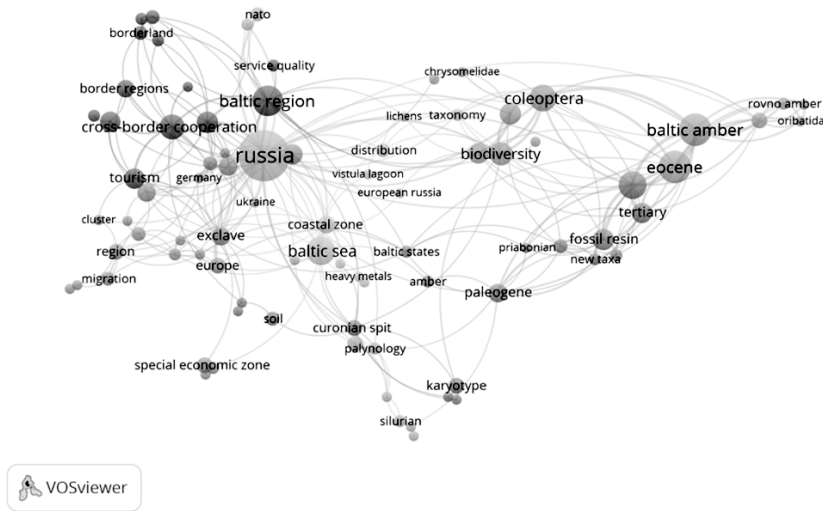

Рис. 4. Тематические направления публикаций в *Scopus* с упоминанием Калининграда и области:
 а — 1961—2005 гг.; б — 2006—2021 гг. (начало, окончание на с. 213)

б

Рис. 4. Тематические направления публикаций в *Scopus* с упоминанием Калининграда и области:
 а — 1961—2005 гг.; б — 2006—2021 гг. (окончание, начало на с. 212)

Распределение организаций, публикующих статьи в изданиях, индексируемых базой данных *Scopus*, схоже с тем, что мы выявили в РИНЦ (табл. 2). Среди более чем 160 организаций лидерами являются Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Российская академия наук, Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН и Калининградский государственный технический университет.

Таблица 2

Организации, публикующие статьи в *Scopus* с упоминанием Калининграда и области (1961—2021)

Название	Количество статей
Балтийский федеральный университет им. И. Канта	195
Российская академия наук (общий профиль организации)	146
Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН	67
Калининградский государственный технический университет	56
Институт Земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н. В. Пушкова РАН	26

Название	Количество статей
Зоологический институт РАН	25
Вильнюсский университет	24
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	19
Гданьский университет	19
Даугавпилсский университет	19
Санкт-Петербургский государственный университет	15
Польская академия наук	13
Польский геологический институт — Национальный исследовательский институт	12
Клайпедский университет	12
Институт археологии РАН	11

Иностранные исследователи затрагивают Калининград и область при изучении Балтийского региона и стран Европы (рис. 5). Большой кластер принадлежит исследованиям российско-польских отношений, изменений, касающихся границ, экономической безопасности. Отдельным блоком также публикуются исследования естественно-научного направления.

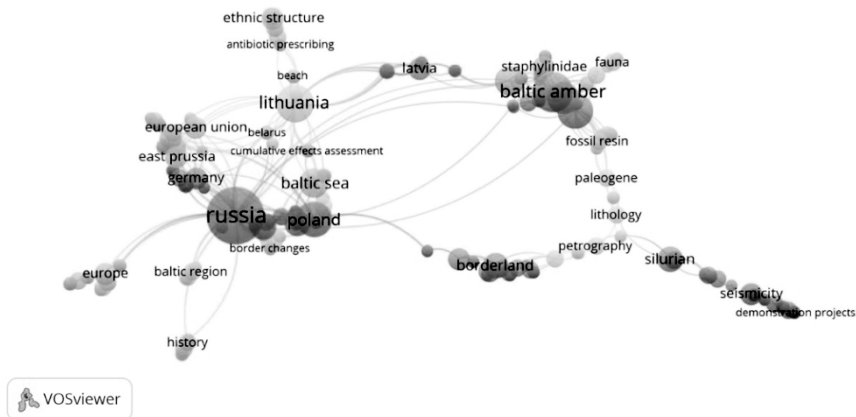

Рис. 5. Тематические направления публикаций в *Scopus* с упоминанием Калининграда и области (иностранные авторы) (1961—2005 гг. и 2016—2021 гг.)

Публикации в ведущих международных журналах, входящих в реферативную базу данных *Scopus*, являются одним из критериев конкурентоспособности российских ученых. Более того, такие преимущества, как большая широта

покрытия, наличие достаточного количества аналитических инструментов для анализа публикационной активности объекта того или иного территориального уровня, делают *Scopus* наиболее универсальным источником данных. Так, авторы из Польши затрагивают Калининградскую область в исследовании приграничного сотрудничества и экономической безопасности. Авторы из Германии упоминают Калининградскую область в публикациях по вопросам безопасности Европы, милитаризации, влияния Европейского союза на внутреннюю политику в регионе. Литовские исследователи опубликовали большую часть работ в рамках наук о земле и окружающей среде (изучение прибрежной зоны региона Балтийского моря, экологическая безопасность, морские экосистемы и антропогенные угрозы в морских районах).

Можно сделать вывод о том, что изучение Калининграда и области вызывает большой интерес у национального и международного научного сообщества. Это может быть связано с уникальностью эксклавного географического положения региона и во многом обусловленными им политическими, экономическими и социальными особенностями. Количество публикаций с упоминанием региона растет с каждым годом так же, как и тематическое разнообразие исследуемых аспектов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00399 «Теоретическое обоснование концепции и стратегии развития Калининградской области как приоритетной геостратегической территории Российской Федерации».

Список литературы

1. Калининградская область в новых координатах балтийской геополитики / В. В. Войников, Е. В. Волошенко, К. Ю. Волошенко [и др.]. Калининград, 2020.
2. Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России / Г. М. Федоров, К. Ю. Волошенко, В. В. Горочная [и др.]. Калининград, 2019.
3. Федоров Г. М., Зверев Ю. М. Калининградские альтернативы: 25 лет спустя : монография. Калининград, 2020.
4. Гареев Т. Р. Экономическое зонирование: классические и институциональные аспекты развития (на примере ОЭЗ в Калининградской области) // Terra Economicus. 2009. Т. 7, №3. С. 70—90.
5. Балтийский регион в Новое и Новейшее время: история и региональная политика / А. П. Клемешев, Г. В. Кретинин, В. Х. Гильманов [и др.]. Калининград, 2016.
6. Кропинова Е. Г. Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике. Калининград, 2016.
7. Пекер И. Ю. Применение наукометрических методов анализа публикационной активности (на примере оценки изученности Калининградской области) // Географический вестник. 2020. №4 (55). С. 43—53.

Об авторе

Ирина Юрьевна Пекер, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IPeker@kantiana.ru

The author

Irina Yu. Peker, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IPeker@kantiana.ru

Ю. А. Спирин¹, С. И. Зотов¹, Ю. В. Королева¹, В. С. Таран⁴

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

ВОДОТОКИ ПОЛЬДЕРОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Рассмотрены вопросы геоэкологического состояния и перспективы природопользования пolderных водотоков Калининградской области. Выявлены типичные природные и антропогенные воздействия на реки пolderных земель. В качестве основного объекта для геоэкологических исследований выступила речная сеть пolderной территории, расположенной в МО «Славский городской округ». Дана краткая оценка ее геоэкологического состояния и тенденций водопользования.

The paper considers the issues of the geoeological state and the prospects for the use of natural resources for the polder watercourses in the Kaliningrad region. Typical natural and anthropogenic impacts on the rivers of polder lands have been identified. The main object for geoeological research was the river network of the polder territory located in the municipal district «Slavsky urban district». A brief assessment of its geoeological state and trends in water use is given.

Ключевые слова: водотоки пolderных земель, геоэкологическое состояние водных ресурсов, антропогенное воздействие, Славский район.

Keywords: watercourses of polder lands, geoeological state of water resources, anthropogenic impact, Slavsky district.

Пolder — осушенный и возделанный низменный участок побережья. Пolderы обычно располагаются на месте низменных заболоченных морских побережий — маршей, часто ниже уровня моря, защищены от моря или других окружающих водоемов валами, дамбами и другими гидротехническими сооружениями от затопления морскими и речными водами. Уровень грунтовых вод в пolderах регулируется дренажными устройствами, часто с машинной откачкой воды. Пolderы отличаются высоким плодородием, обычно возделаны.

Свое распространение такой вид территорий получил по берегам Северного моря (в Нидерландах, Дании, Германии), а также в Польше, Японии, Литве, Латвии, Эстонии Белоруссии и в некоторых местах Атлантического побережья США, кроме того, они встречаются по побережью Черного моря, около украинского города Одессы. В России польдерные угодия можно встретить на Дальнем Востоке (пойменные участки реки Амур), в Москве (в районе Мещерской низменности), а также сравнительно небольшие участки отмечаются в некоторых поймах рек Санкт-Петербурга и Рязани. Основное же количество польдерных земель сконцентрировано на территории Калининградской области в Славском, Полесском, Зеленоградском, Мамоновском, Ладушкинском, Светловском, Советском, Черняховском, Гвардейском, Гурьевском городских округах, в Калининграде. В основном они располагаются вдоль берегов Калининградского и Куршского заливов и в поймах р. Преголи и Немана.

Если рассматривать этот тип ландшафтов на территории России, то наибольший интерес представляет Калининградская область. Из-за ряда хозяйственных и природных особенностей польдерных территорий региона внимания заслуживает речная сеть, располагающаяся на них.

Плодородность польдерных земель привела к развитию на большинстве из них сельскохозяйственного комплекса, а климатические и ландшафтные особенности — к созданию осушительных мелиоративных систем. Все польдеры области осушаемые и классифицируются как незатопляемые (зимние), то есть осушаются весь год. Сельское хозяйство выступает потенциально крупным источником поступления загрязняющих веществ в водные объекты, а мелиоративная сеть выполняет задачи по их транспортировке [1]. На польдерных территориях имеется большое количество стоков с сельскохозяйственных земель. Самотечные сточные воды с пастбищ и посевных площадей попадают в грунтовые воды, а далее в мелиоративную сеть, потом при помощи насосных станций они подаются в магистральные каналы и реки-водоприемники, и затем вниз по течению оказываются в заливах. Данные воды не проходят очистку, вследствие чего, возможно, оказывают серьезное негативное воздействие на водные объекты. Из-за специфики этих сточных вод их тяжело контролировать, а также точно оценить влияние на водные ресурсы. Последние тенденции по развитию сельскохозяйственного и гидромелиоративного комплекса могут усилить эти негативные факторы, что подразумевает необходимость в геоэкологическом мониторинге поверхностных водотоков [2; 3].

Небольшие уклоны земной поверхности, присущие польдерам, приводят к низкой скорости течения воды в реках, что замедляет их способность к самоочищению, а также вызывает заиливание. Подобные свойства в совокупности с сильными западными и северо-западными ветрами, особенно в осенний и зимний периоды, приводят к сгонно-нагонным явлениям из заливов, что также негативно отражается на качестве воды. Поскольку большая часть польдеров граничит с заливами, такая проблема стоит наиболее остро. Неглубокое за-

легание грунтовых вод на польдерных массивах и затопляемость территории приводит к образованию вымочек и заболачиванию. Усугубляет положение и высокое содержания в них железа, которое в больших количествах попадает в поверхностные воды. Обилие водных ресурсов и их высокая плотность на большей части польдерных земель привели к тому, что речная сеть имеет высокую транзитную способность, что делает ее сильно уязвимой из-за природного и антропогенного негативного влияния. Воздействия, связанные с загрязнением воды, отражаются не только в месте их локализации, но также постепенно распространяются на соседние водные объекты и заливы. Дополнительную неустойчивость речной сети придает то, что она представлена малыми водотоками, которые быстрее реагируют на загрязнение. Все эти природные особенности в той или мере, косвенно или напрямую способствуют загрязнению водных объектов.

Несмотря на распространенность польдерных территорий в Калининградской области, они по большей части представлены разрозненными польдерными массивами площадью от 0,8 до 7,5 тыс. га. Такие размеры влекут за собой и отсутствие крупных участков речной сети для целостного и всестороннего геоэкологического и гидрологического исследования речных объектов. Исключением может считаться самая крупная польдерная территория региона, расположенная на территории Неманской низменности в МО «Славский городской округ». Польдерные земли здесь занимают площадь около 68,0 тыс. га и включают в себя достаточно большое количество водотоков, что хорошо подходит для нашего исследования.

Загрязнение водотоков можно рассматривать как интегральный показатель геоэкологического состояния водосбора. Во время экспедиционных полевых исследований нами были отобраны пробы воды из рек этого района для проведения гидрохимического анализа по четырем гидрологическим сезонам. Самыми благоприятными сезонами стали осенний и зимний, в них класс качества воды в среднем характеризуется как «загрязненная», а самым неблагоприятными были летний и весенний, в них класс качества воды в среднем характеризуется как «грязная». Класс качества воды речной сети по всем данным наблюдения за 2020/21 гидрологический год можно охарактеризовать как «грязная», что для территории с минимальными антропогенными воздействиями достаточно критично.

Во время анализа полученных результатов, обнаружена привязка геоэкологического состояния к водному режиму, погодным условиям, природным и сельскохозяйственным циклам. В летний сезон сильная нагрузка на водные ресурсы обусловлена меженным периодом, активной фазой сельскохозяйственных работ и деятельностью живых организмов. В осенний период начинается паводок, идет уменьшение сельскохозяйственной и природной активности, что благоприятно влияет на гидрохимическое состояние водотоков. Затем в зимний период заданная осенью тенденция сохраняется, почти во всех случаях каче-

ство воды улучшается на 20—30 %. Причины такого явления те же: паводок сменяющийся заморозками и фактически полное отсутствие сельскохозяйственной и природной деятельности. Исключением стали р. Шлюзовая и Немонинка в фоновых точках мониторинга, где уровень железа превысил ПДК в 21 и 55 раз соответственно. Это привело к сильному ухудшению общей оценки. В весенний период отмечено самое плохое качество воды, несмотря на половодье и еще не совсем активизировавшийся живой мир. Причиной этому могут служить начало сельскохозяйственных работ и высокая водность, которая не только повышает разбавление загрязнений, но и усиливает их смыв с прилегающих территорий.

При любых видах водопользования необходимо учитывать данные особенности, а тем более в условиях постепенно нарастающих темпов сельскохозяйственного освоения и наращивания гидромелиоративных мощностей. Следует применять широкий спектр водоохраных мероприятий, чтобы нивелировать негативные последствия от природных и антропогенных воздействий. К основным можно отнести дробное внесение удобрений с переходом на более экологически чистые их вариации; увеличение производительности очистных сооружений в различных секторах; внедрение систем оборотного водоснабжения; создание водоохраных зон.

Список литературы

1. *Спирин Ю.А., Зотов С. И.* Оценка геоэкологического состояния поверхностных водотоков Славского района Калининградской области (летний гидрологический сезон) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Науки о Земле. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 33—43.
2. *Спирин Ю. А.* Улучшение мелиоративного состояния осушаемых сельскохозяйственных земель польдерного массива в Славском районе Калининградской области // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. 2019. № 1(33). С 39—54.
3. *Спирин Ю. А., Пунтусов В. Г.* Тенденции и перспективы развития гидромелиоративного комплекса Славского района Калининградской области // Овощи России. 2021. № 2. С. 86—92.

Об авторах

Юрий Александрович Спирин, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: spirin1234567890@rambler.ru

Сергей Игоревич Зотов, доктор географических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: zotov.prof@gmail.com

Юлия Владимировна Королева, кандидат географических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: yu.koroleff@yandex.ru

Вероника Сергеевна Таран, магистрант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ronya.volkova@yandex.ru

The authors

Yuriy A. Spirin, PhD-student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: spirin1234567890@rambler.ru

Prof. Sergey I. Zotov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: zotov.prof@gmail.com

Dr Yulia V. Koroleva, associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: yu.koroleff@yandex.ru

Veronika S. Taran, student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ronya.volkova@yandex.ru

Л. О. Дизендорф¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА НА БАЛТИЙСКОЙ КОСЕ

Балтийская коса — востребованный природный объект у жителей и гостей Балтийского региона. Из-за отсутствия природоохранных мероприятий и регулирования отдыха природные комплексы разрушаются, активизируются негативные природные процессы. Сложившуюся ситуацию возможно исправить путем создания на территории косы национального парка с эффективной системой управления, геоэкологическим мониторингом и современной инфраструктурой, что сделает данный объект более востребованным в рекреационном плане, но при этом позволит сохранять и восстанавливать природные комплексы и ресурсы косы.

The Baltic spit is a popular natural object among residents and guests of the Baltic region, but due to the lack of environmental measures and regulation of recreation, natural complexes are disturbed and negative natural processes are activated. The current situation can be corrected by creating a national park on the territory of the spit with an effective management system, geoecological monitoring and modern infrastructure, which will make this object more in demand in the recreational plan, but at the same time, it will allow preserving and restoring the natural complexes and resources of the spit.

Ключевые слова: Балтийская коса, Калининградская область, национальный парк, особо охраняемая природная территория, Вислинская коса.

Keywords: Baltic spit, Kaliningrad region, national park, specially protected natural area, Vistula Spit.

Введение

Вислинская коса — уникальное образование юго-восточного побережья Балтийского моря. Для ее территории, с одной стороны, характерна высокая динамичность протекающих процессов, приводящая к трансформации

природных комплексов (ПК) и их отдельных компонентов, что обуславливает необходимость их сохранения и поддержания в функциональном состоянии. С другой стороны, богатый природно-ресурсный потенциал косы (песчаные пляжи, благоприятный климат, Балтийское море и Вислинский залив, живописные ландшафты, исторические достопримечательности) делают ее крайне привлекательной в рекреационной сфере. Территория Вислинской косы, принадлежащая России, называется Балтийской косой. Балтийская коса долгое время была лишена природоохранного статуса, что способствовало активному освоению этой территории в рекреационных целях и привело к практически полному отсутствию природоохранных мероприятий. Результатом сложившейся ситуации стали негативные изменения природных комплексов, активизация разрушающих природных процессов преимущественно в районе дюнно-грядовых комплексов и пос. Коса, что определяет необходимость создания на Балтийской косе национального парка.

Описание района исследования

Вислинская коса — уникальный природный объект юго-восточной Балтики, представляющий собой узкую полосу суши, омываемую водами Балтийского моря и Вислинского залива [1].

Единое мнение по поводу ее протяженности и ширины отсутствует. Ряд исследователей считает, что к Вислинской косе относится только та часть, которая отделена от материка проливом — 55 км, а 10 км, которые присоединены к материка, считают продолжением Самбийского полуострова из-за геологического строения. В связи с этим общая длина Вислинской косы — 55 км, из которых 25 км принадлежат Российской Федерации, а остальные 30 км — Республике Польша, ширина косы колеблется в пределах от 300 м до 1,8 км [1; 2]. По мнению других исследователей, Вислинская коса имеет длину, равную 60 или 65 км. Дело в том, что до 1510 г. Вислинская коса была единым целым, однако после сильного шторма на месте нынешнего канала образовался прорыв. Протяженность косы на российской части в таком случае составляет 30—35 км, а ширина колеблется от 300 м до 8—9 км [8; 9].

Вислинская коса впервые упоминается в IX в. как *Aistmariu nerija*. В XIII в. она носила название *Insula Neria (Nerey)*, а в XIV в. — *Frische Nehrung*. Сегодня польская территория косы именуется Вислинской косой (*Mierzeja Wiślana*), а российская — Балтийской косой.

Рельеф Балтийской косы сформировался в результате ветро-волновой деятельности. В направлении «море — залив» выделяются следующие зоны: морской пляж, авандюна, приморская дюнная гряда, преддюнная равнина (пальве), дюнные массивы, призаливная терраса (призаливная пальве) и пляж, примыкающий к заливу [3].

Климат Балтийской косы является переходным от морского к умеренно-континентальному. В среднем на Балтийской косе наблюдается 70 солнечных дней в год, немного меньше — пасмурных дней — 60, а снег выпадает около 50 дней. Половину года идут дожди, особенно в осенний период. Средняя температура воздуха на косе +8°C, в самый холодный месяц — январь — -4 °C, а в самый теплый месяц — июль — +18°C.

Почвообразующие породы Балтийской косы — эоловые пески разной крупности и лагунные илы. Почвы косы представлены слабоподзолистыми, мелкоподзолистыми и дерново-слабоподзолистыми типами. Основные типы растительности на косе — лесной, луговой и прибрежный. Основные лесообразующие породы — сосна, береза, ольха черная и ель, также встречаются лиственница, клен, каштан, липа, ясень, дуб, ива и верба [3].

Большое значение имеют встречающиеся на косе эндемики Калининградской области, охраняемые на уровне региона. На косе их насчитывается 13 видов. Это несколько видов орхидей; пальчатокоренник мясокрасный, пальчатокоренник длиннолистный и дремлик ржаво-красный, а также один вид из Красной книги России — пальчатокоренник майский, линнея северная, блимус сжатый, ужовник обыкновенный, прострел луговой, козлобородник разносемянный, льнянка Лёзеля, синеголовник приморский и др. [3; 5].

На косе гнездится 96 видов птиц (дикие гуси, лебеди, дикие утки, большие бакланы, серые цапли, гагары, чайки и вороны). Животный мир представлен косулей, лисицей, барсуком, куницей, ежом, кабаном и др.

Ландшафты Балтийской косы относят к эоловому прибрежно-морскому типу. Структурная организация ландшафтов в направлении «море — залив» представлена береговой полосой, приморским дюнно-грядовым комплексом (авандюна, приморская дюнная гряда), преддюнной равниной, дюнными грядами, призаливной террасой.

На Балтийской косе сохранилось достаточно богатое культурно-историческое наследие. Аэродром Нойтиф (Neutief), построенный в 1934—1939 гг., предназначался для гидро- и сухопутной авиации. Он входил в систему береговых оборонных сооружений Пиллау (Балтийск) и позволял вермахту контролировать всю юго-западную часть Балтийского моря. Сооружения аэродрома являются объектами культурного наследия [10].

На косе более 70 лет назад базировалась немецкая авиация. На данный момент на территории аэродрома располагаются ангары для самолетов, а также бункеры и взлетно-посадочная полоса. После войны все сооружения сохранились в хорошем состоянии, и в 1947 г. здесь была создана советская военная база, где базировались пять гидросамолетов, а затем и самолеты-амфибии. После того как эти объекты покинули военные, они начали разрушаться. В настоящее время объекты аэродрома и взлетно-посадочная полоса частично сохранились, однако продолжают разрушаться, зарастать, местами ликвидировано покрытие, снесен один из ангаров [10].

Результаты

Категория ООПТ «Национальный парк» с позиции ее реализации на Балтийской косе имеет ряд преимуществ перед остальными категориями. Она направлена на сохранение природных комплексов и создание условий для регулируемого отдыха и туризма; наиболее строго охраняется, что позволит в полной мере сберегать природные комплексы косы; имеет федеральное значение, что позитивно повлияет на финансирование природоохранных мероприятий, подбор кадров, популяризацию данного объекта; предусматривает функциональное зонирование с выделением территории, которая будет предназначаться только для проведения научных работ и экологического мониторинга (заповедная зона), что даст возможность сохранить и поддерживать природные комплексы без какой-либо антропогенной деятельности.

Таким образом, с учетом особенностей природно-ресурсного потенциала Балтийской косы наиболее оптимальной для нее природоохранной категорией является категория «Национальный парк».

Национальный парк «Балтийская коса» будет располагаться между российско-польской границей и судоходным каналом в г. Балтийске Калининградской области, а также между соленым Балтийским морем и пресноводным Вислинским заливом.

В задачи национального парка будут входить:

1) сохранение природных комплексов, уникальных и эталонных природных участков и объектов:

— редких и исчезающих видов растений [7];

— мест гнездования птиц, занесенных в Красную книгу Балтийского региона [6; 7];

— мест обитания, размножения, отдыха птиц в период массовых миграций и перелетов (на косе гнездится 96 видов птиц, из них: дикие гуси, лебеди, дикие утки, большие бакланы, серые цапли, гагары, чайки и вороны);

— уникальных и эталонных природных участков и объектов (песчаная коса Балтийского моря с образцами эолового рельефа, дюнный комплекс, лес середины XIX в.);

2) сохранение историко-культурных объектов (фортификационные сооружения);

3) экологическое просвещение населения;

4) создание условий для регулируемого туризма и отдыха;

5) осуществление научной (научно-исследовательской) деятельности в области охраны окружающей среды в целях разработки мероприятий по сохранению и развитию природного потенциала и рекреационного потенциала РФ;

6) осуществление государственного экологического мониторинга;

7) восстановление нарушенных природных и историко-культурных комплексов и объектов [5; 6; 11].

В ходе исследования был проведен социологический опрос с использованием Google-формы среди жителей Калининградской области и гостей региона, по результатам которого стало понятно, что жители и гости региона беспокоятся за экологическую обстановку на Балтийской косе.

Так, среди 300 респондентов 84 % считают, что Балтийская коса должна носить статус ООПТ (рис.)

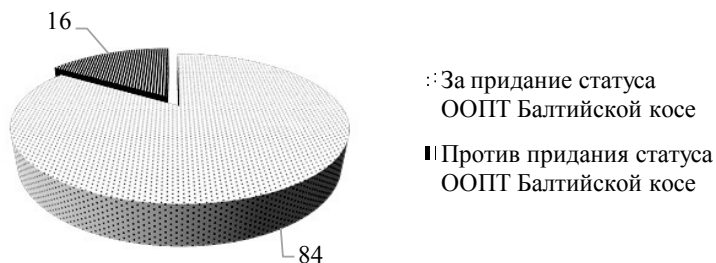

Рис. Структура опрошенных «за» или «против» придания статуса ООПТ Балтийской косе, %

Исследователи также считают, что коса представляет собой уникальный природный объект, испытывает неконтролируемую рекреационную нагрузку, нуждается в охране, поэтому целесообразно придать ей природоохранный статус [3—5].

В связи с тем что национальный парк предусматривает сохранение природных комплексов и создание условий для регулируемого туризма и отдыха, необходимо его функциональное зонирование, которое будет предусматривать следующие зоны: заповедную, особо охраняемую, рекреационную, хозяйственного назначения.

Также для функционирования НП необходимо создать дирекцию, службу охраны, отдел сохранения и восстановления ландшафтов, научный отдел, отдел экологического просвещения и туризма. Важный элемент организации устойчивого функционирования национального парка — проведение систематического геоэкологического мониторинга, особое место в структуре которого должен занимать эколого-рекреационный мониторинг рекреационных зон и прилегающих к ним территорий; реализация комплекса мероприятий, направленных на сохранение природных комплексов и компонентов (укрепление авандюны, создание новых и реконструкция существующих насаждений, снижение пожарной опасности лесов, их защита от насекомых-вредителей и болезней и т. д.).

В создании национального парка на Балтийской косе заинтересованы жители региона, администрация и специалисты в области экологии. Если Балтийская коса станет национальным парком, возрастет ее популярность и востребованность среди жителей и гостей региона, будут популяризоваться экологический туризм и стимулироваться устойчивое развитие в регионе.

Список литературы

1. *Балтийская коса*. URL: <http://www.baltiyskaya-kosa.ru/kosa-do-voyni> (дата обращения: 23.03.21).
2. *Болдырев В. Л., Бобыкина В. П.* Общие черты морфологии и динамики Вислинской косы // Экологические проблемы Калининградской области и Балтийского региона : сб. науч. тр. Калининград, 2001. С. 88—92.
3. *Волкова И. И., Корнеев В. С., Федоров Г. М.* Вислинская (Балтийская) коса. Потенциал возможностей / ред. Г. М. Федоров ; Калинингр. гос. ун-т. Калининград, 2002.
4. *Дедков В. П., Гришанов Г. В., Зотов С. И., Чернышков П. П.* Опыт комплексного экологического обследования планируемой особо охраняемой природной территории — государственного природного заказника «Балтийская коса» // Географический вестник. 2016. № 3. С. 121—126.
5. *Иванцов Д. В.* Создание национальных парков как полноценных рекреационных территорий // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2020. Т. 14, вып. 2 (1). С. 11—24.
6. *Калашикова Е. В.* Туристско-рекреационный потенциал и особенности развития туризма (на примере Национального парка «Куршская коса») // Туристско-рекреационный потенциал и особенности развития туризма и сервиса. 2020. С. 87—91.
7. *Красная книга Калининградской области. Животные, растения, грибы, экосистемы.* Калининград, 2010.
8. *Литвин В. М.* Рельеф и геоморфологическое районирование // Калининградская область: Очерки природы / сост. Д. Я. Беренбейм ; науч. ред. В. М. Литвин. Калининград, 1999. С. 36—53.
9. *Навроцкая С. Е., Чубаренко Б. В.* Тенденции изменения уровня моря в лагунах Юго-Восточной Балтики // Океанология. 2013. Т. 53, № 1. С. 17—28.
10. *Морское культурное наследие России: Балтика* / под ред. Л. Д. Башировой, М. О. Ульяновой, Л. В. Зубиной [и др.]. М., 2020.
11. *Об особо охраняемых природных территориях* : федер. закон от 15 февраля 1995 года № 33-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Об авторе

Лидия Олеговна Дизендорф, магистрант направления «Экология и природопользование», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: dizendorf_chugaeva@mail.ru

The author

Lidia O. Disendorf, master's student of Ecology and Nature Management, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: dizendorf_chugaeva@mail.ru

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН — РЕГИОН СОТРУДНИЧЕСТВА

Материалы V международной научно-практической конференции

Калининград
20—22 октября 2021 года

Том 5

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *В. Н. Ковалев*
Компьютерная верстка *В. Н. Тонковид*

Подписано в печать 23.12.2021 г.
Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 18,5
Тираж 500 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ 129

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6